

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология
2022
Том 22
Выпуск 4

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Панфилова А. О. К вопросу комфортной городской среды: социологические аспекты развития (с обращением к кейсу г. Владивостока) 370

Ивченков С. Г., Никифоров Я. А., Ситникова С. В. Удовлетворенность трудом персонала медицинских учреждений: теория и практика социологического изучения (на примере территориальной поликлиники Областного клинического кардиологического диспансера Саратовской области) 380

Понукалина О. В. Формирование отношения к деньгам в контексте семейного финансового конфликта 389

Суркова И. Ю., Моисеенко Н. В., Андрющенко О. В. Удовлетворенность сотрудников социальных служб работой в период организационных изменений 395

Темнова Л. В., Поповцева П. В. Факторы социальной травматизации профессиональной группы врачей 401

Калиникова М. В., Малинский И. Г., Минин А. А. Трудности вхождения иностранных студентов в образовательную среду вузов России (на примере Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского) 408

Фомин А. А. Разработка алгоритма для сбора социологических данных из онлайн-сообществ университетов в социальной сети ВКонтакте 413

Ермилова А. В. Характеристики социального поля спорта: некоторые элементы теории П. Бурдьё 418

Ивченкова М. С. Специфика, роль и методологические проблемы экспертного знания в социологическом исследовании 424

Mogilevich B. R. From the linguistic turn to linguosociology: The problems and perspectives [Могилевич Б. Р. От лингвистического поворота к лингвосociологии: проблемы и перспективы] 430

Терешонок Т. А. Оптимизация культурно-досуговой работы с курсантами высших учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации 434

Политология

Ильина Е. М. Теоретико-методологические основы анализа политики в сфере искусственного интеллекта 439

Шестов Н. И. Риски формирования и возможности мониторинга приверженности российских молодых граждан традиционным ценностям российского общества 448

Вилков А. А. Особенности восприятия региональной молодежью основных направлений российской государственной политики 453

Казаков А. А. Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики 460

Каминченко Д. И. К вопросу о сетевизации политического имиджа современного лидера: результаты эмпирического анализа 468

Слово молодым политологам

Широкова Е. О. Проблема обеспечения духовно-нравственной безопасности в программатике парламентских политических партий Российской Федерации 477

Приложение

Представляем книгу

Забузов О. Н. Военные науки и наука о войне в понимании российских и австрийских исследователей 484

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 5.4.1; 5.4.2; 5.4.3; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6; 5.4.7; 5.5.1; 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4)

Подписной индекс издания 36016.
Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).
Журнал выходит 4 раза в год.
Цена свободная.
Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49,

52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 23.11.22.

Подписано в свет 30.11.22.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 100 экз. Заказ 137-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

Panfilova A. O. On the question of a comfortable urban environment: Sociological aspects of development (Based on the case-study of Vladivostok city) 370

Ivchenkov S. G., Nikiforov Ya. A., Sitnikova S. V. Professional satisfaction of the medical institutions staff: Theory and practice of sociological study (Based on the case-study of the polyclinic of the Clinical cardiological dispensary, Saratov region) 380

Ponukalina O. V. The formation of the attitude towards money in the context of family financial conflict 389

Surkova I. Yu., Moiseenko N. V., Andryuschenko O. V. Professional satisfaction of social service employees with under organizational changes 395

Temnova L. V., Popovtseva P. V. The social traumatization factors of doctors' professional group 401

Kalinnikova M. V., Malinsky I. G., Minin A. A. The difficulties foreign students experience upon entering educational environment of Russian Universities (On the example of Saratov State University) 408

Fomin A. A. Development of the algorithm for collecting sociological data from universities' online communities in the social network VKontakte 413

Ermilova A. V. The characteristics of the sports social field: Some elements of P. Bourdieu's theory 418

Ivchenkova M. S. The specifics, role and methodological problems of expert knowledge in sociological research 424

Mogilevich B. R. From the linguistic turn to linguosociology: The problems and perspectives 430

Tereshonok T. A. Optimization of cultural and leisure activities for cadets at higher educational institutions of the Ministry of Defense of the Russian Federation 434

Politology

Ilyina E. M. Theoretical and methodological foundations of policy analysis in the sphere of artificial intelligence 439

Shestov N. I. Risks of formation and opportunities for monitoring the commitment of Russian young citizens to the traditional values of Russian society 448

Vilkov A. A. Peculiarities of perception of the main directions of Russian state policy by regional youth 453

Kazakov A. A. The attitude of Russian youth to the Special Military Operation: The role of media support of state policy 460

Kaminchenko D. I. On the issue of political image leader networkization: The results of an empirical analysis 468

New Voices: Young Political Scientists' Research

Shirokova E. O. The problem of ensuring spiritual and moral security in the programmatic of parliamentary political parties of the Russian Federation 477

Appendix

Presentation of the Book

Zabuzov O. N. Military sciences and the science of war in the understanding of Russian and Austrian researchers 484

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Темаев Тимур Вадудович, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, Ph.D. (Каламазу, США)

Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, доцент (Пенза, Россия)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)

Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Казakov Александр Александрович, доктор полит. наук (Саратов, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Москва, Россия)

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук (Волгоград, Россия)

Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук (Саратов, Россия)

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY"**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Timur V. Temaev (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)

Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)

Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)

Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)

Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)

Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)

Marina E. Elutina (Saratov, Russia)

Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)

Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)

Arbakhhan K. Magomedov (Moscow, Russia)

Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)

Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)

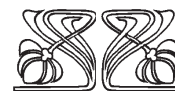
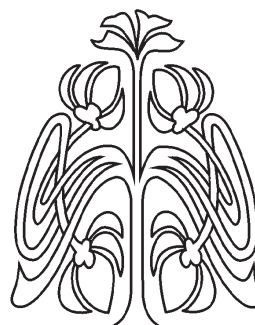
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)

Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)

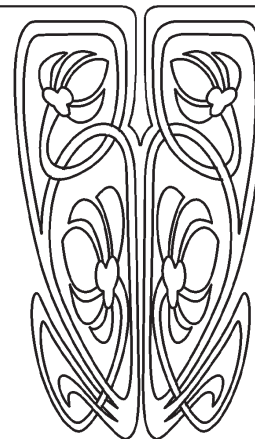
Irina M. Fadeeva (Moscow, Russia)

Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)

Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

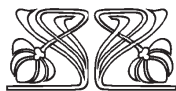
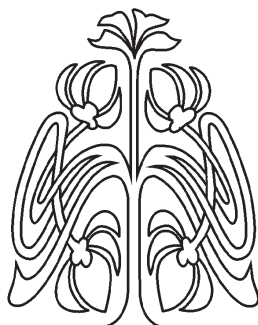

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

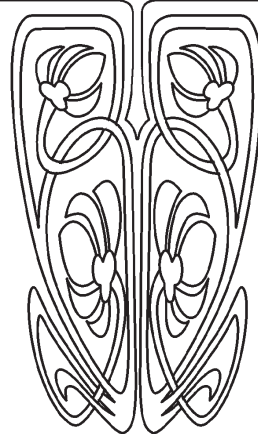

СОЦИОЛОГИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 370–379
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 370–379
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-370-379>
EDN: EKTRIZ

Научная статья
УДК 316.43

К вопросу комфортной городской среды: социологические аспекты развития (с обращением к кейсу г. Владивостока)

А. О. Панфилова

Дальневосточный федеральный университет, Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10

Панфилова Анна Олеговна, кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных наук, руководитель образовательной программы «Социология», anna_pl.vl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6156-828X>

Аннотация. В статье представлено авторское обобщение имеющихся исследовательских данных с целью социологического представления комфортности городской среды, проектных инструментов ее развития. Предмет исследования представлен как параметр социально-пространственного развития и как задача, важность решения которой артикулирована на государственном уровне и имеет свое нормативно-документальное и экспертное подтверждение. В исследовании использовались методы контент-анализа и экспертное онлайн-интервьюирование полуформализованного типа. Параметр комфортности показан через ряд целевых и инструментальных составляющих; выделены условия его развития. Экспертно сформулированы важные принципы развития комфортной городской среды: стремление к социальному балансу интересов вовлеченных субъектов; обеспечение доверия между ними; развитие человеческого потенциала города. Цифровизация сама по себе и концепция «Умного города» в частности являются нейтральными инструментами; их характер и эффективность зависят от того, какие именно задачи они решают, как встраиваются в специфику конкретных пространств. Сформулированы ряд сопутствующих факторов и рисков реализации с обращением к конкретному кейсу, показана его репрезентативность заявленной теме. Отмечены возможные направления дальнейших усилий по совершенствованию ситуации.

Ключевые слова: город, городское пространство, комфортная городская среда, урбанизация

Для цитирования: Панфилова А. О. К вопросу комфортной городской среды: социологические аспекты развития (с обращением к кейсу г. Владивостока) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 370–379. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-370-379>, EDN: EKTRIZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the question of a comfortable urban environment: Sociological aspects of development (Based on the case-study of Vladivostok city)

A. O. Panfilova

Far Eastern Federal University, FEFU campus, 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok 690922, Russia
Anna O. Panfilova, anna_pl.vl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6156-828X>

Abstract. The article contains the author's generalization of the available research data for the purpose of sociological representation of the urban environment comfort and design tools for its development. The subject of the study is presented as a parameter of socio-spatial development and as a task, the importance of which is articulated at the state level and has its own regulatory, documentary and expert confirmation. The study used methods of content analysis and expert online interviewing of a semi-formalized type. The comfort parameter is shown through a number of target and instrumental components; the conditions for its development are highlighted. Expertly formulated important principles for the development of a comfortable urban environment are as follows: striving for a social balance of interests of the subjects involved; ensuring trust between them; development of the human potential of the city. Digitalization itself and the Smart City concept in particular are neutral tools; their nature and effectiveness depend on what tasks they solve, how they fit into the specifics of certain spaces. A number of related factors and implementation risks are formulated with reference to a specific case; its representativeness to the declared topic is shown. Possible directions for further efforts to address them are noted.

Keywords: city, urban space, comfortable urban environment, urbanization

For citation: Panfilova A. O. On the question of a comfortable urban environment: Sociological aspects of development (Based on the case-study of Vladivostok city). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 370–379 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-370-379>, EDN: EKTRIZ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Продолжающаяся урбанизация как знаковый социокультурный процесс современности актуализирует вопрос гармонизации отношений человека со средой, конструирование таких условий жизнедеятельности, которые максимально способствовали бы развитию человеческого капитала. Поиск оптимальных, соотносимых с реальностью решений – дело нашего совместного будущего и одновременно фокус государственного интереса. Один из актуальных вопросов этой повестки – развитие качества и комфортности внутренних городских пространств, а также условий жизни и деятельности в них.

Функционирование и развитие города напрямую связаны с реальной повседневной жизнедеятельностью людей. Факторы и тренды функционирования городской среды так или иначе опосредуют жизнь каждого горожанина, генерируют новые риски, предъявляют свои требования к привычным практикам – труду, отдыху, общению, мобильности, адаптации к происходящему в целом.

Вопросы изучения и организации городских общественных и публичных пространств – тема, вызывающая живой исследовательский интерес. Социологическая теория и практика накопила обширный материал по концептуализации самого феномена, развития, функционирования и производства городского пространства. В призме внимания современных исследователей находятся вопросы, связанные с осмыслением и категоризацией города, его пространства и границ (В. С. Вахштайн, С. Маккуайр); восприятием горожанами своего «права на город» (В. С. Вахштайн, Э. К. Наберушкина, А. А. Желнина, Е. В. Лебедева); формированием и развитием городских идентичностей (Ж. В. Николаева, А. А. Троицкая, Н. А. Костко); феноменом и практиками городского активизма (А. А. Желнина, Е. В. Тыканова). Концептуальными основаниями научного осмысления

города выступают подходы, основанные на неомарксистской и критической теориях (Д. Харви, А. Лефевр), например социопространственный, на принципах социального активизма (Дж. Джейкобс), а также находящиеся «в границах структуралистского конструктивизма – акцент делается на таких понятиях, как социальный капитал, сетевое взаимодействие, агенты и пр.» [1, с. 47]. Прослеживается также большое дискурсивное влияние идей постмодернизма, данных культурных и кросскультурных исследований, междисциплинарных методологий, включающих в логику и дизайн исследований элементы социальной и экономической географии (Э. Сойа, Н. В. Зубаревич), концепций информационного города и глобального города (М. Кастельс, С. Сассен). Сходными в исследовательских усилиях авторов являются вопросы гармонизации отношений человека с городом, различные аспекты социального благополучия, факторы, возможности и риски дальнейшего развития урбанизированных территорий в многофакторном социокультурном контексте. Не является исключением и предмет нашего рассмотрения.

Анализ литературы показывает, что изучение актуального (как проблемного, так и желаемого) уровня жизни современного города, меры комфортности его пространства и объектов – с выходом в конкретное практическое поле, с фиксацией и описанием социальных фактов городской жизни, их социологической интерпретацией, попытками составления прогнозов, предложениями конструктивных рекомендаций – те исследовательские задачи, которые отвечают общественно-политическому запросу на гармоничное развитие городских территорий. Цель данной статьи – показать социологический вектор научного внимания к параметру комфортности городской среды, дать оценку его содержанию, рискам, сопутствующим факторам.

Город как искусственная, рукотворная и в силу этого специфическая среда обитания сегодня является местом рождения и социализации большинства современных людей. «Города выступают концентрированным выражением происходящих трансформаций, основным объектом управленческого воздействия. Отсюда рост исследовательского внимания к тому, что происходит в городах, увеличение предложения идей, концепций, подходов по управлению городами как сложной социальной системой» [2, с. 191]. Урбанизация, принявшая характер флагамена социальных процессов современности, с неизбежностью накладывает отпечаток на все области современной жизни и деятельности. «Как ожидается, к 2050 году городское население мира увеличится почти вдвое, таким образом, урбанизация будет одной из наиболее значимых по масштабам преобразований тенденций XXI века. Население, экономическая деятельность, социальное и культурное взаимодействие, а также экологическое и гуманитарное воздействие все в большей мере концентрируются в городах, и это создает огромные проблемы для устойчивости в том, что касается, в частности, жилья, инфраструктуры, основных услуг, продовольственной безопасности, здравоохранения, образования, достойной работы, безопасности и природных ресурсов» [3, с. 3].

«Процессы современной урбанизации создали необходимость исследования уровня благоустройства городов» [4, с. 338]. В содержании и направленности ряда нормативно-правовых актов, принятых на федеральном и муниципальном уровнях в РФ, также отражены актуальность и высокая социальная и государственная значимость этих процессов. В частности, речь идет о следующих документах:

– приказ Минстроя России от 24 апреля 2019 г. № 235/пр «Об утверждении методических рекомендаций по включению мероприятий по цифровизации городского хозяйства в государственные программы субъектов Российской Федерации и муниципальные программы формирования современной городской среды в рамках реализации федерального проекта “Формирование комфортной городской среды”»;

– приказ Минстроя России от 4 февраля 2019 г. № 80/пр «Об организации исполнения ведомственного проекта Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации по цифровизации городского хозяйства “Умный город” и о порядке организации в Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации отбора муниципальных образова-

ний в целях реализации пилотных проектов в рамках ведомственного проекта Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации по цифровизации городского хозяйства “Умный город”»;

– постановление Администрации города Владивостока от 23 марта 2018 г. № 1169 «Об утверждении муниципальной программы “Формирование современной городской среды на территории Владивостокского городского округа” на 2018–2027 годы» (с изм. на 20 мая 2020 г.).

Над этими документами проводится работа и в настоящее время, вносятся актуальные изменения. Так, в рамках постановления администрации г. Владивостока о формировании современной городской среды целевым образом отмечается повышение уровня комфортности жизнедеятельности горожан, а одна из задач конкретно направлена на увеличение количества цифровизированных объектов благоустройства. Проектный инструмент реализации этих целей «Умный город» – концепция, реализуемая в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» и национальной программы «Цифровая экономика». «Цель “Умного города” состоит не только в цифровой трансформации и автоматизации процессов, но и в комплексном повышении эффективности городской инфраструктуры» [5]. Собственно, тезис о том, что современное развитие городской среды проектно связано с развитием параметра ее комфортности через цифровизацию городских пространств, показывает применимость целевых установок и проектных инициатив в развитии пространства не только к кейсу столицы Приморья, но и к градоустроительной практике других российских городов. Цифровые технологии здесь выступают тем инструментом благоустройства общественных пространств, которые могут и должны работать на:

– повышение безопасности горожан и городского пространства;

– развитие и продвижение позитивного имиджа города, отражающего его привлекательность как в историко-культурном отношении, так и в плане современности и технологичности;

– обеспечение равнокомфортных условий жизнедеятельности и досуга для различных социальных групп и городских сообществ;

– развитие экономического благополучия города.

Реализация этих решений логически подразумевает и повышение уровня комфортности городской среды, и прогрессивное социальное развитие пространства российского города.

В исследовании использовались методы контент-анализа – работа с документами (нормативно-правовыми, методическими, научными); анализ и синтез содержательной части текстов; экспертное онлайн-интервьюирование полужормализованного типа. Помимо источников, представленных в списке литературы к данной статье, а также перечисленных выше, в работе были использованы:

– материалы официального сайта «Минстрой России», раздел «Городская среда» (<https://minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/>);

– материалы официального сайта Федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» (<https://gorodsreda.ru/>);

– материалы официального сайта г. Владивостока (<http://old.vlc.ru/>);

– реплики и мнения участников экспертного диалога «Архитектор в городе» и экспертной дискуссии «Городские практики во Владивостоке» (площадка проведения – «Точка кипения», Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, 10.07.2021 г.).

В экспертном опросе по нашей теме, проведенном на площадке Дальневосточного федерального университета, приняли участие два эксперта. Их экспертный статус представлен реальной проектно-архитектурной практикой и опытом ведения этой деятельности, руководящими позициями в соответствующих деятельности организациях, участием в разработке и реализации планов и проектов архитектурно-планировочного развития территории г. Владивостока. Первое онлайн-интервьюирование проводилось в мае, а второе – в июне 2021 г.

Анализ данных по теме и операционализация основных терминов позволили принять в работе следующие определения понятия «городская среда»:

«Городская среда оценивается наблюдателем, как соединительная бестелесная ткань между наполняющими город объектами.

Городская среда генерирует эмоциональное восприятие города, вызывает желание в нем жить, работать, заниматься творчеством, воспитывать детей или, наоборот, желание покинуть территорию в поисках более близкого и комфортного места обитания.

Городская среда – это набор политик городского развития, через которые город и его жители могут быть конкурентны на быстроизменяющихся рынках рекрутинга, товаров, информации, услуг и др.» [6, с. 86].

Такой подход, по нашему мнению, позволяет рассматривать город одновременно и как специфическое пространство, генерирующее условия и правила жизни в нем жителей, и как

социально-экономическую реальность с множественными и динамическими факторами труда и хозяйствования. Наряду с этим учитывается и важнейший параметр отношений человека с городом, их эмоциональные связи, привязанности, духовность. Получается, что развитие комфортности среды города так или иначе означает и развитие всех перечисленных составляющих.

Обращаясь конкретно к параметру комфортности города и его среды, следует отметить, что различные авторы вкладывают в его содержание различные смыслы. Как целевая установка развитая комфортность в современном научно-практическом представлении описывается через:

– повышение индекса качества городской среды, сокращение количества городов с неблагоприятной средой. Эти цели сформулированы в Федеральном проекте «Формирование комфортной городской среды» и используются при разработке проектно-технологических, архитектурных, строительных инициатив;

– благоустроенность, которая, по итогам контент-работы с семантическими единицами, является основным термином, вокруг которого строится концепция измерения текущей и будущей ситуации. Благоустроенность подразумевает удобство, безопасность, равные возможности пользования городскими объектами и сервисами, эргономичность. В современном социогуманитарном дискурсе это мыслится как возможности развития и реализации прав на город всеми категориями горожан, как способы понижать социальную эксклюзию, девиантные риски и негативное, равнодушное и даже враждебное отношение к городу и как вариант формирования более глубоких, «одухотворенных» связей со своим городом;

– вовлечение граждан в процесс благоустройства городов (по данным авторского контент-анализа). Одним из главных условий формирования проектов благоустройства является «активное взаимодействие с населением, вовлечение граждан в организацию и реализацию программ, общественный контроль за проведение мероприятий» [4, с. 339]. Иначе говоря, развитие комфортной среды города, понимаемой как благоустроенной и безопасной, отвечает общемировой ориентации на снижение социальных рисков и отклонений и одновременно на более интерактивный, цифровой и гуманистический облик города в XXI в.;

– конкретные проектные результаты, например конкурсные. Так, «результаты проводимых вот уже на протяжении трех лет всероссийских конкурсов показали, что в условиях рыночных отношений конкурентоспособность

города, а следовательно, его экономическое благосостояние, во многом определяется комфортом городской среды» [4, с. 345].

В то же время анализ данных позволяет выделить и критические основания взгляда на тему. При всем многообразии предлагаемых проектов развития сравнительно мало говорится, например, о конкретных и, главное, применимых и эффективных формах гражданского участия в городском проектировании, о вопросах содержания и дальнейшего развития уже одобренных и внедренных проектов. Реальность осложняется и разнонаправленными потребностями жителей – к примеру, как в рамках одного, как правило, небольшого, двора реализовать интересы автолюбителей, остро нуждающихся в парковочных местах, и желающих сделать из него островок зелени с лавочками и столиками, площадками для спорта и детских игр, зоной прогулок с животными и т.д. Соответственно, проблемными выступают и дискурсивные вопросы относительно «права на город» и его ограничения, реализация которых «почти всегда подразумевает конфликт, поиск компромисса и сотрудничество» [1, с. 49]. В рассматриваемом нами контексте они выражаются в возможностях и мере доступности, равенства, понятности города, его пространств и объектов, эффективности их организации.

Таким образом, на наш взгляд, инструментальное и собирательное для нашего текста определение параметра комфортности может быть основано «на удовлетворении потребностей и реализации его интересов как индивидуума, члена социума и личности на определенной территории, способствуя развитию ее конкурентоспособности на разных социально-экономических уровнях» [7, с. 249]. Такой подход вмещает в себя установку на прогресс как на личностном, так и на территориальном уровнях, подразумевает синергетический социальный эффект.

Работа с материалами по теме показала, что особое внимание авторов привлекают вопросы, связанные с технологизацией объектов городской среды, внедрением и эксплуатацией SMART-проектов, развитие digital-уровня города и возможностей, связанных с ним. Примечательно, что наиболее существенной проблемой по проделанному анализу контента (в плане частоты упоминаний) можно назвать «избыточную» технологичность SMART-инноваций, своего рода превышение техногенности над «социальностью». Это важно, так как главной целью внедрения этой модели является улучшение качества жизни человека. Но последнее складывается не только из техноло-

гических параметров среды обитания и меры ее цифровой «прошивки». Безусловно, «развитая цифровая инфраструктура играет важную роль в процессах производства и воспроизводства городского пространства» [1, с. 49]. Но текущая избыточность или незавершенность внедрения инновационно-технологической составляющей может вести к неполноценному результату.

Под незавершенностью социального внедрения здесь подразумевается разрыв между технологическим и социальным. Более конкретно – речь идет о том, чтобы внедренными или внедряемыми в общественно-городскую практику инновациями могли пользоваться представители всех без исключения социальных групп и сообществ. Значит, в числе прочего встает вопрос о цифровом (не)равенстве, о способности широких социальных кругов пользоваться введенными в городскую практику технологическими возможностями и сервисами, о необходимости обучения тех, кто не владеет такими навыками или же владеет недостаточно. Важным оказывается и внутренняя готовность людей, жителей к социально-технологическим изменениям, ко все большей «оцифровке» жизненного пространства города. Это же «место» оказывается и проектно уязвимым: «Главным в любых исследованиях городского развития остается ориентация на человека, на соотнесение методов управления и проектирования с психологией людей, их жизненными ценностями и целями. Вместе с тем практика показывает, что часто обсуждение темы умных городов сосредоточено вокруг использования и внедрения технологий, а не на жителях городов...» [8, с. 11].

Следовательно, проблемным местом в дальнейшей реализации «Умного города» может стать расширение социального неравенства, его цифрового, информационного и инвайронментального видов. Говоря точнее, это изменение его социальной конфигурации вследствие высокой технологичности самого проекта и продолжающейся цифровизации современных общественных (особенно городских) пространств. Так, люди с недостаточным уровнем доступа и владения релевантными цифровыми технологиями могут быть ограничены в реализации даже базовых потребностей (например, онлайн-заказов продуктов и готовой еды, «умных» транспортных и ЖКХ-сервисов), испытывать сложности в тех видах практик и взаимодействий, которые окажутся с легкостью реализуемы представителями других групп и сообществ. Соответственно, с дальнейшей проектной реализацией «умных технологий» связаны элемен-

ты цифровой эксклюзии и депривации, особенно в старших и пожилых возрастных когортах.

Следующий актуальный вопрос – проблема личной и кибербезопасности. Защита персональных данных и иной приватной информации есть глобальная и современная общественная задача. Возможности Big Data во многом ее актуализировали, поскольку развитие цифрового следа каждого из нас приняло непрерывный характер сообразно нашей жизненной активности, мобильности и коммуникаций. Этот процесс актуализируется в своем проблемном статусе в контексте важнейших социогуманитарных ценностей – личных прав человека, его свободы, а также социальной справедливости. Как и прочие социально-цифровые инновации, «умные города требуют осмысления в следующих направлениях: сбор личной информации горожан; цифровое неравенство; право на умный город» [9, с. 17]. Соответственно, «предсказание поведения людей поднимает фундаментальные вопросы приватности и надлежащих юридических процедур» [9, с. 17].

Серьезные вопросы вызывает обеспечение финансовых и управленческих решений и предложений. Есть мнение, что исполнители этой роли «в силу абсолютно объективных причин принадлежности к определенной отраслевой корпорации станут отстаивать свои “комитетские” интересы, что также вполне объективно. ... Вопрос в том, насколько эти интересы соответствуют или, по крайней мере, согласовываются с интересами городского сообщества, которое совсем не однородно, а глубоко дифференцировано по множеству оснований: от территориального до демографического» [10, с. 118]. Соответственно, возникают бюрократические риски, связанные с нецелевым использованием управленческого и финансового ресурсов, их злоупотреблением.

При работе с контентом были выделены еще несколько направлений, работа в рамках которых является первостепенной в плане проектно-социальной успешности:

– конкретные практики вовлечения населения, широких общественных групп в работу над развитием городской среды и параметра ее комфортности;

– проблема доверия населения к властным инициативам и власти вообще;

– внимание к личности человека, факторам индивидуальной и массовой психологии и пространственного восприятия [7, с. 246–248; 11, с. 10].

Анализ данных из наших источников позволяет также сформулировать перечень критериев комфортности городской среды, наиболее

часто попадающих в фокус исследовательского внимания: безопасность городского пространства, его доступность, в том числе и для маломобильных групп людей; наличие и качество жилого фонда; отсутствие вредных производств в городской черте; развитость трудового сектора и возможности трудоустройства; уровень жизни в городе; возможности для развития детей; развитость инфраструктуры и коммуникационных сетей; транспортная доступность; озеленение территорий, их общая экологичность; визуальный облик городского пространства и его объектов; гармоничность социального восприятия и др.

В экспертной оценке комфортность городской среды – параметр весьма условный и относительный. Его измерение является проблематичной задачей в части вариативности ее решений. Эксперт № 1: «Несмотря на то, что некоторые организации, например Минстрой России, предлагают свои критерии для измерения комфортности городской среды, есть мнение и о том, что в этом вопросе стоит уйти в сторону устойчивости города. Она представляет собой более измеримый параметр и по своему замыслу предполагает соблюдение баланса разнонаправленных интересов горожан».

Эксперт № 2: «Для определения комфортности городской среды можно обратиться к принципам устойчивого развития города, разработанным ООН-Хабитат [3], а также к основным принципам городского дизайна». Здесь критерии комфортности городской среды по своей сути синонимичны устойчивости и предстают следующим списком.

1. Соблюдение баланса интересов всех лиц, которые обитают в конкретной городской среде.
2. Четкое контекстное разделение пространства.
3. Формирование идентичности места.
4. Препятствование «расползанию» города.
5. Развитие плотной, связанной улично-дорожной сети.
6. Создание гетерогенного, социально-разнородного пространства.

Эти принципы обобщенно рассматривались и применительно к анализу специфических особенностей среды г. Владивостока. Первой из них и наиболее значимой является его уникальный рельеф – значительные перепады высот, большое количество возвышенностей (сопок). Он оказывает очень большое влияние на структуру городской застройки, на использование и развитие городского пространства, на его визуальное восприятие.

Другой особенностью является высокий уровень автомобилизации города. Собственно,

это является актуальным вопросом для всех крупных современных городов России и создаст специфические трудности в развитии комфортных публичных пространств, поскольку комфортность, как мы выяснили выше, – параметр, не подразумевающий группового неравенства. Следовательно, необходимо обеспечить «комфортно равные» возможности как автомобилистам, так и пешеходам для достижения необходимого места назначения максимально доступно и удобно. Соответственно, здесь встает вопрос о формировании и соблюдении равной социально-пространственной доступности, а точнее, формировании актуальной дорожной карты, способной вместить мобильные потребности и интересы различных групп пользователей – автомобилистов, велосипедистов, «самокатчиков», лиц с ограниченными физическими возможностями. Иначе говоря, проектные усилия здесь должны быть направлены на выработку социально-универсального комфорта города.

Оба эксперта высказали мнение о том, что в современной российской градостроительной практике совершенно необходимо более эффективное и продуманное использование уже имеющихся городских объектов, потенциала внутригородских локаций. Зачастую их состояние не приносит должной отдачи, эксплуатация либо затруднена, либо малоэффективна. Пересмотр текущих мер хозяйствования, даже небольшие проектные улучшения способны принести городу ощутимую выгоду как материального, так и, к примеру, рекреационного характера.

В качестве примера приведем территорию Нагорного парка в одном из центральных районов Владивостока, долгое время пребывавшую в заброшенном состоянии. В 2017 г. была опубликована идея его реконструкции, проведен конкурс проектов, сами работы начались в 2020 г. Д. Алексеев, предприниматель, глава компании DNS, инициатор и спонсор проекта: «Его выиграла владивостокская команда “Concrete Jungle” – они увлечены идеей создания общественных пространств, это их миссия... Резонанс благоустройства парка показал, что таких объектов остро не хватает... Территорию озеленили, высадили местные растения, сделали детскую площадку, теплый туалет и поставили малые архитектурные формы, спортивный уголок, сцену на открытом воздухе и небольшой соседский центр, где можно будет проводить мероприятия в зимний период», – это фрагмент из интервью, текст которого размещен на портале Афиша.Daily от 23 сентября 2021 г.

Второй этап работ предполагает открытие благоустроенной и безопасной видовой площадки с панорамным видом на город и море. Сегодня Нагорный парк Владивостока – одно из любимых мест прогулок горожан, а сама локация позволяет провести здесь время в разных форматах и в компании с любым составом – от прогулок с детьми или сопровождая маломобильного человека, до занятия спортом на открытом воздухе. Соответственно, грамотная реновация имеющегося способна принести большую социальную пользу, и приведенный пример подтверждает это практически, так же как и то, что внимание бизнес-кругов к социальным объектам города и кооперация усилий с административными и гражданскими кругами может давать реальные проектные результаты.

Оценка текущего состояния городской среды Владивостока во многом заключается в невозможности судить о ее комфортности в целом. В большей степени это субъективные репрезентации, чаще основывающиеся на выражении лишь некоторых социальных групп и сообществ. Эксперт № 2: «Можно оценивать только меру комфортности отдельных районов города, ведь нельзя сказать, что есть некий город в мире, в котором всё является комфортным. Тем не менее, в нашем кейсе экспертно наиболее комфортным является центральный район Владивостока и прилегающие к нему пространства. Обобщенно комфортность той или иной территории связывается с ее безопасностью, “умным” и эргономичным уровнем организации пространства и его объектов, удобством, освещенностью, озеленением, наличием парковок (в приоритетном порядке)». Эксперт № 2: «Концепцию “Умного города” не стоит рассматривать как узконаправленную специализированную программу, направленную на решение утилитарных, повседневных задач. “Умный город”, скорее, нейтральный инструмент принятия решений, способ практической работы с пространством и его объектами. Его применение и характер использования будет зависеть исключительно от того, чьи задачи он решает и как обыгрывается в специфике конкретных пространств. Соответственно, и проблемная нагрузка при реализации будет обусловлена форматом его применения».

Эксперт № 1: «Важнейшим фактором развития городской среды выступает обеспечение доверительной атмосферы между всеми заинтересованными участниками». Это соответствует задаче вовлекать в процесс развития все большее число горожан и подтверждает результаты работы с нашим контентом. Развитие социаль-

ного доверия вообще – ключевая стратегическая задача политически и общественно активных групп и субъектов. Для реализации этого принципа и повышения его ценности и актуальности необходимо вовлечение всех субъектов в процесс создания, развития и управления городом. Более конкретно – важна разработка способов и практик социального вовлечения, обоснованных, соответствующих реальной общественной ситуации, ведь «как ни странно, во всех этих глобальных переустройствах непосредственным конечным потребителям отводится роль немых созерцателей» [11, с. 9], что как минимум нелогично и несправедливо.

В продолжение этой мысли обоснованным и современным представляется развитие института гражданских инфраструктур – они «необходимы в первую очередь для того, чтобы горожане стали активным участником, игроком политического городского процесса. Инфраструктуры являются “оборудованием” для интерактивных и динамических процессов согласования интересов и развития города, они позволяют игрокам коммуницировать, договариваться, формулировать задачи и принимать решения о судьбе города» [12, с. 168]. «Особенно это актуально при низком уровне доверия горожан друг к другу и отсутствии сплоченности» [1, с. 55], когда притязания одних городских сообществ находятся в конфликте с интересами других (например, застройщика и жильцов соседних домов). Такой подход позволит развивать локальные внутригородские пространства с большим учетом интересов всех участвующих в проектировании сторон – жителей, застройщиков, властных структур, коммерческих и некоммерческих субъектов.

По мнению экспертов, взаимодействие населения, застройщиков и администрации возможно обеспечить режимом диалога и проблемной дискуссии, их интерактивными возможностями – условие, которое также может быть артикулировано не только применительно к приморскому кейсу, но и к практике других российских городов. Наиболее сложный, но важный для реализации принцип взаимодействия здесь – это равенство всех сторон на правообладание той или иной территорией. Его необходимо соблюдать при решении спорных ситуаций, когда интересы сторон разнятся.

Стоит отметить и фиксируемое возрастание практик локального городского активизма. Так, «горожане все чаще пытаются приобрести субъектность, “стать видимыми”, заставить городских управленцев прислушаться к мнению “обычного человека”» [1, с. 46], что, на наш

взгляд, необходимо учитывать и использовать. Кейсы успешного и эффективного вовлечения горожан в соучастие в проектировании озвучивались и на крупных международных площадках, например в ходе дискуссий в рамках панельных секций Всемирного экономического форума в 2018 и 2021 гг. (г. Владивосток).

Экспертно конкретизирована и подчеркнута важность отдельных – базовых – принципов комфортной городской среды:

- соблюдение социального баланса интересов вовлеченных сторон;
- обеспечение доверия между всеми вовлеченными сторонами;
- обеспечение постоянного социального взаимодействия по вопросам градостроительства;
- развитие человеческого потенциала города. Это можно артикулировать как конечную и стратегическую задачу, которая так или иначе «венчает» все усилия по формированию комфортного города. Ведь конечной целью выступает не гармоничность города как такового, а создание в нем таких условий совместной жизнедеятельности жителей, которые бы способствовали максимальному раскрытию их личностного и социального потенциала.

Из программ и проектов, которые, по мнению эксперта № 1, направлены на создание комфортной городской среды, были озвучены следующие:

- программы: комфортная городская среда от Минстроя; БАД – безопасные автомобильные дороги;
- проекты: реконструкция парка Минного городка (большой оазис зелени посреди нескольких жилых районов г. Владивостока, имеет важнейшее рекреационное и культурное значение); значительное продление доступной и благоустроенной набережной (имеется обширный территориальный массив вдоль береговой линии, позволяющий реализовать эту задачу).

Тем не менее, в реальной градостроительной практике многие задачи пока остаются нерешенными и даже не имеющими примерного проектного плана их решения. Так, конструктивное взаимодействие, социально расширенное вовлечение осложняется не вполне понятными возможностями участия в снижении последствий городских форм маргинальности, проявлений отчуждения, девиантных и делинквентных практик в отношениях с городом (например, вандализм, агрессия к городским объектам), равнодушие или «нелюбви» к месту. Более предметная их разработка видится важным шагом в дальнейшей научно-практической деятельности в этой области.

Проделанная работа позволила сформулировать следующие ее итоги.

Во-первых, можно констатировать выраженный научно-практический и исследовательский интерес к теме благоустройства города, качественного развития его среды. Комфортность среды является важным параметром современного российского градоразвития, ориентиром проектно-социального конструирования; его приоритетность находит свое выражение в содержании федеральных программ и проектов (федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» и другие; конкурсы проектов по благоустройству города с возможностью проголосовать за понравившийся на сайте Госуслуг; объекты, набравшие наибольшее число голосов, начнут реализовывать в 2023 г. в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» и т.д.).

Во-вторых, отмечено, что в основе проблем в создании комфортной городской среды лежит в том числе и отсутствие опыта решения подобных кейсов либо же игнорирование авторами проектов опыта подобной деятельности в других странах или регионах. Кроме того, много сложностей сосредоточено вокруг несовершенства модели взаимодействия с гражданами. В ее основе – невысокий уровень доверия горожан к властным структурам, а также зачастую формальное отношение последних к реальному гражданскому соучастию в решении вопросов с городской территорией. Так, «формальные гражданские инфраструктуры не предоставляют гражданам адекватных возможностей для такого (активного. – А. П.) участия» [12, с. 163]. Нередко формы локального городского активизма связаны с сопротивлением и противостоянием принятым административным решениям (относительно точечной застройки внутри района, отведения мест под парковку или сноса привычных объектов и т.д.), что, разумеется, не прибавляет столь нужного в данном контексте доверия, и кейс Владивостока в этом смысле также репрезентативен. Соответственно, развитие доверия как социального инструмента является в нашем вопросе ключевым; оно позволит и обеспечить общественный баланс интересов, и развивать политические, общественные, некоммерческие и иные городские инициативы.

В-третьих, в экспертном мнении более корректным является оценка комфортности не города вообще, а того или иного места (пространственный максимум – городской район/квартал). Ключевая связка – необходимость формирования социально *равнокомфортной* городской среды как фактора развития челове-

ческого потенциала. В основе – целевое, диалогическое взаимодействие заинтересованных и вовлеченных сторон в процесс рассмотрения вопросов градостроения и проектирования городских пространств.

В-четвертых, совершенно необходимым видится формирование режима открытого обсуждения инициатив и проектов в области градостроительства и развития объектов городской инфраструктуры, и это тоже рекомендация широкого социального адреса. Наряду с этим нужна и развитая общественно-информационная площадка для диалога, дискуссии, публичных слушаний, открытого голосования. Иначе говоря, в такой работе необходимы медийные инструменты – привлечение к этим задачам региональных и городских СМИ, а также ресурсов социальных сетей, видеоблогинга. Важность широкого информационного освещения этой работы безусловна, так же как и ее продвижение в сети и виртуальном пространстве.

В заключение процитируем Т. М. Дридзе: «Любые фрагменты городской среды хороши, если они “коммуникативны” и, значит, осмысленны и гуманны. Это рождает у человека ощущение комфорта, желание остановиться и посмотреть вокруг, посидеть на скамейке в скверике, просто пройти по знакомым и любимым улицам своего города, чувствуя свою причастность ко всему, что здесь происходило, происходит и произойдет в будущем» [13, с. 96].

Список литературы

1. Лебедева Е. В. «Право на город»: опыт анализа дворовых сообществ с позиции критической теории (на примере Минска) // Вестник института социологии. 2022. Т. 13, № 1. С. 44–66. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.1.775>
2. Костко Н. А. Показатели городской идентичности как элемента социального пространства города // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25, № 1. С. 190–216. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.7>
3. Новая программа развития городов. Конференция Организации Объединенных Наций по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат III). URL: <http://unhabitat.ru/publications/newurbanagenda> (дата обращения: 03.06.2022).
4. Черешнев И. В., Черешнева Н. В., Кусков Е. Д. Формирование комфортной городской среды: к вопросу об оценке проектов благоустройства // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2022. Вып. 1 (86). С. 338–347.
5. Проект цифровизации городского хозяйства «Умный город». URL: <https://minstroyf.gov.ru/trades/>

- gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyu-gorod/ (дата обращения: 04.08.2022).
6. *Лидин К. Л.* Горожанство: В поисках универсального определения городской среды // Проект Байкал. 2015. Т. 12, № 45. С. 84–89.
 7. *Узрюмова А. А., Паутова Л. Е., Паутова Е. П.* Комфортность как фактор устойчивого развития городской среды // «Россия: тенденции и перспективы развития» : ежегодник. По материалам IX международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития» / отв. ред. В. И. Герасимов. М. : Ин-т научной информации по общественным наукам РАН, 2018. С. 245–250.
 8. *Антюфеев А. В., Птичникова Г. А.* Умный город, архитектура и человек // Социология города. 2019. № 2. С. 6–13.
 9. *Карчагин Е. В.* Умные города и проблема справедливости // Социология города. 2019. № 2. С. 14–22.
 10. *Максимов С. М.* «Умный город»: к вопросу о понятии и концепции // Проблемы современной экономики. 2017. № 1. С. 117–120.
 11. *Лагодина Е. В.* Комфортная городская среда глазами простого горожанина // Северо-Кавказский психологический вестник. 2013. Т. 11, № 2. С. 9–12.
 12. *Желнина А. А., Тыканова Е. В.* Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22, № 1. С. 162–192. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>
 13. *Дридзе Т. М.* Социальная диагностика в градостроительстве // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 94–98.

Поступила в редакцию 07.08.2022; одобрена после рецензирования 23.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 07.08.2022; approved after reviewing 23.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 380–388

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 380–388

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-380-388>, EDN: ESETAK

Научная статья

УДК 303.424

Удовлетворенность трудом персонала медицинских учреждений: теория и практика социологического изучения (на примере территориальной поликлиники Областного клинического кардиологического диспансера Саратовской области)

С. Г. Ивченков, Я. А. Никифоров , С. В. Ситникова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии молодежи, декан социологического факультета, ivchenkovsg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>

Ситникова Светлана Викторовна, доктор социологических наук, доцент кафедры социальной информатики, skareva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2365-8780>

Аннотация. В статье по результатам социологического исследования (выборочного опроса сотрудников территориальной поликлиники в рамках мониторинга качества работы в марте–апреле 2022 г.) раскрываются основные тенденции в оценках сотрудников поликлиники удовлетворенности своим трудом. Теоретико-методологическая концептуализация понятия удовлетворенности трудом позволила выработать рабочее определение изучаемого явления и индикаторную схему исследования. Удовлетворенность трудом – это отношение работника, проявляющееся как совокупность оценок в контексте соответствия/несоответствия результатов и условий деятельности с ожиданиями, которые обусловлены рядом социальных, организационных и личностных факторов, выявляемых через индикаторы качества условий труда, стиля руководства, профессионального развития, отношений в коллективе и т.д. В современной отечественной традиции удовлетворенность трудом продолжает изучаться в качестве концепта, интегрирующего комплекс разнообразных факторов. Их классификация варьируется, но остается в рамках базовой схемы: социальные, личностные и организационные. Уровень удовлетворенности различными аспектами трудового процесса можно представить тремя уровнями: высоким, средним и низким. К первому относятся: личный интерес к делу, психологический климат в коллективе, режим работы, взаимоотношения с руководством, возможность повышения квалификации и карьерного роста. Во второй группе: возможность реализации своих профессиональных навыков и техническое оснащение рабочего места. В третьей группе с самым низким уровнем оценок: уровень заработной платы и доступность социальных льгот. Динамика изменений в последние два года по вышепредставленным параметрам не выявлена. Большая часть сотрудников редко испытывают физическое или умственное переутомление на рабочем месте. Более 70% опрошенных сотрудников оценили объем нагрузки на рабочем месте как нормальный. Психологический климат в коллективе комфортный для большинства сотрудников. Работать в привычном режиме является основной профессиональной стратегией сотрудников поликлиники. Пятая часть опрошенных сотрудников поликлиники задумываются о смене места работы в будущем. Доминирующим мотивом профессиональной мобильности является материальный фактор.

Ключевые слова: социологическое исследование, удовлетворенность трудом, факторы и индикаторы, медицинские работники

Для цитирования: Ивченков С. Г., Никифоров Я. А., Ситникова С. В. Удовлетворенность трудом персонала медицинских учреждений: теория и практика социологического изучения (на примере территориальной поликлиники Областного клинического кардиологического диспансера Саратовской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 380–388. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-380-388>, EDN: ESETAK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Professional satisfaction of the medical institutions staff: Theory and practice of sociological study (Based on the case-study of the polyclinic of the Clinical cardiological dispensary, Saratov region)

S. G. Ivchenkov, Ya. A. Nikiforov , S. V. Sitnikova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

© Ивченков С. Г., Никифоров Я. А., Ситникова С. В., 2022

Sergey G. Ivchenkov, ivchenkovsg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>

Yaroslav A. Nikiforov, nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>

Svetlana V. Sitnikova, skareva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2365-8780>

Abstract. The article, based on the results of a sociological study (a sample survey of employees of the territorial polyclinic of the Regional Clinical Cardiology Dispensary within the framework of monitoring the quality of work, in March-April 2022), reveals the main trends in professional satisfaction assessments by employees of the polyclinic. Theoretical and methodological conceptualization of the concept of professional satisfaction enabled to develop a working definition of the management and indicator scheme under study. Professional satisfaction is an employee's attitude that manifests itself as a set of assessments in the context of compliance/inconsistency of the results and conditions of activity with expectations, which are caused by a number of social, organizational and personal factors identified through indicators of the quality of working conditions, leadership style, professional development, relationships in the team, etc. In the modern Russian tradition, job satisfaction continues to be studied as a concept integrating a complex of various factors. Their classification varies, but remains within the framework of the basic scheme: social, personal and organizational. The level of satisfaction with various aspects of the labor process can be represented by three levels: high, medium and low. The first one includes: personal interest in the case, the psychological climate in the team, working hours, relationships with management, the possibility of professional development and career growth. In the second group: the opportunity to implement their professional skills and technical equipment of the workplace are of great importance. In the third group with the lowest level of assessments: the level of wages and the availability of social benefits are presented. The dynamics of changes during the last 2 years according to the above parameters was not revealed. Most employees rarely experience physical or mental fatigue at their workplaces. More than 70% of the employees surveyed rated the workload at the workplace as normal. The psychological climate in the team is comfortable for most employees. Working in the usual mode is the main professional strategy of the polyclinic staff. A fifth of the polled employees of the polyclinic think about changing their place of work in the future. The dominant motive of professional mobility is the material factor.

Keywords: sociological research, professional satisfaction, factors and indicators, medical workers

For citation: Ivchenkov S. G., Nikiforov Ya. A., Sitnikova S. V. Professional satisfaction of the medical institutions staff: Theory and practice of sociological study (Based on the case-study of the polyclinic of the Clinical cardiological dispensary, Saratov region). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 380–388 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-380-388>, EDN: ESETAK This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сегодня, в условиях увеличения рисковости современного общества, значительно повысилась значимость высококачественного медицинского обслуживания населения, сохранения и повышение качества работы учреждений, снижения напряженности во взаимодействии представителей власти, медицинского сообщества и пациентов. В таком контексте одним из приоритетных направлений социальной политики является развитие системы управления трудовыми ресурсами, основанной на улучшении человеческого и социального капитала, которое обеспечит медицинские организации персоналом, способным на высоком профессиональном уровне решать задачи повышения качества и доступности медицинской помощи населению. А это, в свою очередь, невыполнимо без повышения уровня удовлетворенности работников медицинских учреждений своим трудом.

В этой связи существенное значение приобретает актуальная социальная информация, детально и достоверно раскрывающая состояние и перспективы развития данного социального феномена. Получение и анализ такой информации сегодня – одна из важных задач, решаемых социологическими методами.

Будучи объектом рассмотрения большой группы социально-гуманитарных дисциплин (экономической теории, социальной психоло-

гии, социологии труда, социологии медицины и т.д.), удовлетворенность трудом в каждом исследовании предстает в новом ракурсе в зависимости от специфики предмета анализа. Начало истории изучения проблемы в целом положили промышленные социологи и психологи середины XX в. Обобщая результаты их многочисленных исследований, Э. Локк указывал на ключевые моменты понимания сути удовлетворенности трудом: во-первых, взаимосвязь с восприятием человеком жизни, себя как личности и своего места в обществе; во-вторых, совместимость ценности труда и потребности в нем, выражающаяся в конкретных параметрах (достойное и понятное вознаграждение, благоприятные условия труда и пр.) [1, p. 1334].

В попытке теоретически обосновать обширную практику социологического и социально-психологического исследования удовлетворенности трудом, А. Бюссинг суммирует опорные постулаты существующих моделей анализа. Первый – формы удовлетворенности трудом могут быть обоснованно дифференцированы, существуют устойчивые, постоянно воспроизводящиеся в разных исследованиях. Второй – удовлетворенность трудом зависит в большей степени от ситуативных факторов. Третий – формы удовлетворенности трудом неустойчивы в течение длительного периода времени [2].

В продолжение указанной парадигмы в современной отечественной традиции удовлетворенность трудом продолжает изучаться в качестве концепта, интегрирующего комплекс разнообразных факторов. Их классификация варьируется, но остается в рамках базовой схемы: социальные, личностные и организационные [3, 4].

Именно в мейнстриме общих подходов проблема изучения удовлетворенности трудом персонала медицинских организаций достаточно подробно проработана в социологической как западной, так и отечественной научной литературе.

Показателен опыт зарубежных изысканий в данной области. Результаты эмпирического исследования удовлетворенности работой медицинского персонала в иорданских больницах показали, что основополагающее значение для повышения мотивации работников здравоохранения имеют нефинансовые переменные, а именно: удовлетворенность признанием, возможностями взаимодействия, профессиональными возможностями [5].

Обобщенный опыт исследований Австралийско-новозеландского общества медицины труда (The Australian & New Zealand Society of Occupational Medicine) (с совокупным размером выборки 267 995 чел.) оценивает данные, связывающие показатели удовлетворенности работой с показателями физического и психического благополучия. Результаты системного анализа показывают, что удовлетворенность работой наиболее тесно связана с психологическими проблемами: эмоциональное выгорание, самооценка, депрессия и тревога [6].

Также представляет интерес исследование факторов удовлетворенности работой врачей государственного сектора Бразилии.

По результатам исследований выделяются несколько групп факторов:

1) факторы, отрицательно связанные с удовлетворенностью работой: возраст врачей от 30 до 39 лет; работа в отделении неотложной помощи; работа на административной должности; недостаток материальных ресурсов для выполнения задач по месту работы;

2) факторы, положительно связанные с удовлетворенностью работой: возраст старше 40 лет; наличие супруга/партнера; наличие одного-двух детей; наличие степени магистра либо докторской степени; достаточное время досуга; более двух лет работы в текущем отделении здравоохранения; дневная работа; получение высокой социальной поддержки на работе; приверженность работе.

В России в настоящее время существует множество исследований, посвященных взаимозависимости удовлетворенности трудом медицинских работников и различных факторов: эффективности труда [7], специализации медицинской деятельности [8], формы собственности организации и стиля управления [9, 10], профессиональной идентичности и ее связи с удовлетворенностью трудом [11] и пр. Если говорить о конкретных индикаторах, измеряемых практически в каждом исследовании по проблеме удовлетворенности трудом медицинских работников, то они сводятся, как правило, к следующему перечню:

– фактор оплаты труда работника: заработная плата, льготы, премии, надбавки; соотношение вознаграждения с вознаграждением других сотрудников;

– фактор рабочего места: условия работы (стерильно, достаточно светло, необходимые приборы, инструменты и материалы для лечения). Фактор взаимоотношений с сотрудниками: компетентность сотрудников, готовность оказать социальную поддержку (взаимопомощь, поддержка, доброжелательность, комфортность, совет, взаимовыручка), сходство жизненных ценностей;

– фактор профессионального роста: возможности самореализации, общественная полезность, продвижение по службе, горизонтальная и вертикальная мобильность как вознаграждение за продуктивную работу.

Итак, проведя теоретико-методологическую концептуализацию явления удовлетворенности трудом медицинских работников, приходим к его рабочему определению с позиций прикладного социологического изучения.

Удовлетворенность трудом – это отношение работника, проявляющееся как совокупность оценок в контексте соответствия/несоответствия результатов и условий деятельности с ожиданиями, которые обусловлены рядом социальных, организационных и личностных факторов, выявляемых через индикаторы качества условий труда, стиля руководства, профессионального развития, отношений в коллективе и т.д.

С целью выявления уровня удовлетворенности трудом сотрудников медицинского учреждения был проведен выборочный опрос сотрудников территориальной поликлиники ГУЗ «ОККД», в рамках мониторинга качества работы. Формализованный интернет-опрос был реализован в марте-апреле 2022 г. Участие в опросе было добровольным, выборка формировалась методом доступности, в результате

ее объем составил 68 чел. Это, учитывая официальную статистику кадрового обеспечения поликлиники, 40% от генеральной совокупности, чего вполне достаточно для обоснования репрезентативности данных и возможности их использования в экстраполяции на всю генеральную совокупность.

Из принявших в опросе 68 сотрудников поликлиники 97% женщин и 3% мужчин. Средний возраст опрошенных – 45 лет, самому младшему 25 лет, самому старшему – 65. Сотрудники в возрасте от 25 до 44 лет составили половину респондентов. Представителей возрастной группы 25–35 лет по выборке оказалось 17,7%, 36–55 лет – 58,8%, 56–65 лет – 23,5%.

Более 80% сотрудников поликлиники проживают в Заводском районе, т. е. по месту расположения поликлиники. Большая часть опрошенных состоит в браке (61,8%) и имеют детей (88,2%); у 44,1% высшее и у 55,9% – среднее профессиональное образование.

Уровень жизни большинства респондентов – ниже среднего: 20,6% говорят, что их доходов хватает только на питание, у 52,9% нет проблем с приобретением продуктов питания и одежды, и лишь 26,5% могут позволить себе покупку вещей длительного пользования.

При этом общий уровень удовлетворенности жизнью достаточно высокий: 58,8% опрошенных частично (44,1%) или полностью (14,7%) удовлетворены своей жизнью; 23,5% оценили этот показатель в 3 балла, что свидетельствует о равной степени как неудовлетворяющих, так и удовлетворяющих аспектов жизни; 5,9% скорее не удовлетворены и 2,9% отметили самый низкий уровень удовлетворенности жизнью в целом.

В опросе приняли участие сотрудники всех структурных подразделений поликлиники. Большую часть опрошенных (47,1%) составили представители среднего медицинского персонала, 11,8% – руководители структурных подразделений, 26,5% – врачи узкого профиля, 5,9% – младший медицинский персонал. Кроме того, в опросе приняли участие специалисты немедицинского профиля (8,8%). Общий стаж работы большинства респондентов (91,3%) – свыше 10 лет. До семи лет опыт работы имеют лишь 8,7% опрошенных. При этом более 10 лет именно в этой поликлинике работают также большинство (53,0%). Данная поликлиника является основным и единственным местом работы для 79,4% респондентов, 17,6% указали на то, что имеют дополнительные подработки, и для 2,9% работа в данной поликлинике – дополнительная.

В соответствии с теоретико-методологической концептуализацией и в процессе факторной операционализации была разработана индикаторная схема исследования. Одним из индикаторов модели удовлетворенности условиями труда был ценностный аспект. Мы попросили респондентов определить значимость работы в их системе жизненных приоритетов. Данные свидетельствуют о трех приоритетных направлениях значимости – материальном, профессиональном и социальном. Так, большинство (47,1%) оценивают работу как главную и единственную возможность обеспечить потребности своей семьи, 23,5% опрошенных сотрудников определяют работу как возможность профессиональной реализации, 17,6% выделяют социальную значимость работы в общении и взаимодействии с людьми. Для 2,9% опрошенных работа – это интересное дело в жизни, и 8,8% рассматривают ее как вынужденную необходимость.

Уровень удовлетворенности сотрудников различными аспектами трудового процесса измерялся по пятибалльной шкале, где 5 баллов означали наивысший уровень – «абсолютно все устраивает», 1 – самый низкий – «абсолютно все не устраивает». В качестве основных параметров оценки в анкете был представлен следующий список:

1. Режим работы
2. Техническое оснащение Вашего рабочего места
3. Психологический климат в коллективе
4. Взаимоотношения с руководством
5. Уровень заработной платы
6. Социальные льготы
7. Возможность реализовать свои профессиональные навыки
8. Возможность повышения квалификации и карьерного роста
9. Ваш личный интерес к делу, которым Вы занимаетесь.

Результаты оценок показали достаточно высокий уровень удовлетворенности практически по всем параметрам. Рассмотрим детально средние показатели. Как видно из данных табл. 1, максимальные оценки удовлетворенности были использованы респондентами по всем параметрам и достаточно часто, о чем свидетельствуют среднеарифметические баллы по всему списку критериев. Учитывая этот показатель, все параметры оценки можно разделить на три группы: первая – высокий уровень удовлетворенности, вторая – средний уровень и третья – низкий уровень удовлетворенности.

Таблица 1

Средние показатели уровня удовлетворенности сотрудников различными аспектами трудового процесса, баллы

Аспекты трудового процесса	Среднее	Мода	Дисперсия	Минимум	Максимум
Режим работы	4,29	5,0	1,00	1,0	5,0
Техническое оснащение Вашего рабочего места	3,52	3,0	1,52	1,0	5,0
Психологический климат в коллективе	4,44	5,0	0,61	3,0	5,0
Взаимоотношения с руководством	4,20	5,0	0,95	1,0	5,0
Уровень заработной платы	3,23	3,0	1,15	1,0	5,0
Социальные льготы	2,58	1,0	2,73	1,0	5,0
Возможность реализовать свои профессиональные навыки	3,94	5,0	1,26	1,0	5,0
Возможность повышения квалификации и карьерного роста	4,00	5,0	1,21	1,0	5,0
Ваш личный интерес к делу, которым Вы занимаетесь	4,67	5,0	0,40	3,0	5,0

Так, к первой группе можно отнести: личный интерес к делу, которым занимается сотрудник. Средний балл в оценках – 4,67. Этот параметр оценили на 5 баллов (абсолютная удовлетворенность) 76,5% респондентов. Кроме того, минимальным оценочным баллом по этому показателю был 3,0. Никто из опрошенных сотрудников не оценивал уровень удовлетворенности своим личным интересом к делу в 1,0 или 2,0 балла. К этой же группе можно отнести показатель «психологический климат в коллективе». Средняя оценка по группе опрошенных – 4,44 балла, минимальное значение – также 3,0 балла. Максимальный балл поставили 62,0% респондентов. В группу с высоким уровнем удовлетворенности попал критерий «режим работы» со средним баллом 4,29. Минимальный используемый балл в оценках – 1,0. Абсолютно устраивает режим работы 55,9% опрошенных сотрудников. Взаимоотношения с руководством также находятся в группе с высоким уровнем удовлетворенности: средний балл составил 4,29, минимальный – 1,0. Самый высокий уровень удовлетворенности (5,0 балла) по этому параметру отмечен половиной всех опрошенных. Замыкает первую оценочную группу критерий возможности повышения квалификации и карьерного роста со средним баллом 4,0; 41,2% опрошенных абсолютно удовлетворены этой возможностью.

Ко второй группе (средний уровень удовлетворенности) можно отнести возможность реализовать свои профессиональные навыки. Средний балл по данному критерию составил 3,94; 41,2% опрошенных поставили наивысший балл – 5,0. В этой же группе – «техническое оснащение рабочего места» со средним баллом 3,52. Только 26,0% указали на то, что их все устраивает.

Наибольший интерес по детализации оценочных показателей вызывает третья группа критериев с низким уровнем удовлетворенности. Уровень заработной платы со средним баллом 3,23 и наличие социальных льгот – 2,58 балла. Высшую оценку уровню удовлетворенности заработной платой поставили лишь 8,8% опрошенных сотрудников, по 35,0% – скорее устраивает и скорее не устраивает заработная плата, абсолютно не удовлетворены своей заработной платой 9,0% респондентов. По социальным льготам показатели еще ниже: абсолютно все не устраивает (1,0 балл) 47,1% опрошенных сотрудников, на 2,0 балла оценили этот критерий 2,9%, на 3,0 балла – 11,8%, на 4,0 балла – 20,6% респондентов, и высокий уровень удовлетворенности продемонстрировали 17,6% опрошенных.

Следует обратить внимание также на модальные (наиболее часто встречающиеся) значения по каждому критерию и дисперсию (меру разброса признака). Модальные значения по оценочным пунктам подтверждают ранее полученные выводы. Так, 5,0 балла как самая часто встречаемая оценка касается личного интереса к делу, возможности повышения квалификации и реализации профессиональных навыков, взаимоотношений с руководством и коллективом, режима работы; 3,0 балла чаще всего использовались в оценках технического оснащения рабочего места и уровня заработной платы; 1,0 балл – в оценках уровня удовлетворенности действующими социальными льготами для сотрудников поликлиники.

Наибольшая согласованность в оценках респондентов выявлена в высоком личном интересе к делу (дисперсия – 0,4), хорошем психологическом климате в коллективе (дисперсия – 0,6) и взаимоотношениях с руководством (дисперсия – 0,9).

Низкую согласованность в оценках (дисперсия – 2,7) можно отметить по таким параметрам, как реализация социальных льгот, что, в свою очередь, свидетельствует о различиях в уровне доступности социальных льгот на предприятии для сотрудников. В этой же группе критерий технического оснащения рабочего места (дисперсия – 1,5) также свидетельствует о неравномерности оснащённости структурных подразделений поликлиники.

Отсюда вывод: особое внимание в оптимизации работы клиники (по части «персонал»)

следует обратить на уровень заработной платы, возможность получения социальных льгот и техническое оснащение рабочих мест сотрудников.

Помимо уровня удовлетворенности сотрудников поликлиники различными аспектами трудового процесса, мы также замерили их субъективные позиции касательно изменений за последние два года. В качестве критериев оценки были предложены: «стало хуже», «не изменилось», «стало лучше». Результаты свидетельствуют о тенденции стагнации практически по всем параметрам (табл. 2).

Таблица 2

Оценка динамики условий труда за последние два года, %

Показатели трудового процесса	Стало хуже	Не изменилось	Стало лучше	Затрудняюсь ответить	Итого
Режим работы	5,9	–	25,5	68,6	100,0
Техническое оснащение Вашего рабочего места	11,8	55,8	32,4	–	100,0
Психологический климат в коллективе	–	82,4	14,7	2,9	100,0
Взаимоотношения с руководством	5,9	76,5	17,6	–	100,0
Уровень заработной платы	2,9	52,9	44,2	–	100,0
Социальные льготы	8,8	82,4	5,9	2,9	100,0
Возможность реализовать свои профессиональные навыки	–	73,4	23,7	2,9	100,0
Возможность повышения квалификации и карьерного роста	2,9	79,5	14,7	2,9	100,0
Ваш личный интерес к делу, которым Вы занимаетесь	–	70,6	29,4	–	100,0

Следует обратить внимание на пункты, по которым чаще всего сотрудники отмечали ухудшение, – техническое оснащение рабочего места, социальные льготы, взаимоотношения с руководством и режим работы. При этом об этих ухудшениях упоминают не более 12,0% опрошенных сотрудников поликлиники. Улучшения чаще всего отмечают в уровне заработной платы, личном интересе к делу и техническом оснащении, что в очередной раз подтверждает процесс

его (технического оснащения) неравномерности.

Открытым в анкете был вопрос о конкретных аспектах трудового процесса, которые не устраивают сотрудников в большей степени (табл. 3). Треть опрошенных сотрудников устраивает все. К числу наиболее часто упоминаемых аспектов неудовлетворенности можно отнести: уровень заработной платы (26,5%), техническое оснащение рабочих мест (17,7) и взаимоотношения с руководством (8,9%).

Таблица 3

Рейтинг аспектов трудового процесса с низким уровнем удовлетворенности сотрудников

Показатели	% от числа опрошенных
Все устраивает	32,4
Уровень заработной платы	26,5
Ремонт, техническое оснащение	17,7
Взаимоотношения с руководством, внимание руководства к коллективу	8,9
Оснащение, семинары, лекции	2,9
Отмена отпускных дней	2,9
Объем работы	2,9
Время на прием пациента	2,9
Бумажная работа	2,9
Итого	100,0

Как показал дальнейший анализ результатов исследования, всегда или часто физически устают на рабочем месте 29,4% опрошенных, примерно половину рабочих дней испытывают усталость пятая часть сотрудников, никогда или меньшую часть рабочего времени – 49,4% (32,4% респондентов чаще не устают и 17,0% не испытывают физической усталости на рабочем месте никогда).

Что касается умственного переутомления, то часто или всегда его испытывают 20,6% опрошенных сотрудников поликлиники, примерно половину рабочих дней – 17,6%, никогда или меньшую часть рабочего времени – 61,7%.

С учетом этих показателей мы попросили сотрудников поликлиники оценить объем рабочей нагрузки на их рабочем месте. Как нормальную, возможную для реализации всех должностных задач нагрузку оценили 73,5%, 26,5% отметили превышение нормы.

Оценка психологического климата в коллективе не противоречит ранее полученным данным по уровню удовлетворенности этим показателем условий труда. Она достаточно высока – 41,2% опрошенных сотрудников характеризуют ее как очень комфортную атмосферу, коллектив сплоченный, дружный; 29,4% оценивают ее как в целом комфортную, однако случаются недопонимания; 29,4% респондентов не дают однозначной оценки – бывает по-разному (табл. 4).

Таблица 4

Оценка психологического климата в коллективе

Оценочные суждения	% от числа опрошенных
Однозначно сказать нельзя, бывает по-разному	29,4
В целом комфортная дружеская атмосфера, но случаются некоторые недопонимания	29,4
Очень комфортная для меня атмосфера, коллектив сплоченный, можно сказать, дружный	41,2
Итого	100,0

Оценка профессиональных планов сотрудников поликлиники на ближайшие два года свидетельствует о стабильности профессионального интереса. Так, 61,8% опрошенных предпочитают работать в привычном режиме, 32,4% планируют повысить квалификацию, 8,8% – получить другую должность, столько же будут искать дополнительное место работы, по 2,9% респондентов планируют пойти учиться и сменить место работы (табл. 5).

Таблица 5

Профессиональные планы сотрудников поликлиники

Профессиональные планы	% от числа ответов
Ничего не менять, работать в привычном режиме	61,8
Повысить квалификацию	32,4
Получить другую должность	8,8
Сменить место работы	2,9
Пойти учиться, получить (базовое профессиональное) образование	2,9
Найти дополнительное место работы	8,8
Итого	117,6*

*Итоговый процент превышает 100, поскольку каждый респондент мог указать несколько вариантов ответа.

Подтверждают эту тенденцию и данные о реальных планах смены работы: 29,4% ответили однозначно, что таких планов нет, 50,0% – скорее не будут менять место работы и 20,6% участников опроса задумываются об этом как о возможном варианте в будущем.

Мы предложили сотрудникам поликлиники оценить ряд условий, при которых они могли бы сменить место работы (табл. 6).

Таблица 6

Условия смены места работы

Условия	% от числа ответов
Ни при каких, меня все устраивает на данном месте работы	35,3
Более высокая заработная плата	58,8
Смена профессионального статуса на более высокий	11,8
Лучшие условия труда (техническое оснащение)	11,8
Территориальное удобство	5,9
Более удобный график работы	5,9
Более интересная работа	5,9
Хорошая атмосфера в коллективе	2,9
Комфортные отношения с руководством	2,9
Наличие социальных льгот, необходимых мне	2,9
Итого	144,1*

*Итоговый процент превышает 100, поскольку каждый респондент мог указать несколько вариантов ответа.

Не сменяют данное место ни при каких обстоятельствах, поскольку их все устраивает, 35,0% респондентов. Далее представим рейтинг (по

числу упоминаний) условий, при которых опрошенные сотрудники сменили бы место работы: более высокая заработная плата (58,8%); смена профессионального статуса на более высокий (11,8%); лучшие условия труда (11,8%). Значительно реже упоминаемыми оказались удобство территории и графика работы, лучшая атмосфера в коллективе, интерес к работе, хорошие отношения с руководством и наличие необходимых социальных льгот. Таким образом, доминирующим мотивом профессиональной мобильности является материальный фактор.

Одной из латентных характеристик качества работы поликлиники является готовность ее сотрудников порекомендовать для обращения это медицинское учреждение своим знакомым. Ответы опрошенных свидетельствуют о наличии локальных проблем в работе клиники. Вопрос в анкете звучал так: «Насколько вероятно, что Вы порекомендуете своим знакомым, друзьям, членам семьи обратиться (при необходимости) в данную медицинскую организацию для консультации или лечения?». «Порекомендую однозначно» – такой ответ выбрали 26,5% опрошенных сотрудников поликлиники; скорее порекомендую – 32,4%. Большая часть ответивших (41,2%) порекомендуют при определенных обстоятельствах и только отдельные медицинские услуги.

В ходе опроса респондентам было предложено сформулировать ряд рекомендаций, которые, на их взгляд, способствовали бы повышению их удовлетворенности трудом (табл. 7). Ремонт помещений и техническое оснащение, повышение заработной платы, улучшение организации труда – вот наиболее часто упоминаемые рекомендации опрошенных сотрудников поликлиники.

Таблица 7

Меры повышения качества условий труда

Рекомендации	%
Ничего. Все устраивает	20,7
Ремонт помещений, техническое оснащение	26,2
Повышение заработной платы	14,5
Улучшение организации труда	11,6
Организация лекций, семинаров	3,0
Доукомплектование кадрами	6,0
Уменьшение объема документооборота	6,0
Поднятие коллективного духа	3,0
Смена руководства	6,0
Чаще поощрять	3,0
Итого	100,0

Итак, результаты проведенного опроса свидетельствуют о ряде тенденций в оценках удов-

летворенности трудом сотрудниками поликлиники: большая часть сотрудников имеют стаж работы свыше 10 лет. Чаще это представители среднего поколения (36–55 лет). Для большинства сотрудников данное медучреждение является основным и единственным местом работы, а следовательно, и единственным источником доходов.

Удовлетворенность различными аспектами трудового процесса можно представить тремя уровнями: высоким, средним и низким. К первому относятся: личный интерес к делу, психологический климат в коллективе, режим работы, взаимоотношения с руководством, возможность повышения квалификации и карьерного роста. На втором уровне – возможность реализации своих профессиональных навыков и техническое оснащение рабочего места. В третьей группе с самыми низкими оценками находятся уровень заработной платы и доступность социальных льгот. Динамика изменений в последние два года по вышепредставленным параметрам не выявлена.

Большая часть сотрудников редко испытывают физическое или умственное переутомление на рабочем месте. Более 70,0% опрошенных оценили объем нагрузки на рабочем месте как нормальный. Психологический климат в коллективе комфортный для большинства сотрудников. Работать в привычном режиме – является основной профессиональной стратегией респондентов. Пятая часть опрошенных сотрудников поликлиники задумываются о смене места работы в будущем. Доминирующим мотивом профессиональной мобильности является материальный фактор.

Латентно выявлено наличие локальных проблем в работе структурных подразделений поликлиники. В данную медицинскую организацию в случае необходимости порекомендуют обратиться менее трети опрошенных сотрудников.

Ремонт помещений и техническое оснащение, повышение заработной платы, улучшение организации труда являются наиболее часто упоминаемыми рекомендациями опрошенных сотрудников поликлиники в целях повышения удовлетворенности трудом.

Результаты опроса выявили наиболее проблемные зоны в качестве условий труда. Особое внимание в оптимизации работы поликлиники (по части «персонал») следует обратить на уровень заработной платы, возможность получения сотрудниками социальных льгот и техническое оснащение рабочих мест сотрудников.

В ходе анализа, кроме того, были выявлены возрастные и профессионально-статусные особенности оценки удовлетворенности своим

трудом медицинских работников, представляющие интерес для определения характерных черт рассматриваемого социального явления, а также оценки пациентами поликлиники качества работы сотрудников. Эти материалы лягут в основу будущей публикации.

Список литературы

1. Locke E. The nature and causes of job satisfaction // Handbook of Industrial and Organizational Psychology / ed. by M. D. Dunnette. Chicago, IL : Rand McNally, 1976. Vol. 1. P. 1297–1343.
2. Бюссинг А. Мотивация и удовлетворенность // Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула, М. Уорнера. СПб. : Питер, 2002. С. 777–792.
3. Иванова Т. Ю., Рассказова Е. И., Осин Е. Н. Структура и диагностика удовлетворенности трудом: разработка и апробация методики // Организационная психология. 2012. Т. 2, № 3. С. 2–15.
4. Цой С. Ю. Ценностно-мотивационные аспекты удовлетворенности трудом сотрудников здравоохранения // Научное обозрение. Педагогические науки. 2019. № 2 (ч. 1). С. 60–64.
5. Eid M. T. I. Revealing the Main Determinants of Employee Job Satisfaction in Jordanian Hospitals. An Empirical Analysis based on McCloskey, Mueller Satisfaction Scale // European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2016. Vol. 15. P. 489–495. <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2016.09.63>
6. Faragher E. B., Cass M., Cooper C. L. The relationship between job satisfaction and health: A meta-analysis // Occupational and Environmental Medicine. 2005. Vol. 62, iss. 2. P. 105–112. <https://doi.org/10.1136/oem.2002.006734>
7. Руженская Е. В., Руженский В. И. Психологические показатели эффективности и удовлетворенности трудом врачебного персонала психиатрической службы // Научное обозрение. Медицинские науки. 2016. № 2. С. 102–108.
8. Лезнева И. А., Москалюк В. Ю. Удовлетворенность трудом у медицинских сестер первичного звена и стационара // Психологическое сопровождение образования: теория и практика : сб. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 24–26 декабря 2015 г.). Йошкар-Ола : ИПФ «СТРИНГ», 2016. С. 262–267.
9. Панкевич В. И., Школьникова М. А., Югай М. Т. Удовлетворенность врачей своим трудом в государственных и частных медицинских организациях // Вестник Росздравнадзора. 2015. № 5. С. 69–78.
10. Ясько Б. А., Остроушко М. Г. Организационно-психологические условия удовлетворенности трудом персонала учреждения здравоохранения // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2, № 2. С. 60–81.
11. Галкин К. А., Малахов И. Н. От любви до неудовлетворенности. Удовлетворенность и профессиональная идентичность персонала и молодых врачей центров амбулаторной хирургии Санкт-Петербурга // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5, № 4. С. 457–460.

Поступила в редакцию 16.08.2022; одобрена после рецензирования 23.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 16.08.2022; approved after reviewing 23.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 389–394
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 389–394
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-389-394>, EDN: ICPCAE

Научная статья
УДК 316.334.2

Формирование отношения к деньгам в контексте семейного финансового конфликта

О. В. Понукалина

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Понукалина Оксана Викторовна, доктор социологических наук, заведующий кафедрой экономической психологии и психологии государственной службы, okspo@lis.ru, <https://doi.org/0000-0003-4348-7296>

Аннотация. В статье рассматривается роль семьи в формировании отношения к деньгам. Исследуются обстоятельства семейных финансовых конфликтов. Анализируются случаи финансовых противоречий в родительской семье (по воспоминаниям взрослого человека о его детстве). Анализируются ситуации превалирования эмоциональности или рациональности в принятии экономических решений. Проясняются особенности стратегий финансового поведения, отношение к тратам и инвестициям. Сделаны выводы о том, что «по наследству» из поколения в поколение передаются не столько паттерны экономического поведения, сколько привычные схемы эмоционального реагирования на темы, касающиеся денег. Попадая в конфликт лояльности между родителями «там и тогда», уже взрослый человек может испытывать противоречивые чувства по поводу денег «здесь и сейчас». Нет однозначного ответа на вопрос – сами деньги или сложности в отношениях, борьба за власть, признание – что становится причиной, а что поводом для конфликтов. Предполагаем, что это скорее недифференцированный комплекс чувств, эмоций, ожиданий и интерпретаций.

Ключевые слова: деньги, семья, семейный финансовый конфликт, отношение к деньгам

Для цитирования: Понукалина О. В. Формирование отношения к деньгам в контексте семейного финансового конфликта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 389–394. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-389-394>, EDN: ICPCAE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The formation of the attitude towards money in the context of family financial conflict

O. V. Ponukalina

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Oksana V. Ponukalina, okspo@lis.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4348-7296>

Abstract. The article examines the role of the family in the formation of the attitude towards money. The circumstances of family financial conflicts are investigated. The cases of financial contradictions in the parental family are analyzed. (based on the memories of an adult about his childhood. Situations where either emotional or rational aspect prevailed in financial decision-making are investigated. Special aspects of financial behavior strategies, attitudes to spending and investments are clarified. The conclusions are made that the usual emotional schemes about money are passed from generation to generation. Getting into a conflict of loyalty between parents “there and then”, a person may experience conflicting feelings about money “here and now”. Money, difficulties in relationships, power struggles, recognition – can be the cause and the reason of conflicts, as well as the undifferentiated complex of feelings, emotions, expectations and interpretations.

Keywords: money, family, family financial conflict, attitude to money

For citation: Ponukalina O. V. The formation of the attitude towards money in the context of family financial conflict. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 389–394 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-389-394>, EDN: ICPCAE
This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В ситуации стремительно нарастающего расслоения общества по уровню доходов населения исследование особенностей формирования отношений людей к деньгам приобретает особое значение. Отношение граждан к день-

гам – значимая составляющая экономического роста современных стран. Актуальными становятся вопросы, касающиеся восприятия индивидом монетарной сферы отношений; то, как человек относится к деньгам, в существенной

степени определяет модель экономического поведения. Она же, в свою очередь, определяет уровень финансового сознания и благополучия.

Экономическое поведение людей всегда привлекало пристальное внимание экономистов, но чаще всего рассматривалось ими изолированно от социального. Это не значит, что экономисты склонны упрощать сложность и многообразие реальности, нивелируя переплетение экономических факторов, например, с политическими или психологическими. Но берется в расчет, что социальные факторы проявляют себя довольно стабильно. А предпосылкой логики поведения индивида с позиции классиков экономтеории (А. Смит, А. Маршал, Д. Рикардо) становится постулат о рациональности действий индивида. В дальнейшем представления о рациональности экономического поведения человека изменили приверженцы неонституционального подхода.

Экономическое поведение, опосредованное деньгами, представляет собой социальное взаимодействие, разворачивается в социальном контексте. Оно вырабатывается в процессе экономической социализации, в связи с чем приобретает социальную и конкретно-историческую предопределенность, и детерминируется не только экономическими факторами, но, например, психологическими свойствами человека. Эти обстоятельства экономисты, психологи и социологи исследуют каждый со своих методологических позиций. Так, в работах великих социологов Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Спенсера, Г. Зиммеля, Ф. Тённиса, Т. Парсонса представлено основополагающее понятие «социальное действие», заложенное в методологию социологического анализа экономического поведения.

С одной стороны, деньги имеют материальное воплощение – существуют как объект, с другой стороны – сами по себе не способны быть материальной ценностью. Ценна ли сама по себе купюра? Ценностью и смыслами ее наделяет человек, вступая в социальные взаимодействия. Деньги пронизаны символическим и моральным значением, эмоциональными реакциями людей; отношение к ним регламентируется моральными и социальными нормами. Г. Зиммель указывал на то, что деньги не только квинтэссенция экономической среды, но и универсальные посредники в пространстве современной культуры, особая форма выражения культуры.

Деньги выступают в качестве регулятора жизненной деятельности как отдельного человека, так «коллектива личностей», объединенных узами семьи. Во внутрисемейном контексте регулирующая роль в поведении индивидов

отводится не столько самим деньгам, сколько их социальному значению – тому, что для конкретной семьи означает богатство, материальное благополучие, экономическая независимость.

Семья – традиционно самый главный первоисточник социализации личности ребенка. «Семейная культура денег» детерминирует представления ребенка о способах обращения с деньгами, об отношении к ним. Безусловно, существует множество других факторов, влияющих на экономическую социализацию ребенка. Но все же человеку свойственно бессознательно совершать такие поступки и выбирать такие модели поведения, какие транслировали его родители. Эмпирические исследования выявляют связь между типами финансового поведения родителей (например, склонных к растратам, повышенной скупости, шопоголизму) и отношением их детей к деньгам [1]. При этом зачастую представления о деньгах у ребенка формируются родителями ненамеренно, просто присутствуя при том, как взрослые совершают покупки, как зарабатывают, как сберегают деньги и т.д.

Вслед за идеями В. Н. Мясичева под «отношением» понимаем компонент, входящий в систему теоретических представлений личности, благодаря которому отражается ее сознательно избирательный и субъективно-оценочный подход к действительности, связанный с интериоризированным жизненным опытом в социальном окружении. Психологическое отношение человека к чему-либо в обобщенном виде является целостной системой связей личности (индивидуальных, сознательных, избирательных) с разными гранями объективной реальности [2].

Неотъемлемой частью большинства социальных отношений становятся конфликты. Именно в близких отношениях разногласия и конфликты ярко проявляются и имеют серьезные последствия. Финансовые конфликты имеют наиболее разрушительные последствия, отличаются существенной сензитивностью [3].

Конфликты из-за денег в семье могут быть многогранны. Они могут возникать из-за несогласия членов семьи по поводу целей использования денег, например сколько и на что тратить. В таком конфликте деньги имеют повседневное (профанное) значение. Другая ситуация, когда конфликт связан с деньгами как ценностью, с их значением, сакральностью – конфликт ценностей, когда, например, для одного расстаться с деньгами легко, для другого члена семьи в этом видится угроза безопасности или «неуважение к труду». Согласно идеям

Р. Белка и М. Волендорфа, деньги есть уникальный предмет, они могут определяться как профанное (обыденными в повседневной жизни) и как сакральное (благодаря смыслу и ценностям, содержащимся в них) [4].

Эмпирические исследования демонстрируют, что семейные финансовые конфликты, независимо от проявлений, воспринимаются членами семьи как болезненные, значимые для взаимоотношений, затяжные. Однако в конфликтах из-за денег, затрагивающих глубинные ценности, часто применяются деструктивные бескомпромиссные стратегии, эмоционально-оценочные высказывания, повышается голос, присутствуют оскорбления [5]. По данным всероссийских исследований, ключевыми причинами, побуждающими к разводу, являются финансовые проблемы, бедность, невозможность кормить семью. На это указали около половины (46%) респондентов. А среди препятствий решению о разводе 25% опрошенных назвали ситуацию «материальной зависимости одного супруга от другого» [6]. Это свидетельствует о том, что финансовые проблемы серьезным образом влияют на жизнедеятельность российской семьи.

В 2021–2022 гг. под руководством автора статьи проводилось социологическое исследование, целью которого стал анализ различий в отношениях россиян к деньгам в зависимости от уровня дохода. Параметры сравнения – превалирование эмоциональности или рациональности в принятии решений, особенности финансового планирования, отношение к тратам и инвестициям, мифология денег и семейный дискурс о деньгах. В рамках данной статьи представим выводы по проблематике формирования отношения к деньгам в контексте семейного финансового конфликта.

Исследование по данной проблематике строилось из нескольких тематических блоков (анкетный опрос, $n = 640$). В одном из них выявлялась специфика, наличие или отсутствие финансовых противоречий в родительской семье (по воспоминаниям взрослого человека о его детстве). Также внимание фокусировалось на стратегиях финансового поведения, репертуаре видов экономической активности, эмоциональной окрашенности/напряженности темы денег по воспоминаниям о детстве.

Другой блок вопросов ориентирован на выявление специфики отношения к монетарной сфере человека в настоящем. Также исследуем обстоятельства финансовых конфликтов в семьях респондентов в настоящее время.

Надо сказать, что всегда интересные результаты дают опросы, объектом которых вы-

ступают «поколенческие» группы. Экономическое поведение их представителей формируется под влиянием разных факторов в отличающихся социально-экономических условиях. У каждого нового поколения «свое детство». Представления о социальной ценности денег существенно детерминируются принадлежностью к поколению. У разновозрастных представителей семьи выявляются разные ценностные взгляды и иной образ жизни [7]. Но действительно ли семейные традиции (в частности, в отношении к деньгам) переходят на второй план? Возможно, да. Как гласит пословица: «Дети больше походят на свое время, чем на своих родителей».

Для прояснения этого обстоятельства разрабатываем инструментарий, по которому выявляем то, что люди думают о своем предшествующем опыте, и то, как когда-то сформированное сказывается на настоящем. Согласно теореме Томаса, последствия человеческого поведения определяются не столько реальностью, сколько тем, что человек о ней думает. Как и что трансформируется или сохраняется соответственно когда-то сложившейся «когнитивно-эмоциональной схеме» ситуации? В чем различия конфликтов из прошлого опыта и в настоящее время?

Результаты исследования выявили, что чем больше противоречий и разногласий по поводу принятия экономических решений присутствовало в родительской семье, тем более эмоционально окрашенным оказывается экономическое поведение человека в настоящем. На то, что «разногласия и финансовые конфликты» в их детстве были «часто», указали 28% респондентов. Из них многие в настоящем принимают импульсивные, эмоциональные решения (был задан открытый вопрос), такие как:

- спонтанные импульсивные покупки;
- трату больше, чем зарабатываю;
- экономлю на самом необходимом;
- беру много кредитов;
- стараюсь больше заработать, иногда в ущерб своему здоровью.

Подобные экономические решения сложно назвать рациональными, в то же время объяснять их только эмоциональными состояниями значит заведомо упрощать ситуацию. В основе таких кейсов, периодически повторяющихся, могут присутствовать когнитивные искажения, которые подробно исследовались Д. Канеманом и А. Тверски [8].

«Эмоциональная преемственность» в отношении к деньгам присутствует достаточно часто: для 59% респондентов эмоциональное отношение к деньгам сформировано в родительской семье («Похоже ли ваше эмоциональ-

ное переживание по поводу денег на родительское?»), транслируется и в настоящее время. При этом связи между сохранением или существенным изменением в ту или иную сторону уровня дохода не обнаружено.

Среди причин финансовых конфликтов, встречающихся в родительских семьях респондентов, указывались следующие (выбиралось несколько вариантов ответов):

- нехватка денег (56%);
- разные взгляды членов семьи на вопросы трат и сбережений (51%);
- конфликты за власть: кто главнее благодаря деньгам (55%);
- разногласия по поводу распределения различных ресурсов между членами семьи (49%).

Далее у респондентов выяснялось, «как часто бывают финансовые конфликты в вашей семье в настоящее время?». «Часто» – ответили 19% респондентов, «иногда» – 25%, редко – 13%. Среди причин финансовых конфликтов в семьях респондентов в настоящее время указывались следующие (выбиралось несколько вариантов ответов):

- нехватка денег (45%);
- разные взгляды членов семьи на вопросы трат и сбережений (38%);
- конфликты за власть: кто главнее благодаря деньгам (56%);
- разногласия по поводу распределения различных ресурсов между членами семьи (38%).

Как видим, в настоящее время преобладают конфликты власти – кто главнее благодаря деньгам, кто имеет больше влияния. Как высказался участник фокус-групп: *Иногда мне кажется, что все скандалы из-за денег у нас с супругой из-за ее желаний покомандовать. А я-то не хочу подчиняться. Вот и скандал (муж., 37 лет).*

М. Аглиетта и А. Орлеан убедительно показывают, как в процессе своей эволюции деньги превращаются в символ власти. Обладая ими может начать доминировать над своим окружением, членами семьи, коллегами друзьями [9, с. 73].

Причем не очевиден ответ на вопрос: у кого больше власти в семье, кто главнее – тот, кто обладает (контролирует, распоряжается), больше контактирует с деньгами, или тот, кто их зарабатывает?

Деньги тесно сопряжены с темой власти, которая адресует нас в проблематику (не)равенства. И это тесное переплетение усиливает вероятность конфликтов, частая причина которых – борьба за ограниченные ресурсы. И тогда власть становится одним из ценнейших ресур-

сов, а деньги – одновременно и самым простым, повсеместным индикатором неравенства, и механизмом, неравенство поддерживающим [10]. Выработанный годами способ избегания конфликтов в семье – постараться не говорить о деньгах. Многие исследователи констатируют, что тема денег в современном мире одна из самых табуированных в беседе [11].

В. Зелизер подчеркивает, что хотя деньги часто являются основной причиной разногласий между супругами, это «больная мозоль» в детско-родительских отношениях – тем не менее, о денежных семейных проблемах исследователям меньше известно, чем, например, о «насилии в семье или о сексе» [12]. При этом во внутреннем диалоге тема денег присутствует часто.

В нашем исследовании на вопрос: «Как часто вы задумываетесь о деньгах?» варианты «часто» и «скорее часто» выбрали 89% респондентов, «иногда» и «редко» – 11%.

С одной стороны, проблематика финансовой грамотности населения активно продвигается на уровне государственной политики. С другой стороны, сегодня тема денег, как и раньше, в значительной степени табуирована, вокруг нее много мифов, относимых к категории «магического». «Денежные марафоны», эзотерические советы по «снятию денежных блоков», денежная магия – элементы магического, в терминах Э. Берна – «детского» мышления. В противовес ему – критическое мышление, основанное на рациональном, фактологическом, «взрослом» и эмоционально спокойном отношении к деньгам.

Среди респондентов более высокая устойчивость экономических стереотипов обнаружена у старшей возрастной группы. Независимо от наличия или отсутствия финансовых сложностей, только 33% респондентов этой группы осуществляют учет доходов и расходов в семье; интересуются сведениями по финансовой грамотности. Среди представителей 18–25-летних планированием бюджета занимаются порядка 57% респондентов. Независимо от возраста, чем выше доход, тем больше внимания к финансовым инструментам.

Некоторые финансовые привычки имеют тенденцию к сохранению в поколениях. Здесь и далее представлены выдержки из фокус-групп.

В рамках исследования на фокус-группах задавался блок вопросов «Была ли у ваших родителей финансовая стратегия? Если да, то как бы вы ее сформулировали? А есть ли сейчас у вашей семьи финансовая стратегия? Если да, то как бы вы ее сформулировали?»

Были предложены такие варианты ответов: *Всегда все покупки тщательно планировались, заранее. Велся строгий учет. Да я тоже сейчас так делаю. Люблю порядок в деньгах. Мои меня поддерживают* (жен., 34 года).

Не было никакой стратегии. Конфликты были. Папа на всем экономил, а мама любила тратить. У меня сейчас тоже как-то сложно все с деньгами. Зарабатываю, но сложно на себя потратить. Но денег все равно не хватает. Не понятно куда деваются (муж., 29 лет).

Я с мамой и бабушкой рос. Они тратили все на еду. Больше толком ничего не покупалось. Да и мне сейчас важно холодильник забить битком (муж., 45 лет).

Но были выявлены и более похожие на противоположные стратегии.

Родители получали зарплату и быстро все тратилось. Потом какое-то время сидели без денег. Я это хорошо запомнил и такого никогда не допускаю. Правда и волнений, что деньги закончатся, или не смогу заработать тоже много (муж., 37 лет).

Мама меня одна воспитывала, на всем экономили копили на черный день. А мне так хотелось красивых вещей. А сейчас бывает муж отдает деньги – а я иду и покупаю десятки туфли и двадцатое платье (жен., 24 года).

Как показало исследование, тема денег сенситивна для респондентов по-разному. Более эмоционально-заряжено – для тех респондентов, в семьях которых между родителями были сильные противоречия во взглядах на ценность денег и стратегии финансового поведения. Попадая в конфликт лояльности между родителями там и тогда, уже взрослый человек может испытывать противоречивые чувства здесь и сейчас.

Из высказываний участников фокус-групп: *Мама очень строга была к деньгам, а папа любил погулять на них. Скандалы были. Сейчас у меня достаток, зарабатываю, инвестирую, но беспокойство за деньги большое очень. Порой, здоровье страдает из-за этого* (муж., 43 года).

В анкетировании на вопрос: «Похожа ли ваша финансовая стратегия в настоящем на то, как обращались с деньгами члены вашей семьи?», «да» и «скорее, да» ответили 58% респондентов, «нет» и «скорее, нет» – соответственно 24 и 18% опрошенных.

Как показал анализ эмпирических данных, «по наследству передаются» не столько паттерны экономического поведения, сколько привычные схемы эмоционального реагирования. Высказывания из воспоминаний респондентов о детском опыте можно сгруппировать: в первой группе – эмоционально-нейтральная

констатация внешних фактов, во второй – эмоционально окрашенные оценочные суждения.

Представители второй группы чаще других склонны проявлять в настоящем иррациональное экономическое поведение. Им более свойственны когнитивные искажения, например дихотомичное расщепление в высказываниях о деньгах по типу «Поклонение золотому Тельцу» или «Деньги – презренный металл». Характерна фиксация внимания на теме денег, причем как со знаком плюс, так и со знаком минус.

Для представителей первой группы характерно эмоционально более спокойное, взвешенное отношение к деньгам. Им чаще свойственны более широкий спектр финансового инструментария, чтение публикаций по повышению финансовой грамотности.

Безусловно, сегодня отмечается разнообразие новых видов финансовых инструментов, связанных, например, с инвестированием, виртуализацией финансовой среды. И здесь мы солидарны с выводами социологов о том, что представители одного поколения имеют больше схожести в типах экономического поведения со своими сверстниками, чем с представителями других возрастных групп [7]. Так, среди респондентов 13% интересуются инвестиционными инструментами, 5% имеют акции различных компаний, играют на бирже. «Подушку безопасности» пополняют с разной периодичностью в семьях порядка 31% респондентов. Просматривают, прослушивают и читают материалы по развитию финансовых компетенций 18% респондентов. Причем они встречаются в разных возрастных группах. Скорее, здесь роль играет профессиональная принадлежность.

И тем не менее, семейные конфликты сказываются на субъективном отношении к деньгам, притом что на поведенческом уровне могут наблюдаться паттерны, существенно отличающиеся от моделей поведения членов родительской семьи. Влияние семейных финансовых конфликтов очень слабо поддается изучению в силу и табуированности проблематики денег, и междисциплинарности подходов и инструментария исследования, и высокой степени субъективной уникальности ситуации в каждой семье.

Как показало исследование, финансовое благополучие зависит не только от размера дохода семьи в целом. Выявлены ситуации, когда конфликты из-за денег, из-за их нехватки, присутствуют в семьях с высоким совокупным доходом. Сложности во взаимопонимании возникают по вопросам, как и на что тратить деньги, кто главнее, у кого власть, планирование бюджета. Но все же особо остры конфликты там, где семейный бюджет сильно ограничен.

Неоднозначен ответ на вопросы: что становится причиной, а что поводом для конфликтов, что скорее влияет на недифференцированный комплекс чувств, эмоций, ожиданий и интерпретаций – сами деньги или сложности в отношениях, борьба за власть, признание? О деньгах не принято говорить, но привычно показывать, проявлять себя в конфликте из-за них. Двойственная природа денег – материальная и ценностно-символическая, профанная и сакральная – позволяет человеку проявлять свой смутный чувственный мир на материальном уровне. И порой с помощью денег, выполняющих функцию всеобщего эквивалента, – оцифровывается то, что невозможно сформулировать и выразить словами.

Список литературы

1. Семенов М. Ю. Особенности отношения к деньгам людей с разным уровнем личностной зрелости : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004. 22 с.
2. Мясцев В. Н. Психология отношений: избранные психологические труды. 4-е изд. М. : Изд-во Московского психолого-социального ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2011. 398 с.
3. Dew J. P. The Association between Consumer Debt and the Likelihood of Divorce // *Journal of Family and Economic Issues*. 2011. Vol. 32. P. 554–565. <https://doi.org/10.1007/s10834-011-9274-z>
4. Belk R. W., Wallendorf M. The sacred meanings of money // *Journal of Economic Psychology*. 1990. Vol. 11, iss. 1. P. 35–67. [https://doi.org/10.1016/0167-4870\(90\)90046-C](https://doi.org/10.1016/0167-4870(90)90046-C)
5. Dew J., Britt S., Huston S. Examining the Relationship between Financial Issues and Divorce // *Family Relations*. 2012. Vol. 61, № 4. P. 615–628. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2012.00715.x>
6. Отношение к бракам и разводам: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring> (дата обращения: 24.01.2022).
7. Абрамова С. Б. Деньги как социальная ценность: поколенческий срез проблемы // *Социологические исследования*. 2000. № 7. С. 37–41.
8. Канеман Д., Тверски А. Суждения в условиях неопределенности: эвристические методы и ошибки // Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро*. М. : АСТ, 2016. С. 276–289.
9. Аглиетта М., Орлеан А. Деньги между насилием и доверием / пер. с фр. И. А. Егорова ; науч. ред. пер. Н. А. Макашева. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 368 с.
10. Pahl J. Family finances, individualisation, spending patterns and access to credit // *The Journal of Socio-Economics*. 2008. Vol. 37, № 2 (Special Issue on the Household Economy). P. 577–591.
11. Alsemgeest L. Family Communication about Money: Why the Taboo? // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2014. Vol. 5, № 16. P. 516–523. <https://doi.org/10.5901/mjss.2014.v5n16p516>
12. Зелизер В. Создание множественных денег // *Экономическая социология : электронный журнал*. 2002. Т. 3, № 4. С. 58–72. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf#page=58 (дата обращения: 20.12.2021).

Поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 19.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 19.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

Научная статья
УДК 316.472

Удовлетворенность сотрудников социальных служб работой в период организационных изменений

И. Ю. Суркова , Н. В. Моисеенко, О. В. Андриященко

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Суркова Ирина Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом, irina_surkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5483-0128>

Моисеенко Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой управления персоналом, mois1971@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6816-5555>

Андриященко Оксана Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом, deskew@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2721-4952>

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного исследования учреждений социальной поддержки населения и центров занятости населения, реализованного по заказу Министерства труда и социальной защиты Саратовской области. В теоретической рамке фиксируются ключевые для данной темы авторы и маркируются основные подходы к пониманию удовлетворенности. Отмечается комплексность данного феномена, что порождает разнообразие трактовок как в зарубежной, так в отечественной исследовательской традиции. Используется авторский опросник факторов удовлетворенности, среди которых основное внимание уделено системе материальной и нематериальной мотивации, условиям труда (материально-техническое обеспечение, удобство индивидуального рабочего места), режиму труда и отдыха (график работы, наличие переработок), субъективному восприятию трудовой деятельности как значимой и интересной. Полученные данные представлены в детализации по подразделениям и категориям должностей (руководящий состав, рядовые специалисты). Отдельно делается акцент на изменениях, произошедших в трудовой деятельности сотрудников социальных служб в связи с пандемией COVID-19, их влиянии на удовлетворенность персонала. Отмечается, что, несмотря на повышение статуса социальных профессий в период пандемии, материальное стимулирование по-прежнему отстает от объема выполняемой работы, что неизбежно сказывается на уровне удовлетворенности сотрудников организаций социальной сферы.

Ключевые слова: удовлетворенность работой, социальные службы, социальная работа, пандемия, организационные изменения

Для цитирования: Суркова И. Ю., Моисеенко Н. В., Андриященко О. В. Удовлетворенность сотрудников социальных служб работой в период организационных изменений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 395–400. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-395-400>, EDN: JZUTTK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Professional satisfaction of social service employees with under organizational changes

I. Yu. Surkova , N. V. Moiseenko, O. V. Andryuschenko

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina Yu. Surkova, irina_surkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5483-0128>

Nataliya V. Moiseenko, mois1971@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6816-5555>

Oksana V. Andryuschenko, beyond84@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2721-4952>

Abstract. The article presents the results of a comprehensive study of “Social Support Department” and “Employment Center”, implemented by the order of the Ministry of Labor and Social Protection of Saratov region. The theoretical framework fixes the key authors for this topic and marks the main approaches to understanding satisfaction. The complexity of this phenomenon is noted, which generates a variety of interpretations in both foreign and domestic research tradition. The author’s questionnaire of satisfaction factors is used, among which the main attention is paid to the system of material and non-material motivation, working conditions (material and technical support, convenience of an individual workplace), work and rest regime (work schedule, availability of overwork), subjective perception of work activity as significant and interesting. The data are disaggregated by division and category (managerial staff, rank-and-file specialists). Separately, the emphasis is placed on the changes that have occurred in the work of social services employees in connection with the COVID-19 pandemic and

their impact on staff satisfaction. It has been observed that, despite the rising status of the social profession during the pandemic, financial incentives continue to lag behind the workload, inevitably affecting employee satisfaction in social care organizations.

Keywords: professional satisfaction, social services, social work, pandemic, organizational changes

For citation: Surkova I. Yu., Moiseenko N. V., Andryuschenko O. V. Professional satisfaction of social service employees with under organizational changes. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 395–400 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-395-400>, EDN: JZUTTK

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4,0 International License (CC-BY 4.0)

Социальная сфера является инкубатором социономических профессий, фактически рискованных из-за максимизации общения с людьми, необходимости проявления эмпатии и толерантности, перманентного профессионального стресса, зачастую провоцирующего профессиональное выгорание и деформацию. При этом от работы социальных служб зависит благополучие населения в целом и конкретных социально-демографических групп, что делает такие профессии чрезвычайно значимым в современном государстве.

Эффективность работы персонала в социальной сфере во многом обусловлена влиянием различных факторов, связанных с уровнем удовлетворенности сотрудников условиями труда, спецификой работы, взаимоотношениями в коллективе и т.д. Изначально, выбирая профессию и место работы, сотрудники ориентируются на привлекательность работы, интересный функционал и социальную значимость. Однако со временем ожидания меняются. Новички сталкиваются на рабочем месте с реальностью профессиональной деятельности, погружаются в особую атмосферу организации, пронизанную оргкультурой. Кроме того, даже опытные сотрудники имеют разный уровень удовлетворенности работой, что опосредовано не только внутренними процессами, происходящими в коллективе, но и внешними. Таким фактором стала пандемия, которая скорректировала функционал сотрудников социальных служб, катализировала организационные изменения, заставляя каждого работника адаптироваться к новым условиям, менять свое отношение и к своему рабочему месту, и к профессии в целом. Удовлетворенность трудом в этих непростых условиях ожидаемо начинает падать, а ведь именно она зачастую влияет на вовлеченность персонала, лояльность к руководству и к организации в целом и, наконец, провоцирует текучесть персонала.

Работа – это системное понятие, включающее множество элементов, каждый из которых является источником различных аспектов удовлетворенности [1]. Соответственно, удовлетворенность работой является интегральным показателем, который включает в себя: оценку и содержание работы; удовольствие от процесса трудовой деятельности; отношение к руковод-

ству, коллективу, клиентам; восприятие оргкультуры и т.д. Дж. Вурва и Дж. Казмиерчук (J. Wyrwa, J. Kaźmierczyk) в своих исследованиях пришли к выводу, что необходимо разводить термины «удовлетворенность» и «удовлетворение» работой. Удовлетворенность работой предполагает, что «позитивное отношение обусловлено внешними факторами: справедливой оплатой труда, соответствующими условиями материальной рабочей среды, хорошими отношениями с начальством и коллегами и надлежащим стилем управления» [2, р. 142]. Удовлетворение же работой предполагает учет внутренних факторов, опосредованных реализацией потребностей в обучении и развитии, признании со стороны начальства и коллег, наличие возможностей самореализации в трудовой деятельности. При этом удовлетворение работой – временное явление, а удовлетворенность – уже показатель стабильного позитивного отношения к вышеперечисленным компонентам.

Советскими учеными удовлетворенность работой анализировалась через призму адаптивности сотрудника к организации [3], что остается актуальным и сегодня, поскольку успешность процесса адаптации к новому месту работы, руководству, организационным изменениям достаточно серьезно влияет на сотрудников, их производительность, а, возможно, и успешность в профессиональной сфере в целом. В постсоветских исследованиях идет смещение от результатов адаптации к показателям социального самочувствия сотрудников [4], что встраивается в логику исследований Е. Динера, К. Райена о результатах когнитивной оценки различных аспектов, маркирующих удовлетворенность жизнью в целом [5].

В перспективе взглядов Р. Хоррока удовлетворенность работой предполагает любое сочетание психологических условий и условий окружающей среды, позволяющих человеку убежденно сказать о том, что он удовлетворен тем, что профессионально делает [6], поэтому мы акцентируем внимание как на внешних, так и на внутренних факторах, влияющих на удовлетворенность работой. При этом под удовлетворенностью работой мы понимаем, вслед за Е. Локк, «приятное эмоциональное состояние, возникающее в результате восприятия своей работы как

выполняющей или способствующей реализации значимых ценностей, имеющихся на работе, при условии, что эти ценности совпадают с потребностями человека» [7, р. 1301]. В данной трактовке следует говорить о двух типах факторов, которые касаются, с одной стороны, характеристик трудовой деятельности, а с другой, ценностных моделей, накладываемых на эти характеристики, эмоционально окрашивая каждый аспект трудовой деятельности оценками от максимального удовлетворения до минимального [8].

По результатам ряда исследований повышение удовлетворенности улучшает мотивацию и поведение сотрудников, поскольку сотрудники с высокими показателями удовлетворенности работой лучше отождествляют себя с целями компании, проявляют озабоченность качеством своей работы, более лояльны к организации и вовлечены в трудовую деятельность, менее резистентны к организационным изменениям и выражают активную готовность к сотрудничеству [2].

Безусловно, при оценке степени удовлетворенности работой важно актуализировать и теории мотивации, поскольку есть жесткая сцепка между потребностями сотрудников и их реализацией в профессиональной деятельности, что влияет на вовлеченность персонала, как одного из компонентов удовлетворенности трудом. Так, оптика теории Ф. Герцберга позволяет нам оценить уровень удовлетворенности работой сотрудников через влияние гигиенических факторов (условия труда, заработная плата, степень контроля за работой со стороны руководства, межличностные отношения в коллективе) и мотивационных (одобрение и признание заслуг, возможность карьерного роста, профессионального и личностного развития, наличие ответственности за результаты труда) [9]. Используя данный теоретический подход, Г. А. Фовановой и А. С. Мамедовой было доказано, что сотрудники социономических профессий стремятся как к удовлетворению гигиенических потребностей, так и к обеспечению социально-психологических взаимодействий в коллективе, связанных с включенностью в социальную группу, стремлением помогать и быть полезными [10].

В целом, многокомпонентность и интегративный характер понятия удовлетворенности трудом предполагает вариативность подходов, отражающих: соответствие профессиональной деятельности оценкам, склонностям, активностям субъектов трудового процесса; эмоционально-психическое состояние сотрудника, обусловленное, внутренними переживаниями в связи реализацией своей профессиональной деятельности; оценку трудовой ситуации в срезе реализации потребностей в определенных тру-

довых условиях; социально-фиксированную установку принятия организационных норм, что актуализирует переживание процессов адаптации работником; мотивацию и результативность деятельности [11]. На основе анализа структуры и диагностики удовлетворенности трудом были выявлены три группы компонентов: социальных, внутриорганизационных и личностных [12]. Эти компоненты можно увидеть и в одном из первых исследовательских инструментов – индексе удовлетворенности работой (Job Satisfaction Index) [13].

Приняв за основу то, что удовлетворенность работой – это «совокупная конструкция», обозначим два вектора влияния: 1 – на индивидуальную удовлетворенность работой влияют различные процессы (лидерство, социальная справедливость, гендерный, возрастной, этнический состав трудового коллектива и т.п.); 2 – индивидуальная удовлетворенность влияет на эффективность организации в целом, ее микроклимат и организационную культуру [14]. Данные методологические приемы послужили базой для разработки авторского инструментария выявления уровня удовлетворенности сотрудников социальной сферы работой, обозначили предикторы для аналитической работы.

В рамках проекта «Разработка методики комплексного исследования государственных казенных учреждений социальной поддержки населения и центров занятости населения Саратовской области для расчета штатной численности», реализованного по заказу Министерства труда и социальной защиты Саратовской области с сентября по декабрь 2020 г., на базе двух организаций ГКУ СО «Управление социальной поддержки населения» (далее – УСПН) и ГКУ СО «Центр занятости населения» (далее – ЦЗН) одного из населенных пунктов Саратовской области было проведено комплексное исследование, включающее оценку различных аспектов удовлетворенности сотрудников социальной сферы своей работой/трудом. Цель проекта – выявление факторов, влияющих на результативность деятельности, и разработка рекомендаций по повышению эффективности функционирования и реализации стратегии развития.

Для определения уровня удовлетворенности работой сотрудников и факторов, влияющих на ее эффективность, использовалась авторская анкета, содержащая 43 вопроса. Выборочный дизайн предполагал сплошной опрос (за исключением сотрудников, находящихся в отпуске, командировке, имеющих статус временно нетрудоспособных) и составил 89 респондентов, из которых 94,8% женщины, 5,2% мужчины. Возрастной диапазон был разделен

на четыре группы: сотрудники до 29 лет – 9,1%, от 30 до 45 лет – 50,6%, от 46 до 55 лет – 22,1% и старше 56 лет – 18,2%. По стажу работы респонденты распределились следующим образом: до 3 лет – 23,4%, от 4 до 10 лет – 29,9% и свыше 11 лет – 46,8%. По категориям должностей важным представлялась такая градация: административно-управленческий состав (начальники, заместители начальников отделов) – 7,8%; главные специалисты – 28,6%; ведущие специалисты – 18,2% и специалисты 1-й категории – 33,8%. В качестве дополнительного источника получения информации была проведена серия интервью с руководителями подразделений (10 респондентов), в результате которых выявлены аргументированные оценки процессам, происходящим в организациях социальной сферы.

Одним из важнейших критериев оценки удовлетворенности трудом является интерес и привлекательность работы. Результаты исследования показали, что большая часть респондентов ЦЗН считают свою работу интересной (80,0%) и значимой (90,0%), что демонстрирует вовлеченность сотрудников в трудовую деятельность и осознание ценности того функционала, который возложен на организации социальной сферы. В УСПН также показатели привлекательности работы в социальных учреждениях достаточно высокие – 73,1% считают свою работу увлекательной, однако 26,9% полагают, что их деятельность не в полной мере вызывает интерес. Среди тех, кто оценивает интерес к своей работе невысоко, по большей части сотрудники из отдела назначения социальных выплат (56,3%) и отдела организации предоставления мер социальной поддержки (41,7%). Также была выявлена зависимость между заинтересованностью в работе и возрастом/стажем респондентов: чем старше сотрудники (от 46 лет и старше – 55,6%) и больше опыта работы в данной организации (от 11 лет и выше – 61,1%), тем менее интересной они воспринимают свою работу, что, возможно, связано с рутинизацией выполнения функциональных обязанностей, с недостаточно используемыми возможностями профессионального развития, а также со спецификой работы, минимизирующей творческий подход при выполнении профессиональных задач.

Безусловно, уровень удовлетворенности сотрудников работой зависит от их оценки материально-технической базы, удобства рабочего места, режима труда. Оказалось, что в целом уровень удовлетворенности сотрудников условиями труда достаточно высокий. В ЦЗН только в единичном случае встретилась негативная оценка удобства индивидуального рабочего места, включающего в себя удобство кабинета,

температурный режим, уровень освещенности и шумовое сопровождение при выполнении задач. Сотрудники наиболее удовлетворены режимом труда (40,0% поставили наивысшую оценку); на втором месте материально-техническая оснащенность (30,0%) и удобство рабочего места на третьем (20,0%). От 60,0 до 70,0% респондентов удовлетворены условиями труда в среднем оценочном диапазоне.

В УСПН ответы не столь однозначны: так, об удобстве своего индивидуального рабочего места они разделились приблизительно поровну (52,4% не совсем удовлетворены, 47,6% в большей степени удовлетворены). Идентичная ситуация наблюдается и при оценке материально-технического обеспечения (инструменты, мебель, оргтехника, канцтовары и др.). Наиболее высоко сотрудники оценивают режим труда, на что обратили внимание 79,1% респондентов.

На уровень удовлетворенности условиями труда влияет место работы сотрудника (конкретное структурное подразделение). Так, в отделе автоматизации при полной удовлетворенности режимом труда наблюдается абсолютная неудовлетворенность материально-техническим обеспечением рабочего места. Также сотрудники данного отдела скорее не удовлетворены удобствами индивидуального рабочего места, что отметили 75,0% респондентов. В отделе назначения пособий несколько иная картина. Рабочее место в целом устраивает сотрудников (70,0%), однако чуть менее половины респондентов этого отдела (44,4%) испытывают неудовлетворенность материально-техническим обеспечением и режимом труда (40,0%). В отделе организации социальных выплат наиболее высокий уровень удовлетворенности режимом труда (68,8%), однако удобство индивидуального рабочего места оставляет желать лучшего для 53,3% респондентов, а материально-техническая база – для 57,1%. В отделе социальной поддержки 85,7% сотрудникам нравится режим работы, по поводу материально-технического обеспечения мнения разделились ровно пополам, а рабочим местом не удовлетворены 42,9% респондентов. В отделе предоставления мер социальной поддержки также большинство сотрудников (75,0%) устраивает режим работы, а вот к удобству рабочего места и материально-техническому обеспечению есть претензии (60,0 и 41,7% соответственно). В отделе оказания адресной помощи всем сотрудникам нравится график работы, однако 70,0% не удовлетворены рабочим местом и 50,0% – состоянием материально-технического обеспечения.

В ходе исследования были выявлены проблемы с оборудованием, устаревшей оргтехни-

кой, что векторно обозначило и выбор ответов респондентов, их недовольство материально-техническим обеспечением (это особенно важно для сотрудников отдела автоматизации). Низкие показатели оценок удовлетворенности индивидуальным рабочим местом связаны зачастую с небольшими помещениями, скученностью, не очень комфортной офисной мебелью.

Очевидно, что сотрудники, которые еще проходят период адаптации, наиболее остро реагируют на проблемы, связанные с материально-техническим оснащением рабочих помещений, их оценки значительно более негативные, нежели у сотрудников, которые проработали в организации 11 и более лет (66,7 и 41,9% соответственно).

Интересно, что на удовлетворенность условиями труда не повлиял тотальный режим переработок в организациях. Было выявлено, что переработки – это повседневная практика, регулярность которой зависит от интенсивности работы и функционала как организаций социальной сферы в целом, так и конкретных подразделений в УСПН и ЦЗН. В связи с особенностями функционирования учреждения в период коронавирусной инфекции, по мнению сотрудников, время переработок значительно увеличилось: *Мы стали работать значительно больше, поскольку новые меры социальной поддержки появились, больше объем работ стал, больше оформления дел, назначений. Как правило, мы уходим в 18, а часто и в 19 часов вечера, особенно, когда наступает время отчетов.*

Многие сотрудники перерабатывают каждый день, а за неделю время переработок у большинства (80,0%) достигает 5 часов и более, остальные респонденты фиксировали переработки в пределах 3–4 часов (20,0%). Большинство работников ЦЗН (80,0%) безразлично относятся к сверхурочным работам, лишь 20,0% респондентов воспринимают это негативно, при этом в УСПН 62,7% респондентов возмущены переработками. Если формы переработок вариативны, зависят от объема работы и периодов формирования отчетной документации, то выбор этих форм осуществляется персонально каждым респондентом и связан с индивидуальными особенностями сотрудников (остаются после работы, приходят раньше на свое рабочее место, используют обеденный перерыв или берут работу на дом). С одной стороны, со временем происходит адаптация к условиям труда, и то, что в первое время после устройства на работу воспринимается как нарушение правил, с течением времени приобретает рутинный характер и входит в набор повседневных практик взаимодействия на работе, в связи с чем переработ-

ки уже не кажутся чем-то сверхъестественным. С другой стороны, оценочный диапазон зависит и от организационных изменений. Если УСПН находится в достаточно стабильном состоянии, то ЦЗН подвергаются реформированию, что заставляет сотрудников пересматривать свои представления о нормах труда и их нарушениях (чаще всего из-за боязни потери рабочего места).

Логично встраивается в систему определения уровня удовлетворенности сотрудников работой и система мотивации персонала, поскольку зачастую именно от умелого использования тех или иных стимулов зависит активизация деятельности сотрудников. Повысив значимость работников в организации, обозначив приоритеты их дальнейшего развития в профессии, можно многократно повысить производительность труда, что повлечет за собой и удовлетворенность от работы.

В целом в организациях, попавших в фокус исследования, уровень удовлетворенности системой мотивации труда находится на среднем уровне. Так, в УСПН большинство респондентов (67,3%) лишь частично удовлетворены нематериальными поощрениями. В полной мере удовлетворены лишь 14,3% опрошенных, при этом все они относятся к категории рядовых сотрудников (главных и ведущих специалистов, а также специалистов 1-й категории). Среди руководящего состава полностью позитивного отношения к выбранным формам нематериального поощрения выявлено не было.

Что касается материальных мер мотивации сотрудников, то в полной мере ими удовлетворены лишь 13,3% респондентов, 80,0% частично удовлетворены и 6,7% такие меры не устраивают в УСПН. В ЦЗН в полной мере никто из сотрудников не удовлетворен денежными формами стимулирования трудовой деятельности в организации, 80,0% сотрудников частично удовлетворены материальными формами поощрения труда, а 20,0% вообще не удовлетворены.

Важной характеристикой удовлетворенности сотрудников трудом является субъективная оценка соответствия уровня заработка объему и сложности выполняемой работы. Так, подавляющее большинство респондентов (93,2% в УСПН и 100% в ЦЗН) полагают, что уровень их заработка ниже уровня выполняемых задач. Собственно, и переработки, и недостаточное внимание руководителей в области реализации системы мотивации, и организационные изменения, и ситуация изменения функционала сотрудников в связи с эпидемиологической обстановкой вызывают ухудшение социального самочувствия работников социальной сферы, влияя на их удовлетворенность трудом и своим местом в этой

социально значимой сфере. Так, по результатам исследования М. В. Фирсова и М. В. Вдовиной, удовлетворенность от работы во многом зависит от «положительного результата трудовых усилий, особенно если есть одобрение со стороны клиентов и руководства», от уровня физической и эмоциональной усталости [15, с. 121]. При этом в большей степени сотрудники получают удовольствие от результатов своего труда, поддержки коллег, возможности самовыражения и адекватности выполняемых задач [16].

Итак, подводя итоги нашего исследования, можно утверждать, что в целом сотрудники социальной сферы средне оценивают уровень удовлетворенности работой. С одной стороны, условия пандемии позволили социальным службам выйти из позиции аутсайдерства на рынке труда, заняв достаточно прочные позиции (обширная зона ответственности по жизнеобеспечению широких масс населения, актуализированная социальная значимость, государственные гарантии сотрудникам социальных служб в условиях тотальной нестабильности). То есть социальные профессии повышают свой статус в целом, что влияет положительным образом на удовлетворенность работой. С другой стороны, опять же антиковидные меры изменили функционал сотрудников, многократно увеличив работу с документами, задублировав часть задач на бумажных носителях и на интернет-ресурсах, что автоматически снижает удовлетворенность от проделанной работы. Кроме того, невысоко оценивают сотрудники и техническое обеспечение социальных организаций, что тормозит выполнение задач. Мотивационные стимулы не изменились со временем и невысоко оцениваются сотрудниками, прежде всего в связи с несостыковкой между реальным объемом выполняемой работы и оплатой труда. Успешность всей организации, в первую очередь, будет зависеть от удовлетворенности работой сотрудников, что чрезвычайно важно в социальной сфере, а полученные данные указывают на управленческие лакуны в области ресурсного обеспечения организаций и штатного состава, который явно недостаточен для выполнения увеличившегося объема работы.

Список литературы

1. Thomas A., Boltz W. C., Winkelspecht C. S. Job Characteristics and Personality as Predictors of Job Satisfaction // *Organizational Analysis*. 2004. Vol. 12, № 2. P. 205–219.
2. Wyrwa J., Kazmierczyk J. Conceptualizing Job Satisfaction and Its Determinants: A Systematic Literature Review // *Journal of Economic Sociology*. 2020. Vol. 21, № 5. P. 138–167.
3. Ядов В. А., Киссель А. А. Удовлетворенность работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического истолкования // *Социологические исследования*. 1974. № 1. С. 78–87.
4. Грачев А. А., Русалинова А. А. Социальное самочувствие человека в организации // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2007. Т. 8, № 30. С. 7–17.
5. Diener E., Ryan K. Subjective well-being: A general overview // *South African Journal of Psychology*. 2009. № 39. P. 391–406.
6. Hoppock R. Job Satisfaction. New York ; London : Harper and Brothers, 1935. 314 p.
7. Locke E. A. The Nature and Causes of Job Satisfaction // Dunnette M. D. *Handbook of Industrial and Organizational Psychology*. 1st ed. Chicago, IL : Rand McNally, 1976. P. 1297–1349.
8. Kalleberg A. Work Values and Job Rewards: A Theory of Job Satisfaction // *American Sociological Review*. 1977. Vol. 42, № 1. P. 124–143.
9. Херцберг Ф., Майнер М. У. Побуждение к труду и производственная мотивация // *Социологические исследования*. 1990. № 1. С. 122–131.
10. Фованова Г. А., Мамедова А. С. Удовлетворенность трудом сотрудников социэкономических профессий // *София : электрон. науч.-просвет. журнал*. 2018. № 2. С. 13–19. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/208633> (дата обращения: 18.01.2022).
11. Лысова Е. А. Анализ подходов к понятию удовлетворенности трудом // *Бюллетень науки и практики : электрон. журнал*. 2017. № 12 (25). С. 558–563. URL: <http://www.bulletennauki.com/lysova> (дата обращения 18.01.2022).
12. Иванова Т. Ю., Рассказова Е. И., Осин Е. Н. Структура и диагностика удовлетворенности трудом: разработка и апробация методики // *Организационная психология*. 2012. Т. 2, № 3. С. 2–15.
13. Brayfield A. H., Rotte H. F. An index of job satisfaction // *Journal of Applied Psychology*. 1951. Vol. 35. P. 307–311.
14. Rafferty A. E., Griffin M. A. Job satisfaction in organizational research // *The SAGE Handbook of Organizational Research Methods* / ed. by D. A. Buchanan, A. Bryman. Thousand Oaks, CA : SAGE Publications Ltd., 2009. P. 196–212.
15. Фирсов М. В., Вдовина М. В. Женщина в системе социальной защиты: статус и удовлетворенность трудом // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 3. С. 117–126. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.9>
16. Кривирадева Б., Първанова Й. Удовлетворенность от труда в социальных организациях – оценка служащих // *Czlowiek w srodowisku edukacyjnym / pod red. E. Asmakovets, S. Kozieja*. Kielce : Stamp Partner Sp. z o.o., 2019. P. 105–113.

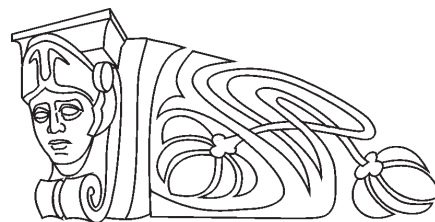
Поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 05.09.2022
The article was submitted 29.08.2022; approved after reviewing 01.09.2022; accepted for publication 05.09.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 401–407
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 401–407
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-401-407>, EDN: NCDGKD

Научная статья
УДК 316.353

Факторы социальной травматизации профессиональной группы врачей

Л. В. Темнова¹✉, П. В. Поповцева²

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 33

²ООО «Интернет Решения», Россия, 123112, г. Москва, Пресненская наб., д. 10

Темнова Лариса Витальевна, доктор психологических наук, профессор кафедры современной социологии, temnova.larisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5197-816X>

Поповцева Полина Вадимовна, специалист, p.popovtsewa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1888-6474>

Аннотация. В статье раскрывается социологический подход к анализу концепта коллективной травмы, под которой понимаются деструктивные, дисфункциональные последствия социальных преобразований, касающиеся больших групп людей. В настоящее время профессиональное сообщество врачей особо подвержено социальной травме и зачастую берет за нее моральную ответственность. Реформа здравоохранения, начавшаяся с 2010 г., ее экономические, социальные и психологические последствия стали основным триггером формирования и развития такой травмы. Новизна проведенного исследования состоит в обосновании применения концепта социальной травмы для анализа личности и деятельности профессиональной группы врачей. Цель исследования – выявить факторы социальной травматизации социальной группы врачей. Задачи: обосновать специфику актуализации концепта социальной травмы на примере профессиональной группы врачей; провести ранжирование выявленных факторов социальной травматизации; определить причины формирования данных факторов. Проведено качественное социологическое исследование с помощью метода глубинного интервью, в котором приняли участие 35 врачей различной специализации. Полученные тексты интервью обработаны с помощью контент-анализа. Уровень профессионального выгорания врачей определялся с помощью опросника К. Маслач. Определены социально травмирующие факторы профессиональной деятельности врачей: высокая эмоциональная нагрузка от взаимодействий с пациентами; требование оказания высокопрофессиональной помощи; сервисизация общества; уровень управленческой культуры; режим труда и отдыха; возрастание ответственности за выполнение профессиональных стандартов; ограничение открытости и публичности профессиональной деятельности; оплата труда; уровень подготовки медицинского персонала; режим безопасности труда. В заключение сделан вывод, что череда реформ в системе российского здравоохранения привела врачей к необходимости «вписываться» в новые требования, когда морально–нравственные нормы деформируются, а выполнение своих профессиональных обязанностей редуцируется. Подобная адаптация к «инновациям» привела к формированию у профессионального врачебного сообщества социальной травмы.

Ключевые слова: социальная травма, профессиональная группа врачей, профессия врача, факторы социальной травматизации

Для цитирования: Темнова Л. В., Поповцева П. В. Факторы социальной травматизации профессиональной группы врачей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 401–407. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-401-407>, EDN: NCDGKD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The social traumatization factors of doctors' professional group

L. V. Temnova¹✉, P. V. Popovtseva²

¹Lomonosov Moscow State University, GSP-1, bld. 33 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian

²Limited Liability Company «Internet solutions», 10 Presnenskaya Emb., Moscow 123112, Russian

Larisa V. Temnova, temnova.larisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5197-816X>

Polina V. Popovtseva, p.popovtsewa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1888-6474>

Abstract. The article reveals a sociological approach to the analysis of the concept of collective trauma understood as the destructive, dysfunctional consequences of social transformations concerning large groups of people. Currently, the professional medical community is particularly vulnerable to social trauma and often takes moral responsibility for it. The healthcare reform, begun in 2010, its economic, social, and psychological consequences became the main trigger for the formation and development of such a trauma. The novelty of this study lies in the substantiation of the application of the concept of social trauma concept application for analyzing the personal professional doctors' activity. The aim of the study is to identify the factors of social traumatization of a social group of doctors. The objectives are: to substantiate special features of the

social trauma concept actualization on the example of a professional group of doctors; to rank the identified factors of social traumatization; to determine the reasons for the formation of these factors. The qualitative sociological study using the in-depth interview method, attended by 35 doctors of various specialties, was conducted. The received interview texts were processed by using content analysis. The level of professional burnout of doctors was determined according to K. Maslach's questionnaire. The socially traumatic factors of the professional activity of doctors were determined: high emotional stress from interactions with patients; the requirement to provide highly professional assistance; the serviceization of society; the level of managerial culture; work mode; rest mode; increasing responsibility for meeting professional standards; limiting the openness and publicity of professional activities; salary; the level of medical personnel training; occupational safety regime. It is concluded that a series of reforms in the Russian healthcare system brought doctors to the need to "fit in" with new requirements, when moral norms are deformed, and the performance of their professional duties is reduced. Such adaptation to "innovations" led to the formation of a social trauma in the professional medical community.

Keywords: social trauma, professional group of doctors, doctor's profession, factors of social traumatization

For citation: Temnova L. V., Popovtseva P. V. The social traumatization factors of doctors' professional group. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 401–407 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-401-407>, EDN: NCDGKD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

К концепту коллективной травмы в социологической науке исследователи обращают пристальное внимание в середине XX в. в связи с переосмыслением основополагающих принципов теории социальных изменений. Различие на понятийном уровне между коллективной и индивидуальной травмой первым провел К. Эриксон, выделив свойства травмы, которые возникают прежде всего в отношении сообществ. Под коллективной травмой понимают деструктивные, дисфункциональные последствия социальных преобразований, которые касаются больших групп людей. Как правило, травматический эффект события как такового имеет последствия не только на уровне индивидуальной психики, но и на групповом и социальном уровнях. Личность как актор социальных изменений становится представителем интересов конкретной социальной группы, с которой он солидаризируется. Экономическая депрессия, например, ведет к разочарованию, экологические катастрофы – к панике, политические скандалы – к общественному возмущению. Согласно Дж. Александеру, коллективную травму трактуют как совокупность индивидуальных травм многих людей [1, с. 5].

А. Нил, двигаясь в русле социологической модели К. Эриксона, пишет, что разрушительные последствия национальной травмы способны дестабилизировать всю социальную систему настолько, что сообщество будет не в состоянии эффективно существовать. Также он говорит о «национальной травме» как о травме, имеющей долгосрочные последствия. Такая травма связана с событиями, которые постоянно воспроизводятся в сознании отдельного человека и оседают в памяти коллективной [2, р. 4–10].

Серьезное теоретическое значение имеет мысль Дж. Александера о том, что «травма есть свойство, приписываемое событию при посредстве общества» [1, с. 16], т. е. сами события по своей сути травмирующими не являются.

Р. Айерман подчеркивает процессуальность социальной травмы: «Это не вещи, а процессы создания смыслов и атрибуций, делящаяся борьба, в которой разные индивиды и группы стремятся определить ситуацию, управлять ею и контролировать ее» [3, с. 125].

По мнению Н. Смелзера, социальная травма есть событие, способное дестабилизировать ключевые элементы культуры и подорвать культуру в целом. Так, нарушая фундаментальные основы общества, она угрожает существованию общества [4, р. 38].

Ж. Т. Тощенко определяет социальную травму как «противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов», который влечет за собой изменения в структуре социальных, экономических, политических и духовно-культурных отношений. В обществе, подверженном социальной травме, отмечается отсутствие эффективности развития, нелогичность действий, неспособность привлекать «активные творческие силы на реализацию преобразований и преодоление деструктивных тенденций» [5, с. 25].

Как считает И. К. Масалков, для современного российского общества с его постоянной трансформацией социальной структуры, социальными конфликтами, политическими, экономическими изменениями социальная травма становится характерной чертой эпохи. Чтобы отвечать международным стандартам, запросам клиентов, сегодня во главу угла деятельности государственных органов ставится повышение эффективности и прибыльности государственных учреждений, что меняет их «первоначальную функцию (образование, здравоохранение, научные исследования)» [6, с. 90]. Постоянно сталкиваясь с изменениями и модернизациями, в том числе и со стороны государственных структур, люди зачастую теряют основной смысл происходящего.

А. А. Шутценбергер пишет, что сильнейшая социальная травма проявляется не иначе

как у потомства травмированных групп. Автор полагает, что наследственная травма является более сильной, чем та, которая получена при жизни [7, с. 136].

Концепт социокультурной травмы введен П. Штомпкой. Социолог описывает взаимосвязь между такой травмой и деструктивным воздействием на социальное тело. Наличие социокультурной травмы говорит о патологии социального организма, который находится в центре внимания, о его способности к самоизменению посредством творчества. Как общественные изменения не имеют ни начала, ни конца, так и травма является процессом, который имеет равные фазы, темп и форму. Это – травматическая последовательность, появляющаяся в соответствующих структурных условиях [8, с. 8]. К таким условиям социолог относит мучительное прошлое, внешние и внутренние конфликты, которые в дальнейшем продолжают в данном обществе, политическое или идеологическое доминирование враждебного государства. Социокультурная травма, в понимании ученого, – результат радикальных, насильственных, глубоких общественных изменений. С одной стороны, человек ценит стабильность и экзистенциальную безопасность, а введение внезапных изменений приводит к деформации привычного уклада, потере ощущения безопасности. С другой стороны, экономические, социальные, культурные изменения могут повлечь за собой преобразования в социальной структуре, разрушение предыдущих ценностей и правил, падение уровня жизни. Причем такие ситуации становятся травматичными только тогда, когда признаются обществом таковыми (учеными, журналистами и т.п.) [8, с. 8–9].

Специфика дискурса социальной травмы заключается в том, что адаптация к социальным изменениям создает солидарность, увеличивает пространство ясности для общества. Согласно Дж. Александру, благодаря социальной травме социальные группы, национальные сообщества (а иногда и целые цивилизации) осознают наличие и источник человеческих страданий, а также возлагают на себя ответственность за них [1, с. 7]. Говоря о профессиональном сообществе, можно утверждать, что оно особенно подвержено социальной травме и зачастую берет за нее моральную ответственность. Реформа здравоохранения, начавшаяся в 2010 г. (Программа от 18 июля 2010 г.), ее экономические, социальные и психологические последствия стали основным триггером формирования и развития такой травмы. Эпидемия коронавирусной инфекции 2020 г. проявила все самые негативные последствия реформирования си-

стемы здравоохранения [9]. Социальная травма модифицирует отношения с пациентами, руководством, а профессиональные действия врачей все более приобретают защитный характер, негативно влияющий на лечебный процесс: растет неудовлетворенность своей работой, условиями труда, снижается адекватная оценка своей профессиональной деятельности, способность эмоционально реагировать на происходящее и принимать логически обоснованные решения. Подобная экстремальность профессиональной ситуации приводит к тому, что формируются негативные изменения в структуре личностных характеристик медицинских работников и их социального самочувствия в целом.

Профессия врача, относящаяся к социальным профессиям («Человек – Человек»), подвержена высокому риску возникновения синдрома выгорания, который рассматривается в качестве реакции на череду стрессов, полученных на работе, что включает эмоциональное истощение, деперсонализацию, нивелирование профессиональных достижений. Формирование этого синдрома увеличивает у медицинских работников риск сердечно-сосудистых заболеваний, развития психосоматических нарушений, появления психопатологических симптомов; может проявляться посредством неудовлетворенности результатами собственной деятельности, снижения дисциплины и производительности труда медицинских работников, роста частоты медицинских ошибок, повышения аварийности и травматизма, дисбаланса между усилиями и социальными наградами, устойчивой деструктивной реакции на стресс.

Таким образом, новизна осуществленного исследования состоит в обосновании применения концепта социальной травмы к профессиональной группе врачей. Цель работы состояла в выявлении факторов социальной травматизации врачей. Данная цель была конкретизирована в следующих задачах: обосновать специфику актуализации концепта социальной травмы на примере профессиональной группы врачей; провести ранжирование выявленных факторов социальной травматизации; определить причины формирования данных факторов.

Для определения социально травмирующих факторов профессиональной деятельности врача было проведено качественное социологическое исследование с использованием метода глубинного интервью. Был разработан гайд, состоящий из шести блоков вопросов: рефлексия профессиональной деятельности; эмоциональный фон профессиональной деятельности; взаимоотношения с коллегами; социальные аспекты профессиональной деятельности вра-

ча; модернизация системы медицины и здравоохранения; социально-демографические характеристики респондентов. Тексты интервью были подвергнуты контент-анализу. Уровень профессионального выгорания врачей определялся с помощью опросника MBI (Maslach Burnout Inventory) в адаптации Н. Е. Водопьяновой. Эмпирическую базу исследования составили 35 врачей (10 мужчин и 25 женщин) различных специальностей, возраст интервьюируемых – от 25 до 73 лет.

На основании анализа текстов глубинных интервью было выделено 11 социально травмирующих факторов профессиональной деятельности врачей. Рассмотрим их подробно в порядке убывания значимости влияния на формирование социальной травмы у опрошенных врачей.

Высокая эмоциональная нагрузка от взаимодействий с пациентами. Основная цель деятельности врача – лечение людей, недуг для которых выступает причиной не только болезненного состояния, но и дезадаптации, поведенческих и психологических изменений. Общение с пациентами проходит не всегда гладко и порой приводит к появлению у врача чувства раздражения, нетерпимости по отношению к больным.

Люди не всегда все понимают. Приходится объяснять несколько раз. Люди, которые платят много, хотят постоянно быть на связи. Они дома постоянно пишут и звонят. От этого бесконечного общения устаешь (стоматолог, стаж 4 года, муж.).

Пациенты приходят с разным настроением, с разными проблемами. Зачастую эти ситуации врачи принимают близко к сердцу, что провоцирует состояния угнетенности и депрессии. Появляется необходимость сдерживать себя, что приводит к «обезличенным клиническим случаям», безразличию и черствости.

Анестезиолог, у него умерла мама, я приехал поддержать на похороны... Лицо изменилось, мимики нет, он безжизненный... А он говорит: «Ты знаешь, я вот не могу поплакать даже». Потому что он черствый стал. Поэтому все врачи бесчувственные (челюстно-лицевой хирург, стаж 15 лет, муж.).

Требование оказания высокопрофессиональной помощи. В 2015 г. Минздрав РФ установил новые нормы приема больных в поликлинике, существенно сократив время приема пациентов врачами ряда специальностей. В отведенное время врач должен не только выслушать жалобы, провести осмотр пациента, дать ряд рекомендаций по обследованию и лечению, но и заполнить все необходимые документы.

Раньше я больше принимал людей, но на мне было гораздо меньше бумажной нагрузки. Сейчас... 95% времени у врачей уходит на документацию. Ты должен просто правильно ее заполнить, неважно, как ты вылечишь... Не нормально – 15-минутный прием (челюстно-лицевой хирург, стаж 15 лет, муж.).

Введенные стандарты обязали врачей работать в определенных рамках, отчего места творческому подходу, дивергентному мышлению не осталось.

Мы работаем по стандартам. В этом вся проблема. Мы перестаем думать. Вот у нас есть стандарты: человек приехал, мы должны оказать определенный спектр услуг и ни одной больше (хирург, стаж 3 года, муж.).

Сервисизация общества. Согласно концепции «конца трудового общества» на смену промышленному приходят новые общества, в которых большая роль уделяется сервисному типу труда. И главным классом постиндустриального общества, определяющим характер и тип социальных отношений, является сервисный класс [10, с. 34]. Сегодня представители традиционных профессий (врачи, учителя, юристы и др.) вынуждены выстраивать клиентоориентированные отношения, предполагающие формирование позитивных впечатлений. Благодаря социальным сетям и широкому их распространению медицинская деятельность стала публичной, сформировался новый тип отношений врача и пациента. Сейчас от врача требуется формирование личного бренда в социальных сетях.

Единственная сложность в работе – это когда ты пытаешься себя раскручивать, как бренд врача... через инстаграм... Ты сейчас дистанционно должна доказывать пациенту, что ты хороший врач. Через социальные сети. Это не всегда то, чем хочется заниматься. Хочется читать статьи, смотреть лекции. А тебе приходится писать и снимать сторис (гинеколог, стаж 4 года, жен.).

Согласно Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинская деятельность приравнивается к понятию «медицинская услуга». Такой подход не может считаться нормальным для врачебного сообщества. Особенно остро это ощущается в платной медицине, когда специалист при построении плана лечения вынужден постоянно оглядываться на пациента.

Пациент может с ноги открыть дверь, и сострадание пропадает, и желание заканчивается (педиатр, стаж 16 лет, жен.).

Уровень управленческой культуры. Нередкими являются случаи, когда руководитель

медицинского учреждения сосредоточивается не на решении профессиональных медицинских проблем, а исключительно на организационной и экономической составляющей. Респонденты отмечают формальное, некорректное отношение руководства к врачам, что вызывает недовольство, нежелание ходить на работу и др. Такие противоречия могут породить конфликты и другие формы несогласия.

А вот отношение со стороны администрации... Всегда есть какое-то ожидание подвоха. Ты вроде идешь и ожидаешь, что все будет нормально, но потом прилетает какой-нибудь «сюрприз» (нейрохирург, стаж 4 года, муж.).

Когда руководитель – диктатор, для меня это является травмирующим фактором, я принимаю решение и ухожу (эндокринолог, стаж 10 лет, жен.).

Режим труда. Для категории медицинских работников установлена сокращенная продолжительность рабочего времени – не более 39 часов в неделю. Интервьюируемые отмечают тяжелые условия труда врачей, обусловленные нехваткой кадров. Им приходится постоянно перерабатывать, завершать свой рабочий день позже положенного времени.

Я одна на приеме, никто не нормирует нагрузку. В течение 5 минут 5 человек закатили на каталках, нужно выбрать самого тяжелого, чтобы им заняться. Стресс постоянный (хирург, стаж 20 лет, жен.).

Работы, несмотря на все производимые модернизации, меньше не становится, становится все сложнее и сложнее. Удовольствия от своей работы становится все меньше и меньше. Именно ввиду загруженности (нейрохирург, стаж 4 года, муж.).

Режим отдыха. У врачей и младшего медицинского персонала, как показывает практика, периодически значительно сокращается время отдыха. Например, в период пандемии коронавирусной инфекции многих врачей заставляли находиться в «красной» зоне в течение 16 часов. Но такое происходило и до пандемии: «...известны такие случаи. 12-часовой день был распространенным явлением» [11]. Интервьюируемые говорили, что ввиду высокой занятости им не удается уделять достаточного количества времени своей семье.

Когда у врача заканчивается рабочий день, почему-то есть еще десяток пациентов, которые хотят, чтобы он к ним пришел, и их не волнует, что у него закончился рабочий день (педиатр, стаж 16 лет, жен.).

Возрастание ответственности за выполнение профессиональных стандартов. Сегодня мы можем наблюдать, что оценку деятель-

ности врачей производит не профессиональное сообщество, а сами пациенты и общество в целом [12, с. 4–5]. Вопросы ответственности медицинского персонала за ненадлежащее оказание медицинских услуг, причинившее вред здоровью или повлекшее смерть человека, вызывают все больший резонанс в современном российском обществе. Т. В. Семина утверждает, что пациенты и их родственники подчас не учитывают, что профессия врача экстремально сложная и не всегда предсказуемая: «Учеными всего мира признается, что, несмотря на успехи медицины, безошибочная работа врачей в принципе является невозможной» [13].

Если раньше врачи говорили: «Давайте попробуем, но я не гарантирую ничего», – в большинстве случаев это были положительные исходы. Сейчас врач на такое ни за что не решится. Если что, начнется написание жалоб. И этого никто не хочет (оториноларинголог, стаж 2 года, муж.).

Врачи работают так, чтобы не загреметь в суд (неонатолог, стаж 29 лет, жен.).

Ограничение открытости и публичности профессиональной деятельности. Иллюстрацией этого фактора может служить запрет в октябре 2020 г. Министерства здравоохранения публично высказываться врачам о коронавирусе. Само по себе это распоряжение вызывает панику, оно как бы обличает тот факт, что в системе здравоохранения существуют какие-то явные проблемы, выявленные в условиях пандемии. В то же время одна из функций Минздрава заключается в пропагандистской и профилактической работе, которая носит информационный характер, и информация должна быть открытой, честной и достоверной. Кроме того, сама профессия врача имеет очень специфический характер, сложный для понимания другими людьми, не связанными с данной профессией, поэтому обсуждать те или иные факты рабочей сферы врачи могут только в рамках своей профессиональной группы.

В отделении у 4 врачей была подтвержденная инфекция, но нам сказали класть пациентов... люди начали уходить на больничный один за другим, и в течение недели количество работающих врачей сократилось с шести до одного... Нам Минздрав запретил комментировать эту ситуацию... (нейрохирург, стаж 4 года, муж.).

Оплата труда. Несмотря на то что врачей беспокоит оплата труда, анализ глубинных интервью показал, что данный фактор занял лишь восьмое место по значимости для респондентов. В частных клиниках эта проблема реже беспокоит врачей, а в государственных она почти по-

всеместна. Особенно остро проблема зарплаты обозначилась тогда, когда в ходе модернизации системы здравоохранения произошло сокращение кадров и, соответственно, нагрузка на врачей значительно увеличилась. По данным Росстата, за период с 2000 по 2019 г. число больниц уменьшилось с 10,7 тыс. до 5,2 тыс. [14]. Врачи «бегут от низких зарплат и переработок» [15]. По имеющимся данным, с начала 2013 по конец 2019 г. количество младших медработников сократилось до 265 тыс. чел., среднего персонала – до 1,314 млн чел., врачей – до 704 тыс. чел. (на 2%) [14].

Вот некоторые высказывания респондентов на тему заработной платы:

Ты никому не нужен... нет никакой благодарности со стороны системы здравоохранения, которую они разрушили. Ты идешь с благой целью во врачи, а в итоге тебе приходится выживать (педиатр, стаж 6 лет, муж.);

Только в худшую сторону все изменилось... низкая зарплата, нищенская даже... (терапевт, стаж 32 года, муж.).

Уровень подготовки медицинского персонала. Фактором травматизации стала и модернизация системы подготовки врачей. Врачи старшего поколения неоднократно подчеркивали, что сейчас квалификация молодых специалистов намного ниже квалификации врачей, которые выпускались из медицинских вузов ранее. Это осознается и самими молодыми медработниками. К примеру, врач-гинеколог для получения качественного образования и повышения квалификации уехала учиться в США:

У меня была такая ситуация, когда я закончила обучение. Я поняла, что у нас нет ни денег, ни правильного подхода к науке, и вот тогда я захотела попробовать уехать по гранту в США и сделать классную научную карьеру (гинеколог, стаж 4 года, жен.).

В современной российской системе высшего медицинского образования формы реализации включенного обучения студентов малоэффективны, вузы мало поддерживают студенческие инициативы и новации. Формируется своеобразный замкнутый круг – медицина преподается в вузах по старинке, по окончании обучения на работу выходят неграмотные специалисты, из-за чего государство вынуждено вводить стандарты, по которым эти «специалисты» смогут хоть как-то работать.

Оптимизация загнала врача в определенные рамки. У него нет личного мнения. Принципы лечения не всегда верные, но корректировать ты их не имеешь права. Но они, наверное, это делают потому, что у нас очень большой

процент врачей необразованных. Люди учатся по книжкам 80–90-х годов (оториноларинголог, стаж 2 года, муж.).

Режим безопасности труда. Данный фактор может раскрываться по-разному. Одним из ярких примеров послужило указание Минздрава России в апреле 2020 г. об экономии средств индивидуальной защиты врачей, ограничении числа медработников, находящихся в контакте с пациентами, и минимизации количества их входов в палату, что способствовало формированию негативного отношения и к врачам, и к системе здравоохранения в целом.

С другой стороны, безопасность труда может нарушаться пациентами, когда те ведут себя в отношении врача неподобающим образом. В 2019 г. были внесены изменения в статью Уголовного кодекса, предусматривающую наказание за нападение на медицинского работника, в Кодексе об административных правонарушениях и Уголовном кодексе появилась статья «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи». Особенно распространены такие случаи в государственных медицинских учреждениях, которые работают в круглосуточном режиме. Врачи отмечают, что часто именно в ночное время в больницы поступают люди, получившие травму по причине девиантного поведения.

...Выпустить агрессию, они вечно недовольны, пытаются драться (челюстно-лицевой хирург, стаж 15 лет, муж.).

Кроме того, безопасность работы врача может нарушаться и в связи с производственными факторами, связанными со сложным оборудованием. Это приводит к формированию тревожных, стрессовых состояний, которые снижают продуктивность работы.

Мы работаем на опасном оборудовании, у нас источники ионизирующего излучения, могут быть и радиационные аварии, нужно постоянно находиться в напряжении, чтобы ничего не произошло (онколог-радиолог, стаж 24 года, муж.).

Осуществленный анализ публикаций по проблеме, серия глубинных интервью и опрос позволяют сделать следующие выводы. Процессы неолиберального реформирования социального института медицины приводят не только к развитию профессиональных деформаций личности и изменению структуры деятельности врача, но и к возникновению социальной травмы в профессиональном сообществе врачей. Эти процессы, полагал П. Штомпка, являются частным случаем в ряду современных социальных изменений, содержащих травмирующий эффект, т.е. они связаны с разрушением тради-

ционной социальной среды, эрозией нормативно-ценностных оснований социальной жизни и со сложностями в социальном самоопределении индивидов и социальных групп.

Социальная травматизация профессиональной группы врачей имеет различную степень и глубину выраженности в зависимости от опыта врача и стажа его работы, его специализации и места работы. Влиянию перечисленных ранее факторов в меньшей степени подвержены молодые врачи, которые еще не отягощены устоявшимися профессиональными принципами и правилами. Поэтому нововведения, связанные с реформированием системы здравоохранения, разрушительны для них в меньшей степени.

Стремительный, насильственный характер изменений вынуждает человека приспособляться к новым условиям, радикально отличающимся от предшествующих форм социальной жизни. Описанная ситуация нашла отражение в выработке у представителей российского врачебного сообщества различных адаптивных механизмов, которые позволяют специалистам оставаться в профессии, преодолевать затруднения в работе, получать удовлетворение от нее. Такими механизмами могут выступать: стратегия «ухода», дистанцирования, «постановка стены», рационализация и самоанализ, позитивный настрой и принятие ситуации, организация досуга, общение с семьей и коллегами, нахождение дополнительных источников заработка, повышение квалификации и др.

На основании вышеизложенного можно с уверенностью утверждать, что реформирование системы российского здравоохранения привело врачей к необходимости «вписываться» в новые требования, когда устоявшиеся морально-нравственные нормы деформируются, а выполнение своих профессиональных обязанностей редуцируется. Подобная адаптация к «инновациям» привела к преобразованиям в социальной структуре, разрушению предыдущих ценностей и правил, падению уровня жизни, формированию у профессионального врачебного сообщества социальной травмы.

Список литературы

1. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
2. Neal A. G. National Trauma and Collective Memory: Major Events in the American Century. Armonk, N.Y. : M. E. Sharpe, 1998. 224 p.
3. Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 1. С. 121–138.
4. Smelser N. J. Psychological trauma and cultural trauma // Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N. J., Sztompka P. Cultural trauma and collective identity. Berkeley : University of California Press, 2004. P. 31–59.
5. Тоценко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией. М. : Весь мир, 2020. 352 с.
6. Масалков И. К. Социальные патологии: клинический подход к миру повседневной реальности // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. Т. 11, № 17. С. 85–93. <https://doi.org/10.19181/inter.2019.17.7>
7. Шутценбергер А. А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2005. 256 с.
8. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
9. Насколько реформа здравоохранения в России повлияла на борьбу с коронавирусом // Телеканал «Настоящее Время». URL: <https://www.currenttime.tv/a/vrachi-optimizacia-russia-koronavirus/30560657.html> (дата обращения: 22.08.2021).
10. Полякова Н. Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 29–46.
11. Спасение спасающих: режим работы врачей в «красной зоне» пересмотрят // Интернет-новости МИЦ «Известия». 2020. URL: <https://iz.ru/1058482/pavelpanov-ekaterina-iasakova/spasenie-spasaiushchikh-rezhim-raboty-vrachei-v-krasnoi-zone-peresmotriat> (дата обращения: 22.08.2021).
12. Васкес Абанто Х. Э., Васкес Абанто А. Э. Качество медицинской помощи и стандарты сегодня // Проблемы стандартизации и здравоохранения. 2018. № 1–2. С. 3–8. <https://doi.org/10.26347/1607-2502201801-02003-008>
13. Семина Т. В. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния врача. URL: https://racvs.ru/events/archive/xxv_vserossiyskiy_sezd_serdechno_sosudistykh_khirurgov/obosnovanny_risk_kak_obstoyatelstvo_isklyuchayushchee_prestupnost_deyaniya_vracha (дата обращения: 22.08.2021).
14. Федеральная служба государственной статистики. Здравоохранение. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/cGrsODXX/zdr1-1.xls> (дата обращения: 22.08.2021).
15. Массовый отток: почему врачи бегут из больниц // Газета.Ru (Gazeta.Ru). URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/10/31/12787004.shtml> (дата обращения: 20.04.2021).

Поступила в редакцию 28.07.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 28.07.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 408–412

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 408–412

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-408-412>, EDN: MEHCRO

Научная статья

УДК 316.44

Трудности вхождения иностранных студентов в образовательную среду вузов России (на примере Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского)

М. В. Калининкова[✉], И. Г. Малинский, А. А. Минин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Калининкова Марина Викторовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии регионов, kalinnikova1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>

Малинский Игорь Герикович, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной информатики, mig@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4019-8109>

Минин Александр Анатольевич, аспирант кафедры социологии регионов, semsans4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6141-0386>

Аннотация. В статье показано, как Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, будучи участником правительственной образовательной программы «Приоритет-2030», работает над повышением привлекательности и конкурентоспособности российского высшего образования на международном рынке образовательных услуг. На примере иностранных студентов – граждан Туркменистана – изучены трудности, с которыми встречаются молодые туркмены при обучении в вузе. Эмпирическую базу данной статьи составили интервью с гражданами Туркменистана проходящими обучение на 3-м курсе Саратовского государственного университета в 2021–2022 гг. Выбор респондентов определялся тем фактором, что Туркменистан по количеству приезжающих студентов в СГУ имени Н. Г. Чернышевского занимает главенствующие позиции уже не первый год. Было проведено девять глубинных интервью. Рекрутинг информантов осуществлялся «методом снежного кома». В ходе исследования при анализе трудностей, имеющим место при вхождении студентов Туркменистана в образовательную среду СГУ, были выделены три ключевых дискурса: учебно-познавательный, социокультурный, психофизиологический. В заключение сделан вывод о том, что главная проблема, с которой сталкивается молодой туркмен при поступлении в российский вуз, – это материальные трудности, например задержка в переводе денег от родителей, недостаточное количество получаемых денег, а следовательно, необходимость подработки для обеспечения прожиточного минимума. Данное обстоятельство сказывается на посещении занятий и мешает языковой подготовке, получению знаний по специальности. Другая значимая трудностью в учебе для студентов-туркменов – отсутствие доверительного общения и помощи со стороны местных студентов из группы, а также психологической помощи и поддержки преподавателя.

Ключевые слова: высшее образование, иностранные студенты, образовательная среда вуза, трудности, граждане Туркменистана

Для цитирования: Калининкова М. В., Малинский И. Г., Минин А. А. Трудности вхождения иностранных студентов в образовательную среду вузов России (на примере Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 408–412. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-408-412>, EDN: MEHCRO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The difficulties foreign students experience upon entering educational environment of Russian Universities (On the example of Saratov State University)

M. V. Kalinnikova[✉], I. G. Malinsky, A. A. Minin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Marina V. Kalinnikova, kalinnikova1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>

Igor G. Malinsky, mig@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4019-8109>

Aleksandr A. Minin, semsans4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6141-0386>

Abstract. The article shows how Saratov State University, being a participant of the government educational program “Priority-2030”, works to increase the attractiveness and competitiveness of Russian higher education in the international market of educational services. Using the

example of foreign students – citizens of Turkmenistan, the difficulties encountered by foreign students -young Turkmen are studied. The empirical basis of the article presents the interviews with the 3rd year students from Turkmenistan at Saratov State University in 2021–2022. The choice of respondents was determined by the fact that Turkmenistan occupies the first place in terms of the number of students coming to Saratov State University for more than a year. Nine in-depth interviews were conducted. The recruitment of informants was carried out by the “snowball method”. Analyzing the difficulties Turkmenistan students experience upon entering educational environment of the SSU three key discourses were identified: educational and cognitive, socio-cultural, and psychophysiological. It is concluded that the main problem that a young Turkman faces when entering a university is financial difficulties, for example, a delay in transferring money from parents, not enough money received, and therefore the need for part-time work to ensure a living wage. This circumstance affects the attendance of classes and interferes with language training, obtaining professional knowledge. Another significant difficulty for Turkmen students is the lack of trusting communication and assistance from local group mates as well as in obtaining psychological support and assistance from the teaching staff.

Keywords: educational environment, foreign students, educational environment of the university, difficulties, citizens of Turkmenistan

For citation: Kalinnikova M. V., Malinsky I. G., Minin A. A. The difficulties foreign students experience upon entering educational environment of Russian Universities (On the example of Saratov State University). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 408–412 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-408-412>, EDN: MEHCRO

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 2013 г. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (далее – СГУ) стал участником правительственной образовательной программы «Приоритет-2030», что позволит ему в ближайшем будущем стать одним из центров научно-технологического и социально-экономического развития страны. К числу приоритетных задач программы, поставленных Правительством РФ перед вузами-участниками, относится повышение привлекательности и конкурентоспособности российского высшего образования на международном рынке образовательных услуг. Начало данному процессу было положено в 2003 г., когда Россия подписала Болонскую декларацию, создав тем самым благоприятную образовательную среду для привлечения иностранных абитуриентов в вузы страны. Общий рамочный подход, проводимый в европейском и национальном контекстах, стал основой для российского высшего образования [1, с. 34]. По состоянию на 2020 г. в вузах России обучались около 250 тысяч иностранных граждан по программам бакалавриата и специалитета, 68 418 из них были зачислены на первый курс, при этом в государственных вузах Саратовской области получали высшее образование 3058 иностранных граждан, 683 из них были зачислены на первый курс программ бакалавриата и специалитета [2]. Выбор российских вузов, по данным средств массовой информации [3], был обусловлен невысокой стоимостью обучения (особенно в вузах регионального уровня), квотированием бюджетных мест для иностранных граждан, предоставлением комфортного жилья в общежитиях, мировой модой на получение образования за рубежом. Чтобы сделать высшее образование в России более привлекательным для иностранных абитуриентов, в стране реализуется проект «Экспорт рос-

сийского образования». Однако по-прежнему интернационализация остается ключевым вопросом повестки дня на национальном, региональном и глобальном системном уровне [4, с. 8].

Студенты из развивающихся стран приезжают на учебу в университеты, имеющие хорошую репутацию. Наиболее востребовано образование в российских вузах у абитуриентов из стран СНГ и Азии. Все большее количество иностранцев выбирают не только университеты Москвы и Санкт-Петербурга, но и других российских городов, среди которых и Саратовская область [5]. СГУ является лидером по числу иностранных студентов в Саратовской области – здесь обучаются свыше 1200 иностранных студентов из 39 стран. Однако в 2021 г. численность иностранцев, принятых на первый курс в государственные вузы Саратовской области, сократилась практически вдвое [6, с. 105]. Данное обстоятельство имеет глубокие экономические, социально-политические, а также национально-религиозные корни. Поэтому изучение процесса вхождения иностранных студентов в образовательную среду региона является весьма актуальным направлением исследований социологии, позволяющим повысить социально-экономический потенциал Саратовской области.

Цель данной статьи – выявление трудностей вхождения иностранных студентов в образовательную среду вузов России на примере Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Теоретическим анализом проблемы послужило представление о высшем образовании как об открытой, самообучающейся системе, которая включает в себя комплекс знаний, умений и навыков, позволяющих решать теоретические и практические задачи по направлению подго-

товки. В настоящее время образовательная среда СГУ нацелена на развитие личностных качеств всех студентов (в том числе иностранных), формирование их деятельностных характеристик, на удовлетворение профессиональных запросов и соотносена с требованиями федеральных образовательных стандартов [7, с. 126].

В работе были использованы системный и комплексный подходы, сравнительный анализ соответствующих нормативно-правовых документов [8, с. 66], а также российский опыт создания целостной системы высшего образования, ориентированной на результаты обучения и получения необходимых компетенций, которые понимаются очень широко и обеспечивают возможность градации знаний, умений и навыков [9, с. 16].

Эмпирическую базу данной статьи составили интервью с гражданами Туркменистана, проходившими обучение на 3-м курсе СГУ в 2021–2022 уч. г. При выборе респондентов немаловажным фактором являлось то, что Туркменистан по количеству приезжающих студентов в СГУ имени Н. Г. Чернышевского занимает главенствующие позиции уже не первый год. Было проведено девять глубинных интервью (3 женщины, 6 мужчин, возраст – 20–21 год). Рекрутинг информантов осуществлялся методом «снежного кома» – с помощью друзей и знакомых исследователей. Данный метод представляется наиболее подходящим, так как иностранные студенты стеснены знанием языка и не доверяют исследователю, а, как известно, доверие – важнейший аспект любой формы исследования, в котором участвуют люди. Целью интервьюирования являлось выявление трудностей вхождения в образовательную среду среди иностранных студентов.

При анализе трудностей, имеющим место при вхождении студентов Туркменистана в образовательную среду СГУ, были выделены три ключевых дискурса: учебно-познавательный, социокультурный, психофизиологический.

1. Учебно-познавательные трудности.

Несомненно, учебно-познавательные трудности связаны с недостаточной языковой подготовкой и необходимостью быстрого включения в образовательный процесс, различиями в системах образования России и Туркменистана.

По нашим данным, у туркменских студентов доминируют самокритические подходы:

Не понимал лекции. Слишком быстро говорили (муж., 21 год).

Не получалось писать лекции (муж., 20 лет).

В первый год обучения было много непонятого в лекциях, так как было мало знакомых слов (жен., 20 лет).

Данная проблема обусловлена недостаточным знанием русского языка и словарным запасом по научной терминологии. Продолжительная практика должна исправить эту трудность, поэтому иностранным студентам необходимо посещать все занятия и по возможности развиваться во внеучебное время, больше читать русскоязычной литературы, посещать кино и театры и др.

2. Социокультурные трудности.

Сплочения с русскими студентами было почти невозможно для всех иностранных студентов, так как было мало словарного запаса (жен., 21 год).

Русские студенты любят общаться, но первые сами не подойдут (муж., 20 лет).

Но были респонденты с совершенно другим взглядом:

Общение – хорошее. Общаюсь с русскими ребятами из общежития каждый день (муж., 21 год).

Имею друзей из местного населения, общаюсь несколько раз в день (муж., 21 год).

В исследовании было выявлено, что в процессе учебной адаптации для туркмен важна возможность дружески общаться со студентами – носителями языка, рассчитывать на их помощь. При этом девушки испытывают большие трудности при поиске друзей, у них дружеское общение чаще всего ограничивается «минимум раз в день» или они вообще находятся в стадии «поиска друзей».

Исходя из полученных данных, можно предположить, что часть русских студентов открыта к общению с туркменами, другие же не готовы делать шаги первыми, хотя и открыты к общению. Видимо, эти трудности связаны с преодолением языковых ограничений при решении коммуникативных задач с сокурсниками, а также с руководством и преподавателями вуза [10, с. 284].

Исследователи А. В. Погукаева, Л. Н. Коберник и Е. Л. Омелянчук выявили ряд факторов, влияющих на учебную адаптацию студентов. Так, по их мнению, важную роль для сплочения группы, получения психологической помощи и лучшего контакта с преподавателем имеют ее численность (не более 10 человек) и интернациональный состав (до 50% русскоязычных студентов) [11]. Чем больше иностранные студенты общаются с русскими, тем быстрее идет процесс адаптации туркмен к жизни в стране, учебе и местной культуре.

3. Психофизиологические трудности.

Психофизиологические трудности связаны с изменениями бытовых условий, таких как место жительства, сменой денежного обращения, климата и часовых поясов, а также психоэмоциональными нагрузками и стрессами [10, с. 286].

Трудность – расплатиться со знакомым, который помогал мне поступить, оформить приглашение, добраться до Саратова. Быть должником вызывало у меня тяжесть на душе и совести было не приятно. Повезло найти работу на автомойке и расплатится с ним (муж., 20 лет).

Материальные трудности возникли уже при поступлении. После зачисления надо было погасить оплату за 1 семестр обучения в течение 20 дней. Для погашения оплаты за обучение сначала нужно заказать справки из деканата и бухгалтерии с гербовой печатью. Подготовка этих справок занимает 7–10 дней. Затем сканы документов нужно отправить на электронный адрес вуза, чтобы вуз отправил наши документы на электронный адрес туркменского банка. В этом банке наши родители будут занимать очередь для того, чтобы оплатить наше обучение. После оплаты нужно ждать очень долго, от 1 до 6 месяцев (муж., 20 лет).

Родители не могут присылать деньги по Вестерн Юнион. Нужно соблюсти критерии отправителя. Отправитель должен иметь официальный доход, и место постоянного проживания должно совпадать. Родители кладут деньги на наши валютные банковские карты, в которых установлены ежемесячные лимиты снятия наличных, не превышающий на данный момент 1500 рублей в месяц (жен., 20 лет).

Выяснилось, что материальные трудности являются главной проблемой иностранных студентов из Туркменистана в связи с вышеописанными в интервью особенностями обеспечения денежными средствами студентов. Именно эти трудности сказываются на их посещаемости занятий.

Исследователь С. В. Уставщикова опубликовала данные, по которым каждый проживающий в Саратове иностранный студент в 2020 г. нес расходы на обустройство, проживание в общежитии и на квартире, покупку вещей и питание в сумме 120–360 тыс. руб. При этом отдельной строкой идут расходы на получение образования, так как большинство иностранных студентов обучаются на коммерческой основе [6, с. 107].

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что главная проблема, с которой сталкивается молодой туркмен при поступлении в российский вуз, – это материальные трудности, например задержка в переводе денег от родителей, недостаточное количество получаемых денег, а следовательно, необходимость подработки для обеспечения прожиточного минимума. Данное обстоятельство сказывается на посещении занятий и мешает языковой подготовке, получению знаний по специальности.

Другой значимой трудностью в учебе для студентов-туркменов является отсутствие доверительного общения и помощи со стороны местных студентов из группы, а также психологической помощи и поддержки преподавателя.

Для успешного преодоления данных трудностей и успешного включения в образовательную среду вуза иностранный студент должен иметь желание учиться и получать необходимые знания и умения, а также ему необходимо проявлять самодисциплину, целеустремленность и ответственность.

Список литературы

1. Караваева Е. В., Воробьева О. В., Тышкевич В. П. О разработке модели формирования исследовательских компетенций выпускников программ высшего образования // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 4. С. 33–47.
2. Сводные отчеты по форме ФСН № ВПО-1 на 2020–2021 учебный год // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 25.03.2022).
3. Мальхин М. С. Бизнес-образование. Студенты из Китая – вторые по численности иностранцы в российских вузах. URL: <http://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/08/11/604362-kitaiskie-studenti-rossiiskih-vuzah> (дата обращения: 04.12.2021).
4. Де Вит Х. Эволюция мировых концепций, тенденций и вызовов в интернационализации высшего образования // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 8–34.
5. Рекордное количество иностранных студентов выбрали Россию в 2020 году. URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/rekordnoe-kolichestvo-inostrannykh-studentov-vybrali-rossiyu-v-2020-godu/> (дата обращения: 25.03.2021).
6. Уставщикова С. В. Иностранные студенты в России: образовательные мигранты или потенциальные постоянные жители // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Науки о Земле. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 104–108. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2020-20-2-104-108>

7. Голубева Н. М., Голованова А. А. Факторы адаптации студентов к образовательной среде вуза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 2. С. 125–131. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2014-3-2-125-130>
8. Минин А. А. Анализ нормативно-правовых актов, гарантирующих права, свободу и социальную защиту иностранных студентов в вузах Саратовской области // Регион глазами студентов : межвуз. сб. науч. работ студентов / под ред. Н. В. Шахматовой, И. А. Бегининой. Саратов : Саратовский источник, 2021. Вып. 21. С. 66–69.
9. Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования / отв. ред. Е. В. Караева. М. : Геоинфо, 2018. 240 с.
10. Кривцова И. О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н. Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. 2011. № 8 (ч. 2). С. 284–288.
11. Погукаева А. В., Коберник Л. Н., Омелянчук Е. Л. Адаптация иностранных студентов в российском вузе // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24651> (дата обращения: 18.05.2022).

Поступила в редакцию 19.08.2022; одобрена после рецензирования 24.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 19.08.2022; approved after reviewing 24.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

Научная статья

УДК 311.216+311.42

Разработка алгоритма для сбора социологических данных из онлайн-сообществ университетов в социальной сети ВКонтакте

А. А. Фомин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Фомин Андрей Анатольевич, заведующий лабораторией социологических исследований и информатики кафедры социальной информатики, Fominaa@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1075-2962>

Аннотация. В статье представлены данные исследования онлайн-сообществ Саратовского государственного университета, которое проводилось на базе лаборатории социологических исследований и информатики в период с января по июнь 2022 г. В ходе исследования разработан алгоритм на языке Python для поиска онлайн-сообществ по определенным критериям, построен социальный граф, который в дальнейшем был преобразован с помощью алгоритма кластеризации. Полученные результаты исследования могут быть использованы для повышения узнаваемости вуза в социальных сетях, что повлияет на увеличение престижа вуза и привлечение в него большего числа абитуриентов.

Ключевые слова: социальные сети, сбор данных, алгоритм, онлайн-сообщества, ВКонтакте, университет

Для цитирования: Фомин А. А. Разработка алгоритма для сбора социологических данных из онлайн-сообществ университетов в социальной сети ВКонтакте // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 413–417. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-413-417>, EDN: MIGCQE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Development of the algorithm for collecting sociological data from universities' online communities in the social network VKontakte

A. A. Fomin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Andrey A. Fomin, Fominaa@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1075-2962>

Abstract. The article tells about the study of online communities at Saratov State University. In the course of the study, a Python algorithm was developed to search for online communities according to certain criteria and a social graph was built, which was further transformed using a clustering algorithm. The obtained results of the study can be used to increase the recognition of the university in social networks, which will raise the prestige of the university and attract more applicants.

Keywords: social networks, data collecting, algorithm, online communities, VKontakte, university

For citation: Fomin A. A. Development of the algorithm for collecting sociological data from universities' online communities in the social network VKontakte. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 413–417 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-413-417>, EDN: MIGCQE

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Развитие социальных сетей в последнее время открыло многим исследователям доступ к новой информации об интересах людей, в связи с этим большую популярность набирает такое направление, как анализ социальных сетей.

Анализ социальных сетей является междисциплинарной проблемой, в него входят социология, компьютерные науки, психология, дискретная математика. На данный момент не

существует общепринятого математического определения онлайн-сообщества. Часто под ним понимают группу узлов или группу людей, которые связаны внутри группы теснее между собой, чем со всем остальным миром [1].

Также анализ социальных сетей становится актуальным в связи с увеличением рынка образовательных услуг. Для этого вузам необходимо совершенствовать свои маркетинговые

коммуникации с целью привлечения аудитории. В настоящее время неотъемлемой частью деятельности современных высших образовательных учреждений является разработка собственных программ продвижения с использованием разнообразных средств маркетинговых коммуникаций. Грамотно используя коммуникационные инструменты с применением современных технологий, учебное заведение может не только добиться привлечения к себе большего количества потенциальных абитуриентов, но и расширить границы своей деятельности, что позволит ему выгодно отличаться от своих конкурентов. На данном этапе большинство вузов используют традиционные способы продвижения, такие как реклама, связи с общественностью, участие в выставках, проведение дней открытых дверей и др. Однако сегодня одним из приоритетных направлений работы маркетинговой деятельности в вузе становится продвижение образовательных услуг через интернет-каналы.

Для анализа социальных данных требуется специализированное программное обеспечение. Для сбора информации из различных онлайн-источников используются специализированные алгоритмы под названием «Парсеры». Парсер – это программа для сбора и систематизации информации, размещенной на различных онлайн-ресурсах, источником данных могут выступать как текстовая информация, так и медиа-данные (фото, аудио и видео). Часто под каждую задачу разрабатывается уникальный

алгоритм, который нацелен на решение узкого спектра задач исследования. С примерами разработанных нами алгоритмов можно ознакомиться на странице лаборатории социологических исследований и информатики (<https://www.sgu.ru/structure/sociological/structuresociological>).

Анализ социальной сети также можно рассматривать под углом исследования связанных структур пользователей и отношений между ними. В представленном исследовании объектами выступили онлайн-сообщества Саратовского государственного университета в социальной сети «ВКонтакте». Собранные данные были использованы для расчета математических характеристик, после чего визуализированы при построении социальных графов.

Для анализа связей онлайн-сообществ Саратовского государственного университета мы разработали алгоритм на языке Python для автоматического поиска сообществ. Также мы добавили в алгоритм критерии для фильтрации. В ходе исследования нами рассматривались только те сообщества, в которых более 50 участников и последняя запись на стене сообщества датировалась текущем годом, что говорило об активности и ведении модерации сообщества.

В ходе первого этапа исследования мы получили список из 119 сообществ и связи между этими сообществами, на основании чего смогли построить социальный граф со всеми связями между сообществами университета (рис. 1).

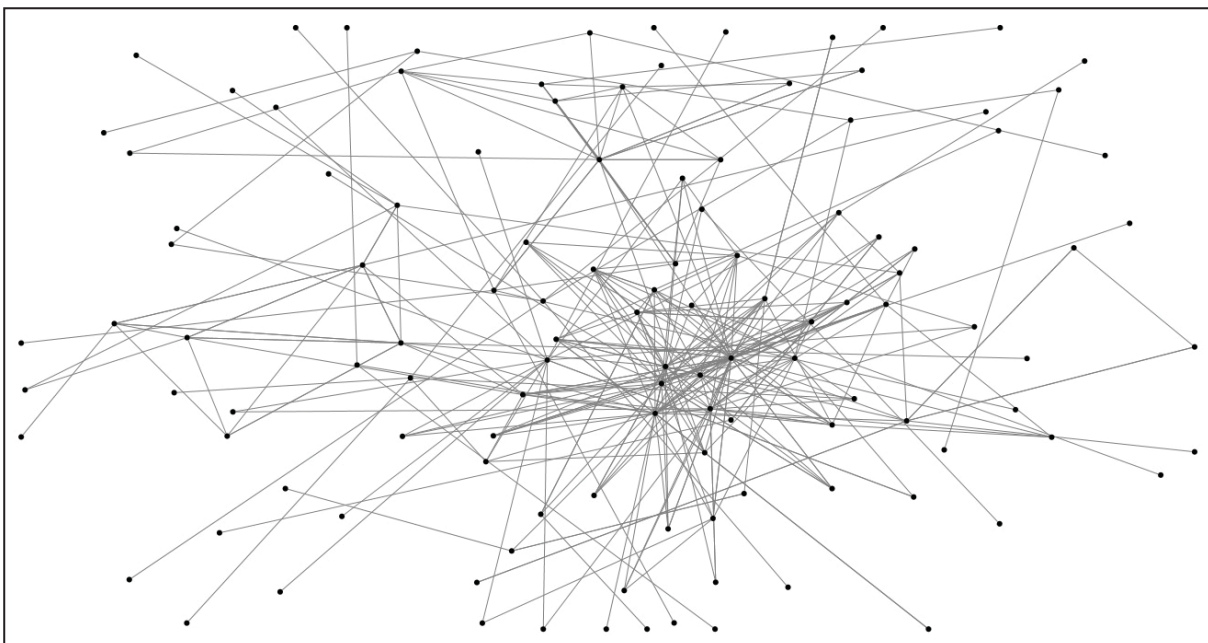

Рис. 1. Социальный граф онлайн-сообществ СГУ

Построив математическую модель представленного графа, можно сказать, что он имеет максимальный диаметр 7, что является наибольшим расстоянием между вершинами, однако среднее геодезическое равняется 3,6, что говорит о том, что внутри сети сообщества находятся друг от друга в среднем на расстоянии трех с половиной связей. Плотность представленного графа составляет всего 2%, что говорит о его слабой загруженности.

На следующем этапе нашего исследования необходимо было разбить представленный выше граф на сообщества, что было проведено при помощи алгоритма Клозета – Ньюмана – Мура. В результате произошло разбиение графа на части на основе плотности связей. При помощи данного алгоритма вычисляются связи между узлами, принадлежащими разным кластерам, и узлами одного кластера. Сообщество можно охарактеризовать как часть графа, в которой средняя плотность между узлами превышает плотность связей между остальными подграфами. Алгоритм Клозета – Ньюмана – Мура вычисляется по формуле

$$Q = \frac{1}{2m} \sum_{ij} (A_{ij} - \frac{d_i d_j}{2m}) \delta(C_i, C_j),$$

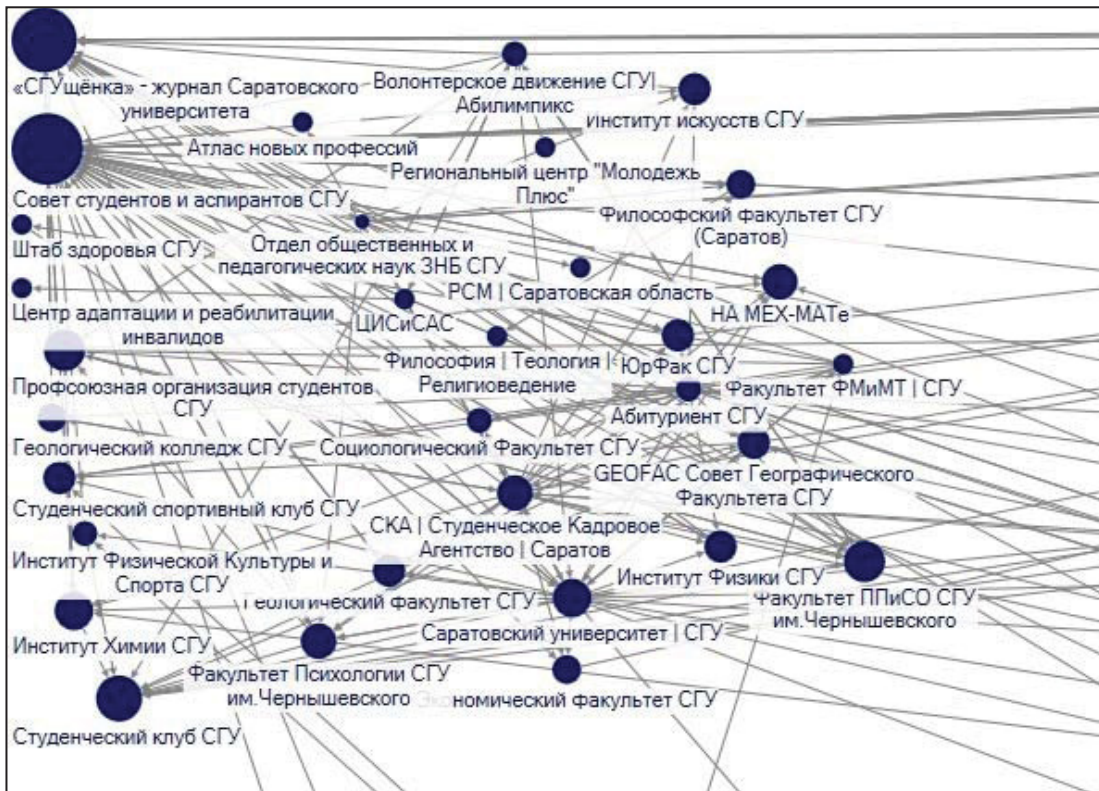
где A – матрица смежности графа, A_{ij} – (i, j) элемент матрицы, d_i – степень i вершины графа,

C_i – метка вершины (номер сообщества, к которому относится вершина), m – общее количество ребер в графе. $\delta(C_i, C_j)$ – дельта-функция: равна единице, если $C_i = C_j$, если иначе – нулю.

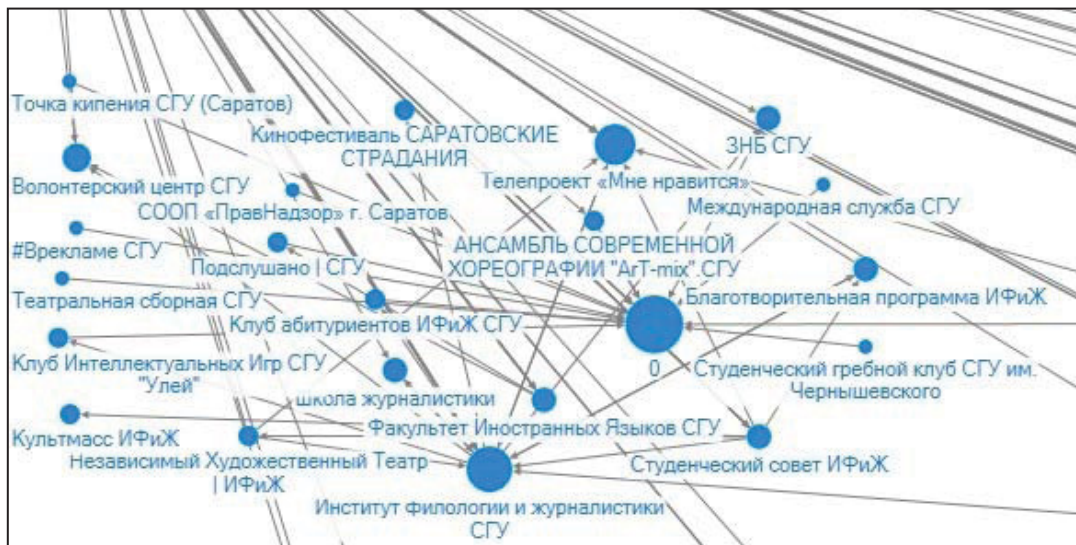
В результате нами были получены 11 кластеров:

1) в первый кластер вошли самые крупные сообщества и официальные сообщества факультетов и институтов. Данный кластер состоит из 32 вершин и 117 уникальных связей. Хотя доля взаимных связей внутри кластера равняется 0,157, что является достаточно низким показателем (рис. 2, а);

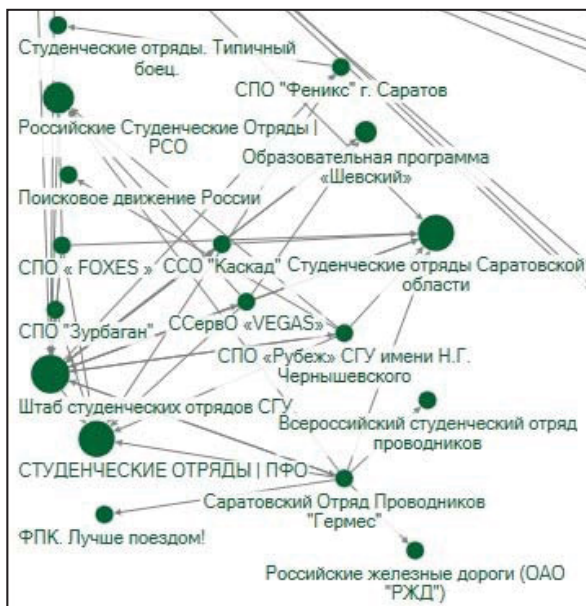
2) второй по величине кластер с 22 вершинами относится больше к внеучебной деятельности (рис. 2, б), хотя в него вошли официальные страницы Института филологии и журналистики и официальная страница факультета компьютерных наук и информационных технологий, что может быть связано с недавними изменениями адреса или названий сообществ. Также на рис. 2, б заметно крупное сообщество «0», которым мы обозначили отсутствие ссылок из сообществ. Размер данного «пустого» сообщества говорит о том, что среди сообществ СГУ много таких, которые получают только внешние ссылки на себя, но сами ни на кого не ссылаются;

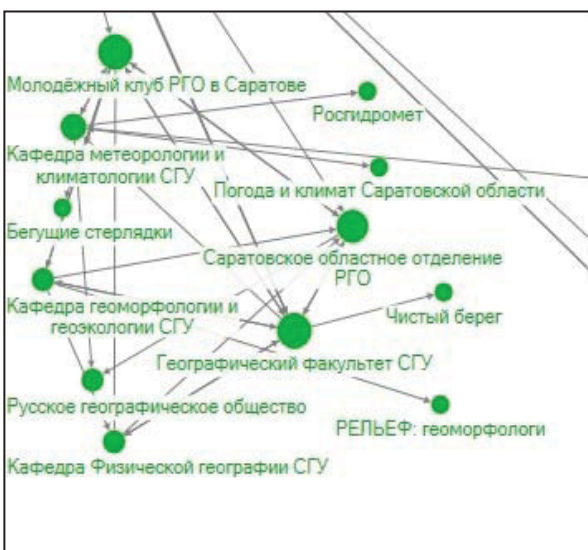
а

а

б

в

Рис. 2. Самые крупные кластеры онлайн-сообществ СГУ: а – официальные сообщества, б – внеучебная деятельность, в – студенческие отряды, г – географические сообщества (цвет online)

3) третий кластер представляет собой сбор сообществ, посвященных студенческим отрядам. Несмотря на наличие внутри данного кластера двух крупных сообществ: «Студенческие отряды ПФО» и «Штаб студенческих отрядов СГУ», доля взаимных связей внутри кластера достаточно низкая и равняется 0.188 (рис. 2, в);

4) четвертый кластер состоит из географических сообществ во главе с официальной страницей географического факультета. В данном кластере самый высокий уровень взаимных связей, равный 0,368 (рис. 2, г);

5) остальные кластеры имеют достаточно низкое количество вершин (в среднем 3) и в большинстве своем посвящены конкретному внеучебному направлению, например КВН, кино клуб и т. д.

В заключение можно подвести итоги. В ходе исследования нами был разработан алгоритм по поиску онлайн-сообществ в социальной сети «ВКонтакте», с помощью которого обнаружены 119 сообществ, удовлетворяющих нашим критериям. Диаметр полученной сети – 6 связей. Это означает, что кратчайший путь

между двумя наиболее удаленными сообществами состоит лишь из 6 связей. Плотность всей сети равна всего 2.2%. Данный критерий свидетельствует о том, что данная сеть является незагруженной, сообщества внутри сети крайне редко ссылаются друг на друга. По количеству входящих связей заметно выделяется сообщество «Совет студентов и аспирантов СГУ», также часто цитируются такие сообщества, как «СГУщётка – журнал Саратовского университета», «Институт филологии и журналистики СГУ» и «Студенческий клуб СГУ». По количеству исходящих связей лидирует официальное

сообщество вуза – «Саратовский университет | СГУ». Основываясь на полученных результатах данного исследования, можно разработать ряд рекомендаций для высших учебных заведений по самопрезентации вуза в социальных сетях и увеличить продуктивность ведения онлайн-сообществ.

Список литературы

1. Гусарова Н. Ф. Анализ социальных сетей. Основные понятия и метрики. СПб. : Университет ИТМО, 2016. 67 с.

Поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 19.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 19.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 418–423

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 418–423

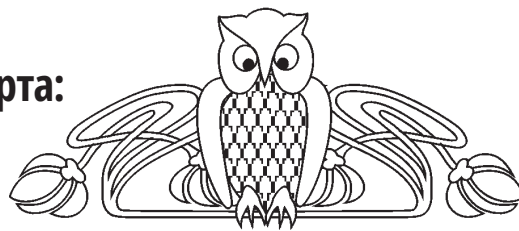
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-418-423>, EDN: RIQHCE

Научная статья

УДК 316.47

Характеристики социального поля спорта: некоторые элементы теории П. Бурдьё

А. В. Ермилова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23

Ермилова Анна Вячеславовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, ermilova.75@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2895-1628>

Аннотация. Поднимается проблема трансформации спортивного пространства современного общества, что накладывает отпечаток на восприятие общественностью спортивной деятельности и акторов, интегрированных в нее. Целью статьи является выявление характеристик социального поля спорта через призму социологического познания социального пространства П. Бурдьё. В результате осуществлено описание спортивного поля с помощью следующих выявленных характеристик: интегрированность в тело социума; иерархичность строения поля спорта; способность спортивного поля трансформироваться; практический смысл поля; динамичность развития поля; противоборствующий характер спортивного поля; социальность поля; способность спортивного поля подчинить себе агентов; многомерность социального поля спорта; способность социального поля спорта влиять на иные поля и само общество; реализация концепции признания в спортивном пространстве. Существование и развитие социального поля современного спорта возможно только при условии сочетания теории рационального выбора и теории практического смысла.

Ключевые слова: спорт, социальное поле спорта, характеристики спортивного поля

Для цитирования: Ермилова А. В. Характеристики социального поля спорта: некоторые элементы теории П. Бурдьё // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 418–423. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-418-423>, EDN: RIQHCE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The characteristics of the sports social field: Some elements of P. Bourdieu's theory

A. V. Ermilova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia
Anna V. Ermilova, ermilova.75@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2895-1628>

Abstract. The article raises the problem of transformation of modern society sports space affecting the public perception of sports activities and actors involved in it. The aim of the scientific article is to identify the characteristics of the sports social field through the prism of sociological cognition of social space by P. Bourdieu. As a result, the description of the sports field was made using the following identified characteristics: integration into the body of society; hierarchical structure of the sports field; the ability of the sports field of to transform; practical meaning of the field; dynamic development of the field; oppositional nature of the field of sports; social field; the ability of the sports field to subordinate the agents; multidimensional social sport field; ability of the sports field of to influence other fields and society itself; realization of the concept of recognition in the sports field of social space. The existence and development of the social field of modern sports is possible only under the combination of the theory of rational choice and the theory of practical sense.

Keywords: sports, sports social field, sports field characteristics

For citation: Ermilova A. V. The characteristics of the sports social field: Some elements of P. Bourdieu's theory. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 418–423 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-418-423>, EDN: RIQHCE

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современный социум представляет собой многомерное социальное пространство, дифференцированное на множество социальных полей, одним из которых является мир спорта. Социальное поле спорта – трансформирующий-

ся социальный феномен, о чем свидетельствует, например, его дихотомизация, осуществленная в конце 80-х гг. XX столетия. В результате трансформации института спорта, в частности дифференциации спорта высших достижений,

появилось две автономные подсистемы: любительский спорт и профессиональный. Следует учесть, что до этого времени (в СССР) профессионального спорта как вида профессиональной деятельности вообще не было, что отражает идеологическую составляющую эпохи патернализма.

Сегодня спортивное пространство продолжает изменяться, о чем свидетельствуют статистические данные, связанные с интеграцией населения страны в сферу физической культуры и спорта (ФКС). Несмотря на рост включенности россиян в сферу ФКС (в 2018 г. – 54 291 524 чел., 2020 г. – 62 000 381 чел.), в это же время снижается численность спортсменов, имеющих спортивные разряды, с 1 457 474 до 1 109 052 чел. Однако количество спортсменов, получивших спортивные звания – мастер спорта, мастер спорта международного класса, заслуженный мастер спорта, значительно возрос, более чем в три раза [1].

Такая трансформация спортивного пространства, произошедшая за последние 35 лет развития спорта в РФ, естественным образом влияет на его восприятие в обществе как вида трудовой деятельности, оказывая воздействие на мотивацию акторов в процессе их интеграции в спортивную сферу деятельности и их перемещения в ходе построения спортивной карьеры.

Перечисленные аспекты изменения социального поля спорта в современном обществе вызывают особый исследовательский интерес к изучению его характеристик, которые будут проанализированы с опорой на теорию социального пространства французского социолога П. Бурдьё. Исследовательское внимание, в частности, будет направлено на трактовки следующих понятий: общество, социальное поле, практический смысл, структуралистский конструктивизм, многомерность, концепция признания, динамичность. В итоге социологическое познание социального пространства П. Бурдьё позволит выявить характеристики социального поля спорта, что является целью научной статьи. Объект исследования – социальное поле спорта. Предмет исследования – характеристики социального поля спорта.

Научный интерес к работам П. Бурдьё связан с исследовательскими разработками как российских, так и зарубежных авторов. Теоретико-методологические основания социологии П. Бурдьё рассмотрены А. В. Воронцовым и А. И. Громовым [2]. Специфика иерархичности системы образования в исторической динамике через призму теории П. Бурдьё представлена в работе профессора социологии университета Беркли Л. Вакана [3]. Попытка историко-со-

циологической реконструкции и экспликации содержания теории практик П. Бурдьё принадлежит белорусскому исследователю В. В. Бурсевичу [4]. Рассмотрению физической культуры и спорта как социального пространства через призму теории полей П. Бурдьё посвящена работа М. В. Курниковой [5].

Приступая к рассмотрению социального поля спорта, следует понимать его сущностную характеристику, а именно «нацеленность на становление, формирование и популяризацию культуры двигательной активности населения, специализированное и предельное развитие всех ее умений и навыков, неразрывно связанных с максимальным освоением физических и эмоционально-волевых качеств личности и цивилизации и достижением рекордных результатов» [6, с. 10]. При этом социальное поле спорта одно из немногих полей, включенное в социальное пространство социума. Процесс дифференцирования полей осуществляется с опорой на те свойства, которые позволяют объективно сформировать это поле и выделить его из множества других. Спортивное сообщество, которое в целом *интегрировано* в социальное тело социума, отличается содержанием социального существования.

В целом, мы можем рассматривать сообщество спортсменов по аналогии с трактовкой общества, предлагаемой П. Бурдьё, как место жесткого и решительного противоборства, в ходе которого образуются расхождения, которые и составляют сущность социального существования. Определяя структуру поля, ученый также обращает внимание на существующий в нем *противоборствующий характер*: «Структура поля есть состояние соотношения сил между агентами или институтами, вовлеченными в борьбу, где распределение специфического капитала, накопленного в течение предшествующей борьбы, управляет будущими стратегиями» [7, с. 19]. Для спортивного сообщества как противоборствующего социального поля характерна жесткая *борьба как внутри самой личности* (например, в ходе тренировки выносливости), так и *во внешней среде* (например, в процессе соревновательной деятельности), что отражает суть *социального бытия* представителей большого спорта и является одной из основных характеристик социального спортивного пространства. Тем не менее, именно соперничество, позволяющее достичь наивысшего спортивного статуса, отражает сущность социального поля спорта. Как отмечал П. Бурдьё в своих лекциях в Коллеж де Франс, поле представляет собой незримую структуру с определенными правилами игры; «это поле сил (ре-

сурсов объективной реальности) и поле борьбы за трансформацию поля сил (конкуренция за обладание ресурсами, возможность преобразовать их и использовать их в обществе), в котором каждый из агентов применяет на практике ту силу, которой он в данном силовом отношении обладает» [8, с. 15]. Собственно говоря, соперничество, предполагающее социальную мобильность в стратификационной структуре спортивного поля, способствует его развитию, что является характеристикой поля спортивной деятельности.

Анализируя поле спорта через призму трактовки структуры поля П. Бурдье, мы можем увидеть характерное для него *иерархическое строение*, которое находит выражение, во-первых, в иерархии спортивных мероприятий, начиная с проведения региональных соревнований, заканчивая Олимпийскими играми, во-вторых, в иерархии спортивных статусов (например, кандидат в мастера спорта, мастер спорта России (МСР), мастер спорта международного класса (МСМК)).

Еще одной характеристикой спортивного поля является его *практическая основа*, которой П. Бурдье уделял особое внимание в своей теории «практического смысла». По его мнению, источником практического смысла являются социальные действия, которые он интерпретирует как события, относящиеся к предыдущему опыту агента. Социальные действия соотносятся с практическими навыками «игры» на конкретном социальном поле и обязательно будут оказывать воздействие в перспективе. Следовательно, действия, а именно множество возможных практик, способствуют возникновению нового социального пространства, что отражает суть практического смысла. Как отмечает П. Бурдье, практический смысл – это не идея, ценность, убеждение, знание, а схема восприятия и действия, которые непосредственно связаны с практикой [9, с. 32]. Характерной стороной практической деятельности спортсмена является принуждение со стороны времени и сроков, в результате чего спортсмен имеет ограниченное время для подготовки, например, к соревнованиям. При этом каждый спортсмен осознает, что в этой «тренировочно-спортивной гонке» участвует большое количество акторов, которые тоже понимают, что «спортивный век короткий».

Следует указать, что практический смысл находит свое выражение в телесности человека. Примером практического смысла, манифестированного в теле спортсмена, является социальный феномен, связанный с интуитивным предвидением, например, игрока-волейболи-

ста относительно выбора месторасположения на площадке в ожидании нападающего удара. Полученные ранее навыки игры в ходе тренировочно-соревновательной деятельности позволяют члену команды не размышлять о возможной траектории полета мяча, а заранее выбрать правильное место защиты. Поэтому спортсмен, действуя в социальном поле спорта, разрабатывает возможные стратегии будущих действий, которые в обязательном порядке должны быть адаптированы к требованиям спортивного поля. В итоге принятые стратегии представляют собой модели действий в определенных условиях (тренировочно-соревновательной деятельности), которые связаны с извлечением выгоды (например, победа на турнире позволит спортсмену перейти в команду более высокого уровня). Однако стратегии поиска выгоды агентами, по мнению П. Бурдье, основываются не на теории рационального выбора, так как они не заняты постоянным расчетом ее извлечения. Бытийность спортсменов как агентов связана с заложенными в их телах склонностями и навыками, что является определяющей силой в ходе совершения тех или иных социальных действий. В первую очередь, аккумулированные умения и навыки делают возможным ощущение «чувства игры», а не анализ своих эмоций, мыслей, переживаний (сознательная рефлексия).

Тем не менее, следует признать, что современный спорт, а именно профессиональный спорт, тесно коррелирует с теорией рационального выбора Дж. Коулмана [10], так как представляет собой спортивно-предпринимательскую деятельность, приносящую прибыль спортивным организациям, телевидению и спортсменам. Согласно Федеральному закону от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 25.12.2012) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», профессиональный спорт – часть спорта, направленная на организацию и проведение спортивных соревнований, за участие в которых и подготовку к которым в качестве своей основной деятельности спортсмены получают вознаграждение от организаторов таких соревнований и (или) заработную плату» [11]. Так, например, профессиональный спортсмен (футболист, волейболист, баскетболист) в случае приглашения в несколько клубов одновременно, как правило, выбирает тот, который предлагает самые высокие гонорары, желая получить максимальную прибыль в долгосрочной перспективе. Тем не менее, современный спорт не сводится только к профессиональному спорту. Наряду с ним существует и любительский спорт, не связанный с коммерческой деятельностью. Соответственно, мы приходим к выводу,

что в основе современного поля спорта лежат обе теории – и теория рационального выбора Дж. Коулмана (профессиональный спорт), и теория практического смысла П. Бурдьё (любительский спорт), что подчеркивает значимость *трансформационного аспекта* функционирования социального поля спорта.

Социальное поле, по мнению П. Бурдьё, следует рассматривать, как «многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значения которых коррелируют с соответствующими различными переменными» [7, с. 58]. В основе *многомерности* как характеристики социального поля спорта лежит система координат, связанная непосредственно с ресурсностью индивидов. В данном случае речь может идти, во-первых, о ресурсности спортсменов непосредственно в социальном поле спорта, количественная и качественная характеристика которой различна в зависимости от вида спорта, что представляет собой первое измерение социального поля спорта. Так, в частности, объем материальных ресурсов, накопленных на протяжении реализации спортивной карьеры в РФ в таких видах спорта, как футбол и хоккей, превосходит иные виды спорта, несмотря на более низкий уровень результативности. Во-вторых, ресурсность спортсменов в социуме, где происходит ресурсная трансформация, а именно сочетание капиталов, как указывает П. Бурдьё. Применительно к социальному полю спорта процесс сочетания или соединения капиталов связан, например, с тем, что к экономической ресурсности спортсмена, достигшего наивысших результатов, присоединяется еще и социальный ресурс, связанный с высоким уровнем положения в обществе непосредственно после завершения спортивной карьеры. При этом чем выше заслуги спортсмена и, соответственно, его статус в обществе, тем выше его возможности подключения и властного ресурса в сочетании с указанными выше ресурсами, о чем говорит процесс рекрутирования спортсменов высших достижений в иные сферы трудовой деятельности, имеющие отношение к управлению организациями или даже обществом (например, А. А. Карелин, И. К. Роднина). Соответственно, второе измерение социального поля спорта связано с процессом перетекания ресурсности из первой системы координат, их аккумуляции и использования непосредственно в самом социуме.

Социальное поле спорта можно представить в виде изменяющегося конструкта в ходе исторического развития социума, имеющего определенную структуру, что, в свою очередь,

согласуется с теорией структуралистского конструктивизма П. Бурдьё. Согласно его подходу, существует две точки зрения (парадигмы), связанные с рассмотрением сопоставления общество – индивид.

1. Применительно к структурному функционализму, в основе социального пространства лежат объективные структуры, т. е. социальные нормы, социальные институты, страты, группы, которые базируются на правилах и не зависят от восприятия (сознания) агентов, определяя их мотивы к действию, поведение. Применительно к социальному полю спорта структурный функционализм представлен списком опубликованных Министерством спорта правовых актов РФ, а также и самой институциональной системой федерального, регионального и муниципального уровня, что является основой социального поля спорта. Данные структуры способны контролировать социальные действия агентов-спортсменов, а порой даже подавлять их волю и сознание.

2. Сообразно социальному конструктивизму социальные действия и взаимодействия, коммуникационные процессы, конструируя новые элементы, создают новую социальную реальность. В данном случае речь может идти о профессиональном спорте, которого в предыдущую эпоху не было. Однако в связи с процессами демократизации и трансформации экономической системы (переход к рыночным отношениям) осуществляется становление и развитие профессионального спорта в РФ. В данном случае модифицируется государственная роль в управлении профессиональным спортом, в том числе определяются правовые, организационные и экономические основы профессионального спорта. Результатом таких трансформационных процессов становится создание профессиональных спортивных объединений, юридически самостоятельных федераций по видам спорта, изменение статуса профессиональных клубов. В итоге социальное поле спорта сегодня, в ходе социально-экономических, политических процессов, сконструировано иначе, чем в эпоху патернализма. *Динамика развития* социального поля спорта выражена в существовании в настоящее время массового, любительского, профессионального спорта, а также спорта высших достижений.

Несмотря на разнообразие квалификационных категорий спортсменов, все они в совокупности занимают определенную социальную позицию в обществе в соответствии со своей принадлежностью к социальному полю спорта. Соответственно, они являются обладателями сходных интересов, потребностей, что ведет к

производству сходных практик, а следовательно, все они стремятся занять сходные позиции в социальном пространстве спорта – достигнуть наивысшего уровня результативности. Поэтому применительно к спорту особую значимость приобретает «концепция признания» П. Бурдье, которая тоже может являться характеристикой спортивного социального пространства. «Концепция признания» со стороны общества находит свое выражение в сфере спорта высших достижений, так как смысл интеграции спортсмена-профессионала в сферу спорта высших достижений естественным образом связан с победой на чемпионатах Европы и мира и, конечно же, на Олимпийских играх, в результате чего социум наделяет спортсмена соответствующим статусом в стратификационной структуре спортивного сообщества, подчеркивая его заслуги перед страной. По мнению П. Бурдье, признание есть одновременно источник бесконечных соревнований, которые делают общество подвижным [12, р. 74], в том числе и социальное поле спорта (динамичность). Именно социальное признание со стороны общества является для него экзистенциальной целью, что придает определенной смысл его жизнедеятельности. Однако стоит заметить, что идеология, которой придерживается сегодня РФ, а именно либеральной направленности, способна трансформировать экзистенциальную цель, которая в настоящее время в большей степени связана с материальным обогащением акторов, результатом чего становится их уход в профессиональный спорт.

Динамичность социального поля спорта распространяется и на весь социум, т. е. мы придерживаемся точки зрения П. Бурдье относительно того, что социальный мир формируется структурами, которые так или иначе выстраиваются агентами. Сегодня, в условиях развития современного социума, структура ФКС накладывает зримый отпечаток на жизнедеятельность значительной части населения, что находит выражение в следующих социальных явлениях:

– реализация стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 г. [13];

– популяризация занятий физической культурой и спортом среди различных возрастных когорт РФ. В частности, активизация детей в сфере ФКС и их интеграция в спортивную деятельность. Сегодня в России физкультурой и спортом занимаются около 23 млн детей – это 85% от численности населения в возрасте 3–18 лет [14];

– интенсивное использование спортивной реабилитации как специального комплекса лечебно-физкультурных мероприятий, основной задачей которых является максимальное восстановление утраченных функций человеком [15].

Следовательно, динамичность в сфере ФКС, а именно активизация агентов данного социального поля, может сказываться на функционировании современного российского общества. Способность социального поля спорта изменять иное социальное пространство является еще одной его трансформирующей характеристикой.

На основе вышеизложенного мы можем выявить следующие характеристики социального поля спорта через призму теории П. Бурдье:

- 1) интегрированность в тело социума;
- 2) иерархичность строения поля спорта;
- 3) способность трансформироваться;
- 4) практический смысл поля спорта;
- 5) динамичность развития поля спорта;
- 6) противоборствующий характер поля спорта;
- 7) основу социального поля спорта составляют теория рационального выбора и теория практического смысла;
- 8) многомерность социального поля спорта;
- 9) структура поля спорта способна подчинять себе спортивных агентов;
- 10) способность социального поля спорта влиять на иные поля и само общество;
- 11) реализация концепции признания в спортивном пространстве.

Выявленные характеристики социального поля спорта позволяют более глубоко познать природу данного социального феномена, что найдет отражение в продолжении исследования, направленного на выявление сущности, типологии и особенностей габитуса агента, интегрированного в спортивное поле деятельности.

Список литературы

1. Министерство спорта Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://minsport.gov.ru/sport/physical-culture/statisticheskaya-inf/> (дата обращения: 10.12.2021).
2. Вороцов А. В., Громов А. И. Теоретико-методологические основания социологии П. Бурдье // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 4. С. 82–102.
3. Вакан Л. Социология образования П. Бурдье // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 93–101.
4. Бурсевич В. В. О границах понятия «Практика» в социологии П. Бурдье // В мире научных открытий. 2009. № 5. С. 144–146.

5. Курникова М. В. Физическая культура и спорт как социальное пространство формирования специфического габитуса // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия : Социальные науки. 2021. № 1 (61). С. 103–109. https://doi.org/10.52452/18115942_2021_1_103
6. Федоровская М. Ю. Спорт как социокультурное явление современности и его ведущие функции // Социодинамика. 2019. № 5. С. 1–14. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.5.29550>
7. Бурдьё П. Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.
8. Парамонова С. П., Мишарин К. Д., Тимербулатова Е. Ф., Шмыков К. Е. Методология анализа личности и общества в работах П. Бурдьё // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2020. Вып. 2. С. 11–30. <https://doi.org/10.24412/2308-7226-2020-2-11-30>
9. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
10. Coleman J. A Rational Choice Perspective on Economic Sociology // The Handbook of Economic Sociology / ed. by N. Smelser, R. Swedberg R. Princeton : Princeton University Press, 1994. P. 166–180.
11. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : федер. закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 06.03.2022) // Законодательство Российской Федерации. Сборник основных федеральных законов РФ : [сайт]. URL: <https://fzrf.su/zakon/o-fizicheskoy-kulture-i-sporte-329-fz/> (дата обращения: 30.03.2022).
12. Peters G. The social as heaven and hell: Pierre Bourdieu's philosophical anthropology // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2012. Vol. 42, iss. 1. P. 63–86. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2011.00477.x>
13. Об утверждении Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года : приказ Минздрава России от 15.01.2020 № 8. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564215449> (дата обращения: 30.12.2021).
14. Олег Матьцин: «В России физкультурой и спортом занимаются около 23 млн детей – это 85% от численности населения в возрасте 3–18 лет» // Sports.ru. URL: <https://www.sports.ru/athletics/1094054100-v-rossii-fizicheskoy-kulturoj-i-sportom-zanimayutsya-okolo-23-mln-dete.html> (дата обращения: 30.12.2021).
15. Курникова М. В. Физическая активность ребенка-инвалида как критерий социального самочувствия его семьи (теоретическое обоснование проблемы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 274–278. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-3-274-278>

Поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 19.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 19.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 424–429

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 424–429

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-424-429>, EDN: ORRMDT

Научная статья
УДК 303.447.23

Специфика, роль и методологические проблемы экспертного знания в социологическом исследовании

М. С. Ивченкова

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/25, корп. 5

Ивченкова Мария Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, m.ivchenkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9297-814X>

Аннотация. В статье раскрываются методологические и методические особенности экспертного опроса и его роль в социологическом исследовании. Обоснованы преимущества и ограничения использования результатов опроса экспертов в качестве многовариантного сложного как с методологической, так и с методической точки зрения исследовательского процесса. Представлены требования к его организации и проведению, включая требования к компетентности экспертов. Показано, что преимущества опроса экспертов заключаются в возможности получения новой достоверной информации, глубокой интерпретации, объяснении, прогнозировании изучаемых явлений и процессов, выработке практических рекомендаций с нестандартных позиций. Особый акцент сделан на проблемах и ошибках в реализации различных видов экспертного опроса в социологии. Сегодня этот метод помогает диагностировать, моделировать, проектировать и прогнозировать состояние реальных объектов и процессов, включая процессы аттестации работников. Более того, с его помощью можно оценивать социальные последствия реализации проектов и рекомендаций, управленческих решений. Эта широта исследовательских функций способствует популярности и развитию метода экспертных опросов в социологии.

Ключевые слова: экспертный опрос, эксперт, экспертная оценка

Для цитирования: Ивченкова М. С. Специфика, роль и методологические проблемы экспертного знания в социологическом исследовании // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 424–429. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-424-429>, EDN: ORRMDT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The specifics, role and methodological problems of expert knowledge in sociological research

M. S. Ivchenkova

Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), 24/35, korpus 5 Krzhizhanovskogo St., Moscow 117218, Russia

Maria S. Ivchenkova, m.ivchenkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9297-814X>

Abstract. The article reveals the methodological and methodical features of the expert survey and its role in sociological research. The advantages and limitations of using the results of the experts survey as a multivariant complex process both from the methodological and methodical points of view of the research process were substantiated. The requirements for its organization and conduct, including the requirements for the competence of experts, are presented. It is shown that its advantages lie in the possibility of obtaining new reliable information, deep interpretation, explanation, forecasting of the phenomena and processes under study, development of practical recommendations from non-standard positions. Particular emphasis is placed on the problems and mistakes in the implementation of various types of expert survey in sociology. Today, this method helps to diagnose, model, design and predict the state of real objects and processes, including employee certification processes. Moreover, it can be used to assess the social consequences of the implementation of projects and recommendations and management decisions. This breadth of research functions contributes to the popularity and development of the method of expert surveys in sociology.

Keywords: expert survey, expert, expert assessment

For citation: Ivchenkova M. S. The specifics, role and methodological problems of expert knowledge in sociological research. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 424–429 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-424-429>, EDN: ORRMDT

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4,0 International License (CC-BY 4.0)

Сегодня, в период становления цифрового знаниевого общества, растет потребность в получении достоверной и обоснованной информа-

ции. Важными ее источниками являются эксперты. Они в наибольшей степени отличаются компетентностью, обширными и глубокими

знаниями по многим предметам социологического исследования, особенно если они погружены в изучаемую проблемную ситуацию. С другой стороны, современный технологический инструментарий социологии, особенно в прикладной его части, развивается достаточно быстро и спешно, расширяя круг возможностей социологических исследований. Сегодня как в России, так и за рубежом достаточно разработан и применяется экспертный опрос. Более того, в информационном знаниевом обществе его роль существенно возрастает. Однако в научных публикациях он отражен недостаточно полно, особенно в плане оценок его эффективности и методологических и методических проблем его реализации.

Экспертный опрос – разновидность социологического опроса, в ходе которого респондентами выступают компетентные специалисты, имеющие глубокие знания об изучаемых процессах и явлениях, предмете или объекте исследования, – эксперты (лат. *expertus* – опытный). Экспертный метод в значительной мере обеспечивает объективность, многосторонность, комплексность и компетентность результатов исследования и практических рекомендаций [1].

Он базируется на экспертных оценках, по которыми понимаются суждения профессионалов-знатоков. Это предполагает процедуру сравнения объектов, предмета изучения, их свойств по выделенным критериям [2, с. 45]. Иными словами, с содержательной точки зрения экспертный метод – это рационально организованная специалистами экспертиза изучаемых проблем и дальнейшая оценка, обработка исследователями суждений профессионалов. При этом нередко полезными бывают не только целенаправленные суждения экспертов, но и фоновые, так как они часто касаются факторов, влияющих на состояние или отдельные характеристики предмета исследования. Поэтому наиболее важные, существенные из них также выделяются и оцениваются.

Экспертный метод направлен на более глубокое понимание наиболее важных и сложных сторон изучаемой проблемной ситуации и является значимым инструментом повышения уровня обоснованности, надежности, репрезентативности получаемых данных, а также выводов и практических рекомендаций по итогам социологического исследования

Область применения экспертного опроса достаточно широка: при изучении всех сфер деятельности, при диагностике (экспертизе) состояний отдельных характеристик социального объекта или динамики процесса, при проектировании инструментария для повышения

обоснованности выводов и прогнозирования развития изучаемых явлений, при выработке практических рекомендаций, особенно в программировании и нормировании каких-либо процессов [3]. Этот метод особенно хорош еще и тем, что позволяет на основе авторитетного мнения привлечь более целенаправленную аргументацию для обоснования теоретических положений и практических рекомендаций исследования.

Кроме того, экспертные опросы могут быть особенно полезными, если другие способы получения информации затруднительны, например если социолог сталкивается с проблемой «закрытой» информации, когда сведения доступны только ограниченному кругу профессионалов. Экспертные опросы также эффективно применяются для оперативной диагностики в условиях быстро меняющейся ситуации, когда нужно ориентироваться не столько на факты, сколько на уже имеющийся практический опыт в исследуемой области. Мнение экспертов очень важно также на начальном этапе исследования новой, малоизвестной проблемы для получения предварительного представления о ней, особенно когда об этом нельзя собрать данные традиционными или формализованными способами.

Каждый человек может выступать экспертом. Чаще ими бывают специалисты в какой-либо деятельности. Однако при изучении повседневной жизнедеятельности населения в качестве эксперта может выступать любой индивид при условии его достаточной типичности.

Экспертный метод существенно отличается от других видов социологического опроса [4] по следующим параметрам:

1) количеству опрашиваемых: если в традиционном опросе важны выборка и значительное количество респондентов, то в экспертном методе количество экспертов намного меньше и не определяется формальной выборкой, только их компетенциями;

2) качественным характеристикам респондентов: эрудиция, квалификация, компетентность, профессиональность экспертов намного выше, чем у обычно опрашиваемого населения;

3) характеру и объему знаний: эксперты обладают глубокой специальной, профессиональной информацией, которой нет у исследователя и тем более в обыденных знаниях населения;

4) типичности получаемых данных: если в традиционном опросе социолога интересуют социальные факты с их типичностью, распространенностью, устойчивостью и повторяемостью, то от экспертов ожидают и получают уникальные, глубокие и неповторимые знания;

5) функциям в исследовании: если в традиционном опросе социолог использует собранную эмпирическую информацию для проверки своих научных гипотез, то цель экспертного опроса – погрузиться в новое для себя информационное пространство и область деятельности.

Ключевым методологическим звеном экспертного опроса является подбор определенного числа экспертов, исходящий из поставленных задач. Существует два способа определения количества экспертов – статистический и «метод снежного кома». Первый определяется по результатам проверки степени согласованности мнений и их усреднения [5]. Второй способ реализуется в процессе проведения экспертизы. Однако в любом случае численность экспертной группы не может быть значительной из-за объективной ограниченности числа профессионалов-специалистов, которые способны высказывать обоснованное мнение и делать прогнозные оценки. Более того, существует предел, за которым увеличение количества мнений не переходит в расширение необходимой информации. Однако слишком малое количество экспертов чревато преувеличением влияния каждого из них. Считается оптимальным число экспертов от 5–7 до 10–15 человек при очном опросе и от 20 до 80 человек – при заочном [6]. Важными условиями здесь являются учет особенностей проблемной ситуации исследования, организация равноправного участия специалистов и высокий уровень их компетентности [7].

Иными словами, к особенностям экспертного опроса можно отнести небольшое количество опрашиваемых, акцент на новые, специальные знания, уникальность и неповторимость полученных этим методом данных. Специфика этого метода также состоит в том, что он предполагает компетентное участие экспертов в анализе и решении проблем исследования на всех его этапах. При этом их роль как активного участника исследования существенно меняется. Так, на предварительном этапе исследования привлечение экспертов помогает понять особенности предмета исследования, уточнить его противоречия и проблемную ситуацию. Он выступает важным источником неизвестной исследователю информации. На этапе программирования исследования экспертный опрос призван помочь в разработке адекватного, надежного и эффективного инструментария в соответствии с уточняемой программой исследования. Это уточнение, корректировка касается и выявления новых аспектов проблемной ситуации, формулировки цели, задач, гипотез, интерпретации основных терминов и понятий. Иными словами, он выступает как ге-

нератор идей, гипотез и предложений. На этапе обработки и анализа полученной информации помощь экспертов особенно ценна для глубокого объяснения результатов опроса, повышения степени обоснованности выводов и выработки практических рекомендаций. Здесь он выступает в роли арбитра, оценивающего полученные данные, характеристики объекта и предмета исследования, социальные показатели.

Существуют некоторые ограничения в применении разных методик экспертных опросов. Так, важно помнить, что заключения (экспертизы) имеют тенденцию к усреднению мнений, а потому могут оказаться непригодными для оценки нестандартных явлений. Кроме того, эксперты – носители персонального или коллективно выработанного мнения. Но в любом случае это субъективное суждение, которое требует объективизации – проверки и сопоставления с дополнительной информацией, полученной из других источников или другими методами (если они доступны).

При применении экспертного опроса важным нормативным требованием является четкое обоснование необходимости применения этой методики либо той или иной ее разновидности. Кроме того, необходимы тщательный отбор экспертов и оценка степени их компетентности. При этом им должны предоставляться максимально точная и надежная информация и создаваться оптимальные условия для наиболее эффективной, продуктивной работы [8]. Одновременно следует контролировать и учитывать все факторы, способные повлиять на суждения экспертов. Результаты этой экспертизы, все мнения и суждения должны фиксироваться без искажений на протяжении всего исследования, всех его этапов.

Программирование экспертного опроса включает в себя основные структурные элементы программы социологического исследования с выделением целей опроса, построением критериев подбора, с учетом правил организации участия экспертов и критериев оценки данной ими информации. Однако, в отличие от обычной программы, в этом случае не требуется столь же тщательно детализировать этот проект. Достаточно четкости в формулировках изучаемого явления или процесса, отражающих их концепции и гипотетические варианты результатов исследования.

Логика экспертного опроса предполагает в начале работы анализ изучаемой ситуации и обоснование необходимости применения экспертного опроса. Затем следует выбор группы экспертов, оценка их компетентности. Параллельно с этим проводится выбор или разработ-

ка способов измерения экспертных суждений, которые потом позволят перейти к процедуре непосредственного замера и оценки работы экспертов. Лишь после этого происходит анализ полученных данных. В случае необходимости осуществляются: проверка входной информации, используемой для экспертных оценок; изменение состава экспертных групп; повторные замеры с последующим сопоставлением результатов.

Как в любом опросе, главным инструментом сбора мнений специалистов является вопросник в форме анкеты или бланка-вопросника для интервью. Сама процедура экспертного опроса в наиболее общем виде может быть очной или заочной, персональной или групповой. Однако исследовательская практика способствует тому, что постоянно появляются новые разновидности как самих опросов, так и применяемых процедур. В них нередко вводятся игровые и ролевые моменты организации, расширяется круг тем бесед, вводятся новые инструменты (фото-, видеоматериалы и пр.), увеличивается количество экспертов, чему способствует компьютерная обработка данных. Но в любом варианте исследователю приходится тщательно подходить к решению трех методологических проблем, касающихся подбора экспертов, оптимальной организации их деятельности и глубокого анализа полученных суждений.

Практика показывает, что неупорядоченный, произвольный опрос экспертов резко снижает качество, надежность оценок и нередко искажает данные. Поэтому существует проблема организации работы экспертов для повышения степени надежности их оценок. Это стало особенно важным в последние десятилетия, когда заметно возросла роль коллективных исследований. Повышение надежности прогнозов группового опроса экспертов является одной из ключевых методических задач. Однако генерирование качественно новых идей чаще всего осуществляется с помощью индивидуальных методик. Вместе с тем индивидуальные экспертные оценки имеют существенные ограничения по возможностям отдельного эксперта в сфере прогнозирования, так как достоинств профессионала (накопленных знаний, опыта, определенного стандарта мышления) может быть недостаточно для того, чтобы он смог преодолеть «груз прошлого», увидеть за привычными тенденциями необходимость качественных изменений в объекте исследования [9].

Групповая работа экспертов помогает совместно преодолевать этот недостаток. В ее результате происходит не просто «усредненное» мнение группы специалистов. Наблюдается

процесс объективизации субъективных оценок, что заметно повышает надежность прогноза [10]. Характерно, что групповое обсуждение научных проблем наиболее эффективно, если предметом являются выдвинутые ранее в индивидуальном порядке идеи, гипотезы, концепции. Так, индивидуальные и коллективные экспертные оценки сливаются в единую систему методов диагностики и прогнозирования.

Постепенно появились наработки различных методов подбора экспертов. Самым простым является документальный подбор экспертов на основе социально-демографических данных, например, для уточнения вера мнений различных групп населения или работников по какому-либо вопросу [11]. Достаточно часто используется также экспериментальный подбор экспертов, отталкиваясь от результатов испытания, тестирования, по результатам прежней экспертной деятельности. Достаточно распространен при подборе экспертов метод их самооценки, когда они сами оценивают свои знания, опыт и способности, которые потом индексируются с помощью ранговой шкалы.

При формировании группы экспертов применяется метод коллективной оценки в ситуации их взаимного знания друг друга (как специалистов). Этот способ основан на оценках личностных и межличностных характеристик путем взаимного опроса членов экспертной группы, которые оценивают поведение друг друга в значимых ситуациях общения и совместной деятельности. Кроме того, этот метод применяется и как самостоятельный способ, например, при подборе, аттестации руководителей подразделений предприятий как дополнение к традиционным средствам их оценки [12]. Эта технология предполагает разработку списка личностных и межличностных характеристик, шкалу их оценки, испытание методики, анонимность опроса [13 с. 101–102]. Его основа – конкретные нормативные характеристики профессии, позволяющие подбирать, разрабатывать и адаптировать методы и процедуры отбора и проводить диагностику на соответствие конкретной профессиональной деятельности: 1) социальные – функции, задачи, цели; 2) операциональные – точность исполнения и временные, пространственные, логические характеристики; 3) организационные.

Экспертная внутригрупповая самооценка практически всегда сочетается с выявлением самооценки индивида по тому же набору характеристик, что позволяет получать данные о соотношении оценки, данной ему другими членами группы, и самооценки. Процесс профессионального отбора может проводить-

ся комплексом тестов аппаратных, бланковых и опросных методов, а также с помощью эксперимента имитационного, воспроизводящего фрагменты, ситуации и этапы реальной деятельности профессиональной, при строгой регистрации визуально наблюдаемых и фиксируемых показателей функционального состояния человека, мотивационно-эмоциональных проявлений, показателей продуктивности и успешности его работы [14, с. 46, 262]. Основными критериями выбора экспертов являются такие характеристики, как уровень теоретической подготовки, грамотности, компетентности, эрудиции, принципиальности, творчества, интуиции, предикативности, независимости, конструктивности, самокритичности, а также степень заинтересованности, объективности и коммуникативности, умения работать в команде.

Серьезной проблемой экспертного опроса является валидность экспертных оценок. Валидность – это совпадение того, что говорит эксперт, с тем, о чем его спрашивают. Идентификация суждения с его источником – основа доверия, которое заслуживают суждения экспертов. Она зависит от компетентности экспертов, трудности решаемой задачи и оптимальной организации опроса. Ошибки и промахи исследователя здесь способны стать барьером на пути раскрытия потенциала эксперта. Так, при очном персональном интервьюировании присутствие третьего лица в ситуации опроса выступает серьезной помехой для получения глубоких и исчерпывающих ответов. Если речь идет об очном групповом интервью, то для успешного и эффективного взаимодействия экспертов важно, чтобы они не были близко знакомы, чтобы среди них не было априорного доминанта – лидера, чтобы они были примерно одного ранга. При этом важно учитывать одну закономерность – чем выше самооценка компетентности специалиста, тем более устойчивы его мнение и суждения.

Опыт показывает, что часто при групповой экспертизе происходит смещение суждений и оценок в направлении к нейтральности, усредненности. Причем это центристическое давление может возникать как при очном, так и при заочном взаимодействии экспертов. Это вызывает необходимость корректировки сбора экспертной информации с помощью индивидуальной обратной связи качественными методами. Еще одной проблемой групповой экспертизы может стать стремление отдельных экспертов к неоправданному доминированию, что способно провоцировать конфликтные ситуации, серьезно снижающие эффективность

работы экспертов. Поэтому в групповую экспертизу рекомендуется не включать индивидов с явными лидерскими ориентациями.

На этапе начала работы экспертов, особенно когда объект исследования мало известен, целесообразно применять индивидуальную форму диагностики и поддерживать информационную изоляцию экспертов, дабы их первые, порой незрелые мнения не воспринимались как подсказка и не вызвали искаженного представления об объекте, предмете или ситуации исследования. Можно согласиться с В. И. Добреньковым и А. И. Кравченко, что достоверность экспертных оценок повышается за счет правильной формализации исходной информации, корректного подбора экспертов, соблюдения принципов и процедур экспертного опроса и учета индивидуальных качеств эксперта, к которым относятся профессиональные знания, практический опыт, стаж в конкретной сфере деятельности и др. [15, с. 498–502]

Существует много разновидностей методик проведения индивидуального (например, метод «индивидуального блокнота») и группового экспертного опроса: «мозговая атака (шторм)», метод «6 шляп», метод Дельфи, метод «коллективного блокнота («банка» идей)», метод прогнозных сценариев и пр. Каждый из них обладает своим потенциалом, своими преимуществами и ограничениями. Однако их реализация часто сопряжена с определенными трудностями и ошибками, которые возможны на каждом этапе экспертизы. Среди наиболее часто встречающихся – отсутствие разработанной программы экспертизы, нечеткость в определении ее целей. В результате этого нередко складывается ситуация, когда технология получения экспертных оценок не соответствует их возможностям. И само использование экспертов нецелесообразно ввиду возможности получения информации иным, более простым методом.

Нередкими являются и ошибки в тщательности и обоснованности подбора экспертов, односторонности оценок их компетентности, появлении среди них случайных индивидумов. Часто социологи сталкиваются с низкой степенью заинтересованности отобранных экспертов, отсутствием у них объективности. Подчас ошибки встречаются и на этапе разработки инструментария экспертизы, когда он не апробирован, и обнаруживаются не точно, не корректно сформулированные вопросы, что провоцирует «неответы» экспертов.

В зависимости от цели и задач экспертного опроса, выбранного и обоснованного способа измерения в ходе обработки полученных дан-

ных на основе попарного сравнения оценок [16, с. 52–55] целесообразно сформировать обобщенное представление об объекте исследования, выявить степень согласованности мнений экспертов, выделить существующие взаимозависимости и оценить надежность результатов. Но на этом этапе порой наблюдается значительный разброс мнений, их разнородность, что вызывает трудности их сопоставления и интерпретации. Если в экспертизе доминируют количественные показатели, но мало аргументации, то средние значения могут быть искажены, сдвинуты, и тогда возникают проблемы с объяснением и достоверностью результатов. Искажения и нерепрезентативность полученных экспертных данных также нередко возникают из-за ускоренного, поверхностного экспертного анализа, особенно если он не сопрягается с другими объективными данными из других источников.

Таким образом, экспертный опрос – достаточно сложный как с методологической, так и с методической точки зрения исследовательский процесс. Социолог здесь часто сталкивается с риском получения намеренно искажаемых данных, чрезмерным влиянием экспертов и иными проблемами. Но преимущества данного метода заключаются в возможности получения новой достоверной информации, глубокой интерпретации, объяснения, прогнозирования изучаемых явлений и процессов, выработки практических рекомендаций с нестандартных позиций. Сегодня этот метод помогает диагностировать, моделировать, проектировать и прогнозировать состояние реальных объектов и процессов, включая процессы аттестации работников. Более того, с его помощью можно оценивать социальные последствия реализации проектов и рекомендаций, управленческих решений. Эта широта исследовательских функций способствует популярности и развитию метода экспертных опросов в социологии.

Список литературы

1. Кузьменко Т. В. Экспертный опрос как основа принятия управленческих решений // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 434–443.
2. Масленников Е. В. Метод интеграции концепций экспертов в социологическом исследовании (Выявление, оценка и обобщение эмпирического знания). М. : Изд-во Московского ун-та, 1992. 88 с.
3. Хлебович Д. И. Экспертный опрос как инструмент исследования проблем высшего профессионального образования: предпосылки и практика использования // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6 (92). С. 12–20.
4. Экспертные оценки в социологических исследованиях / С. Б. Крымский, Б. Б. Жилин, В. И. Паниотто [и др.] ; отв. ред. С. Б. Крымский ; АН УССР, Ин-т философии. Киев : Наукова думка, 1990. 320 с.
5. Бешелев С. Д., Гурвич Ф. Г. Математико-статистические методы экспертных оценок. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статистика, 1980. 263 с.
6. Нечаев В. С., Чудинова И. Э., Нисан Б. А. К вопросу об экспертной оценке организационных аспектов государственно-частного партнерства в здравоохранении // Социология медицины. 2012. № 1 (20). С. 21–23.
7. Эйтингон В. Н., Кравец М. А., Панкратова Н. П. Методы организации экспертизы и обработки экспертных оценок в менеджменте : учеб.-метод. пособие. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2004. 44 с.
8. Андрианова Н. А. Структура и технологии формирования имиджа Краснодарского края (по материалам экспертного опроса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 2 (14). С. 155–161.
9. Ельмеев В. Я., Овсянников В. Г. Прикладная социология: Очерки методологии. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во С.-Петербургского государственного ун-та, 1999. 296 с.
10. Кучко Е. Е. Социологическое изучение инноваций // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 42–47.
11. Мальцев К. В. Использование методов экспертного опроса в исследовании формирования и развития земельного рынка в России // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2007. № 1. С. 67–70.
12. Фролова И. И. Коррупция в органах власти: результаты экспертного опроса // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4. С. 104–107.
13. Голосова Е. С., Кошевой О. С., Сеидов Ш. Г. Организация экспертного опроса с привлечением специалистов органов государственного и муниципального управления // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 1 (21). С. 98–107.
14. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск : Харвест, 1998. 800 с.
15. Добренков В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования. М. : ИНФРА-М, 2009. 767 с.
16. Орлов А. И. Организационно-экономическое моделирование : учебник : в 3 ч. Ч. 2. Экспертные оценки. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2011. 486 с.

Поступила в редакцию 22.08.2022; одобрена после рецензирования 24.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 22.08.2022; approved after reviewing 24.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 430–433

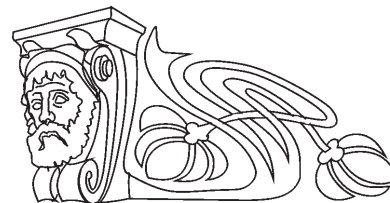
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 430–433

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-430-433>, EDN: UDGICX

Article

From the linguistic turn to linguosociology: The problems and perspectives

B. R. Mogilevich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Bronislava R. Mogilevich, mogilevich@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>

Abstract. The article considers the phenomenon of linguistic turn in the humanities, sociology in particular. The natural causes of this phenomenon generation from the point of view of various methodological approaches – symbolic interactionism, discourse theory, communication acts theory are presented. The formation of the new field of theoretical sociology – linguosociology and its succession with sociology and sociolinguistics are substantiated. In conclusion, it is shown, that linguosociology is a natural phase in the development of socio-humanitarian knowledge.

Keywords: linguistic turn, linguosociology, sociolinguistics, communication, discourse, symbolic interactionism, linguistic capital, habitus

For citation: Mogilevich B. R. From the linguistic turn to linguosociology: The problems and perspectives. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 430–433. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-430-433>, EDN: UDGICX

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная статья

УДК 316.347

От лингвистического поворота к лингвосociологии: проблемы и перспективы

Б. Р. Могилевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Могилевич Бронислава Рафаиловна, доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, mogilevich@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>

Аннотация. В статье рассмотрено явление лингвистического поворота в гуманитарных науках, в социологии в частности. Представлены закономерные причины становления этого феномена с точки зрения различных методологических подходов – символического интеракционизма, теории дискурса и теории коммуникативных актов. Обосновано появление новой отрасли теоретической социологии и ее преемственность с социологией и социолингвистикой. В заключение показано, что лингвосociология является закономерной фазой в развитии социогуманитарного знания.

Ключевые слова: лингвистический поворот, лингвосociология, социолингвистика, коммуникация, дискурс, символической итеракционизм, лингвистической капитал, габитус

Для цитирования: Mogilevich B. R. From the linguistic turn to linguosociology: The problems and perspectives [Могилевич Б. Р. От лингвистического поворота к лингвосociологии проблемы и перспективы] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 430–433. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-430-433>, EDN: UDGICX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

The linguistic turn in sociology is not the only one that took place in the humanities in the middle of the XXth century. The thing is, that these turns are connected not only with linguistics, but with history, cultural studies pragmatics, semiotics, ethics and so on [1]. The linguistic turn acquired great importance due to the formation of postindustrial information society.

In fact, traditional sociology in the period of its formation and further on did not consider the phenomenon of the language as its object of studies. The dominant sociological theories studied empiri-

cal facts, objective social acts and their interpretation. The linguistic actions were not included in the sociological contexts.

Thus, O. Conte postulated that sociology must rely on empirical facts and only they (empirical facts) are the sources of social laws. In other words, O. Conte considered social practices as the means of achieving scientific knowledge [2].

In the course of time, the sociology theories developed and widened the fields of research, but all of them did not include human languages in their spheres. For example, positivist sociology studied

only empirical facts and objective social acts, but nor human motives, feelings and intentions behind them, their languages in particular. As for M. Weber, he postulated that the main problem of sociology was the interpretation of humans' social acts, their intentions and goals. And other words, M. Weber's humanistic interpretation sociology was oriented on understanding the relationship between a human being and a society. But nevertheless, human languages, their functions and importance were neglected, as well [3]. It was G. Mead, who included language problems into the sphere of sociology. He was the first to consider symbols as human means for communication, describing the thoughts, beliefs and objects to adapt themselves to the surrounding social reality. The groups of the one language speakers possess mutual symbols' meanings. In fact, G. Mead studied language communication and symbolic interaction as social phenomena existing both in humans' inner and external worlds. Thus, symbolic interactionism was the first sociological theory to lay the corner stone in the linguistic turn in the humanities. The impact of symbolic interaction on developing sociological research in the field of human communication and behavior is far from being overestimated. In short, its main achievements can be presented as such:

- symbols usage (mainly in language forms) is the precondition of humans' social development;
- a language is the main tool of personal and mental existence;
- humans' knowledge about the external world and themselves are actualized mainly by means of languages [4].

The formation of postindustrial information society due to technological achievements meant the displacement of the focus of sociological research from objects to subjects. The information, generated and accumulated in the course of communication and its interpretation, became the main methodology tool of socio-humanitarian research. That is, linguistic actualization of humans' activity (motives, feelings, behavior, thoughts and actions) occupied the leading position in the humanities. This phenomenon was called "the linguistic turn" and really and turned the researchers' attention from objective Newton's paradigm to subjective humanitarian one. It meant that people appeared to be the center of all humanitarian studies.

The information society made it possible to change the conceptual field in the context of time and space and gave way to such notions, as: "what was said", "about what", "when", "where" and "what for". This displacement took place due to the change of people's nature – causative determinism was replaced by discourse methodology, its main concepts

being "speech acts", "an individual's association", "the forms of a dialogue" [5, p. 10–11]. Discourse practices actualize the endless variety of human life activity (processes, concepts and problems).

It is worth considering the discourse theories which generated the linguistic turn. J. Habermas's communication actions theory is of great importance for the formation, development and actualization of the linguistic turn in general, discourse methodology in particular. J. Habermas managed to unite discourse ethics, cultural policies and communication theories to successfully condition human mutual understanding. In his opinion, speech activity, language abilities, motivation, intentions and results contribute to mutual understanding in the course of communication. Therefore, pragmatic interaction activity presents itself as nothing more but communication activity. According to J. Habermas's pragmatics, speech conditions humans' activity, whereas understanding presents humans' activity main goals. It is not surprising, that the attention is drawn from a phrase semantics to a discourse and its pragmatic analysis, incorporating social humans' existence into the pragmatic communication activity [6].

In this connection, the communication theory by T. van Dyke is also worth mentioning. In his opinion, any discourse takes place at a concrete spacial and temporal context, on the one hand, and the reflects the communicators' specific features, on the other hand [7].

It is no doubt, that sociological theory of P. Bourdeu presents itself as the fullest and the most important one explaining and describing the process of constructing social reality. Thus, any language is a social construct characterizing a language speaker as a constructor of social reality. Moreover, P. Bourdeu considers any language in the context of "habitus" agglomerating the whole scope of social and genetic features (dispositions) of language speakers. Human habitus defines individual specific mental, physical and psychological characteristics of any language speakers. Habitus, as a whole, generates individual practical activity, linguistic habitus presenting the combination of dispositions formed in the course of language education (at home, in the kindergarten, at school and so on). It means that various social groups possess various types of linguistic habitus – phonetical, lexical, grammatical, stylistic and they are socially structured and function under definite social conditions (linguistic market). It is quite natural that various social groups possess unequal access possibilities for adapting to linguistic markets [8]. P. Bourdeu's sociological approach takes place in the frames of the following concepts: "habitus", "linguistic capital", "symbolic

power”, “cultural capital”, “linguistic market” [9]. The cultural concept consists of three subtypes – incorporated, objectivized and institutionalized ones. In their turn, they can be defined as follows: linguistic capital as a part of incorporated cultural capital is transmitted from generation to generation and is composed of knowledge skills, types of education systems, which taken together provide with professional and career advantages [10]. Then, any language is a kind of economic capital which can be bought, sold or exchanged. Thus, any language in the context of social existence, possesses the so – called “soft violence”. What does it mean? All social contradictions are reflected in languages and they (languages) regulate social relations. The utterances (words, texts) expressing political, economic and socio-cultural forms of control become dominant effective tools of communication [11, p. 135].

The linguistic turn in the humanities follows the methodology of discourse analysis aiming at studying social problems by means of languages inner structures. They provide for understanding social problems of communication between a society and discourse making stress on a language role in constructing social reality and getting knowledge [12]. The linguistic turn in the humanities generated problems both in linguistic and sociological studies – the formation of two scientific disciplines – sociolinguistics and linguosociology. There are two points of view on their nature and objects. Any language can be looked upon and studied depending on the goals of the research. From the linguistic point of view any language is a homogeneous object; whereas sociolinguistic approach makes any language to be heterogeneous. For example, traditional linguistics divides the object of research vertically, namely: phonetics, morphology, syntax and so on. In its turn, sociolinguistics looks upon a language horizontally, namely: a literary language, functional styles and genres, territorial and professional dialects [13]. At first, the objects of linguistics and socio linguistics seem to be the same – a language. But, linguistics studies inner language structures, their origin and development in the course of time. Sociolinguistics studies a language in its social surrounding [14].

According to J. Fishman, linguosociology studies a language on a macro level dealing with language policy, language planning, language standards, language and ethnic problems. Sociolinguistics studies social categories, namely: class, age, gender, level of education on a micro level [15].

The difference between linguosociology and sociolinguistics is determined by a researcher’s focus of attention – a language analysis or a social structure. Thus, linguosociology is a part of theo-

retical sociology together with sociology of culture and sociology education, being autonomous sociological fields. Nevertheless, they have differences of research – the former considers a language in its relation to a society and language variations; the latter is a part of sociology studying a society by means of linguistic tools [16].

To make the difference between linguosociology and sociolinguistics, it is appropriate to give the following examples. In 1920–1930s in Russia some revolutionary linguists tried to create “marxist linguistics”. Of course, they failed but marxist sociology is more than 150 years old, linguosociology being its integral part. Or, bilingualism is deeply rooted in social problems. Sometimes the elite is bilingual if it is prestigious, or monolingual in the opposite case [17].

In conclusion, it should be noted that the linguistic turn in sociology is conditioned by nature trends in modern society, by objective mutual interrelation of various fields of human knowledge. In the course of time, under postindustrial information society languages’ impact on social life grew and humankind’s dependence on languages became quite vivid as languages possess universal power over people. Linguosociology as a part of theoretical sociology provides researchers with new productive and effective tools of studies.

References

1. Romanovsky N. V. Contemporary Sociology – Determinants of Changes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2009, no. 12, pp. 26–35 (in Russian).
2. Conte O. *Discours sur L’ensemble du Positivism*. Moscow, Librokom Publ., 2011. 200 p. (in Russian).
3. Weber M. *O nekotorykh kategoriyakh ponimayushchey sotsiologii* [On Some Categories of Understanding Sociology]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2010. 107 p. (in Russian).
4. Mead G. H. *Izbrannoe: sbornik perevodov* [Selected Works]. Moscow, INION RAN Publ., 2009. 290 p. (in Russian).
5. Makarov M. L. *Interpretativnyi analiz diskursa v maloy grupe* [Interpretative Analysis of Discourse in a Small Group]. Tver, Tver State University Publ., 1998. 200 p. (in Russian).
6. Habermas J. *Communication and the Evolution of Society*. Boston, Beacon press, Cop., 1979. 240 p.
7. Van Dyke T. A. *Yazyk, poznanie, kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress Publ., 1989. 310 p. (in Russian).
8. Bourdeu P. On the production and reproduction of legitimate language. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 2005, no. 2 (23), pp. 1–27 (in Russian).
9. Bourdeu P. *Nachala. Choses Dites*. Moscow, Socio-Logos Publ., 1994. 288 p. (in Russian).

10. Mogilevich B. R. Polylinguism as a Global Linguistic Capital. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2020, vol. 26, no. 1, pp. 188–208 (in Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-188-208>
11. Bourdeu P. *In Other Words: Essays Towards a Reflexive Sociology*. Stanford, California, Stanford University Press, 1990. 224 p.
12. Foucault M. *Power/knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977*. New York, Vintage Books, 1980. 270 p.
13. Nikolskiy L. B. *Sinkhronnaya sotsiolingvistika (Teoriya i problemy)* [Synchronic Sociolinguistics (Theory and Problems)]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 168 p. (in Russian).
14. Liu Juan. On the Linguistic Turn in Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2018, no. 7, pp. 115–123 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250000185-6>
15. Fishman J. A. *Advances in the Sociology of Language*. Vol. 1. The Hague, Mouton, 1971. 418 p.
16. Hudson R. A. *Sociolinguistics*. London, Cambridge University Press, 1996. 280 p.
17. Alpatov V. M. Sociolinguistics and Other Linguistic Disciplines. *Sociolinguistic Studies*, 2020, no. 1, pp. 9–16 (in Russian). <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-1-1-9-16>

Поступила в редакцию 22.08.2022; одобрена после рецензирования 26.08.2022; принята к публикации 31.08.2022
The article was submitted 22.08.2022; approved after reviewing 26.08.2022; accepted for publication 31.08.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 434–438

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 434–438

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-434-438>, EDN: UFQKAK

Научная статья

УДК 316:316.354:351/354:355.233

Оптимизация культурно-досуговой работы с курсантами высших учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации

Т. А. Терешонок

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Россия, 123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

Терешонок Татьяна Андреевна, младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований), tanyusha.tereshonok@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7820-8771>

Аннотация: Статья посвящена оценке культурно-досуговой работы с курсантами высших военных учебных заведений. В первую очередь, обоснована значимость досуга в Вооруженных Силах Российской Федерации, в частности в военных вузах, грамотная организация которого выполняет рекреационную, культурно-воспитательную, военно-массовую, культурно-просветительскую, регулятивную функции, а также функцию рациональной организации свободного времени и функцию коммуникативного процесса во внеслужебной обстановке. Анализ нормативной правовой базы, результатов авторского социологического исследования и других эмпирических данных, связанных с объектно-предметной областью статьи, позволил выявить проблему, касающуюся недостаточного количества мероприятий культурно-досуговой работы, способствующих удовлетворению потребности курсантов в самовыражении. На основе полученных данных предложены практические рекомендации по оптимизации функционирования культурно-досуговой работы в высших военных учебных заведениях.

Ключевые слова: культурно-досуговая работа, досуг, курсант, военнослужащий, военный вуз, военное образование, социология управления, военная социология

Для цитирования: Терешонок Т. А. Оптимизация культурно-досуговой работы с курсантами высших учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 434–438. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-434-438>, EDN: UFQKAK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Optimization of cultural and leisure activities for cadets at higher educational institutions of the Ministry of Defense of the Russian Federation

T. A. Tereshonok

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow 123001, Russia

Tatiana A. Tereshonok, tanyusha.tereshonok@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7820-8771>

Abstract. The article is devoted to the assessment of cultural and leisure work with cadets of higher military educational institutions. First of all, the importance of leisure in the Armed Forces of the Russian Federation, in particular at military universities, is substantiated, the competent organization of which performs recreational, cultural and educational, military mass, cultural and educational, regulatory functions, as well as the function of rational organization of free time and the function of the communicative process in an off-duty environment. The analysis of the legal framework, the results of the author's sociological research and other empirical data related to the subject area of the article revealed a problem regarding the insufficient number of cultural and leisure activities that help cadets satisfy their need for self-expression. Based on the data obtained, practical recommendations for optimizing the functioning of cultural and leisure activities at higher military educational institutions are proposed.

Keywords: cultural and leisure activities, leisure, cadet, serviceman, military university, military education, sociology of management, military sociology

For citation: Tereshonok T. A. Optimization of cultural and leisure activities for cadets at higher educational institutions of the Ministry of Defense of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 434–438 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-434-438>, EDN: UFQKAK

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Культурно-досуговая работа является неотъемлемой частью военно-политической работы в высших военных учебных заведениях и в целом в Вооруженных Силах Российской Федерации. Грамотная организация данного вида работы выступает эффективным социальным механизмом, стимулирующим духовно-личностный рост военнослужащего, развивающим его коллективные чувства, а также мобилиующим на решение задач по своему непосредственному предназначению.

Всесторонний анализ теоретических трудов, связанных с предметной областью настоящей статьи (И. Е. Мищенко [1], В. И. Колношенко, О. В. Колношенко [2]), позволил выделить основные функции культурно-досуговой работы в военных вузах:

– рекреационная – нацеленная на предупреждение и предотвращение нервного перенапряжения курсантов, эмоционального выгорания от учебной и служебной деятельности;

– культурно-воспитательная – формирование у будущих офицеров необходимых для исполнения социальной роли защитника Отечества профессиональных, морально-политических и духовно-нравственных качеств, способствующих повышению их общего уровня культурного развития и патриотизма;

– военно-массовая – предполагает оказание воздействия на курсантские коллективы с целью формирования и развития у них положительной мотивации к дальнейшей военно-профессиональной деятельности;

– информационно-просветительская – передача и пропаганда военно-политических, правовых, культурологических знаний военнослужащим, обеспечение информационной просвещенности, понимания и поддержки курсантами государственной политики в области обороны, решений Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации, а также своей причастности к защите конституционного строя, порядка, стабильности развития российского общества;

– культурно-творческая – приобщение курсантов к общечеловеческим, общекультурным ценностям, а также воинским традициям, раскрытие творческого потенциала военнослужащих, удовлетворение их духовных запросов, интересов, а также потребности в самореализации и самовыражении, возможность проявить себя в качестве субъекта социально значимой деятельности;

– функция рациональной организации свободного времени – содействие рациональному и полезному времяпровождению курсантов, способствующему восстановлению физических и

моральных сил, обеспечивающих поддержание на должном уровне морально-политического и психологического состояния военнослужащих, а также постоянной готовности к учебной и военно-профессиональной деятельности;

– функция коммуникативного процесса во внеслужебной обстановке – расширяет кругозор будущих офицеров, служит фактором подтверждения своего «я» среди окружающих, помогает заручиться поддержкой собственной военно-профессиональной деятельности;

– регулятивная функция – выступает фактором профилактики девиантного поведения военнослужащих.

Несмотря на то что на современном этапе развития Вооруженных Сил РФ культурно-досуговая работа в высших военных учебных заведениях располагает большим арсеналом средств воздействия на военнослужащих в целях их личностного развития средствами культуры и искусства, а также включает в себя множество форм и методов проведения мероприятий, в ее функционировании наблюдаются некоторые проблемы. Так, согласно результатам исследования Научно-исследовательского центра (социологического) Вооруженных Сил Российской Федерации, организация досуга внутри военных вузов характеризуется невысоким уровнем удовлетворенности курсантов (0,36 балла) [3]. Н. Н. Романов, Г. А. Романова, Е. Ю. Шакирова среди факторов, негативно влияющих на мотивацию будущих офицеров, также выделяют организацию досуга (около трети опрошенных (34%) недовольны организацией досуга в военных вузах). Вместе с тем названные исследователи среди доминирующих мотивационных показателей, влияющих на отношение курсантов к учебе, в первую очередь выделили уважение со стороны окружающих, родственников и друзей (89%) [4].

В авторском социологическом исследовании (проведено в 1 квартале 2020 г., опрошено 472 курсанта из 7 вузов Министерства обороны) присутствовал открытый вопрос относительно мнения будущих офицеров о способах повышения мотивации к военно-профессиональной деятельности. Так, респондентами было высказано несколько пожеланий в плане увеличения культурно-досуговых мероприятий, предусматривающих смену обстановки (к примеру, *Улучшить мотивацию курсантов можно путем введения мероприятий, касающихся смены обстановки; Хотелось бы больше посещать культурные места и взаимодействовать с культурными сообществами и пр.*).

Анализируя данные авторского социологического исследования, а также результаты других эмпирических исследований и научных работ,

мы выявили проблему, касающуюся недостаточного количества мероприятий культурно-досуговой работы, способствующих удовлетворению потребности курсантов в самовыражении. Самовыражение в настоящей статье не выступает синонимичным понятию «самореализация», а связано, скорее, с возможностью показать «собственное я» окружающим, испытать гордость за принадлежность к Вооруженным Силам РФ, почувствовать поддержку со стороны населения.

Современная «гражданская» молодежь располагает мощным инструментом самовыражения в виде социальных сетей, где они делятся своей жизнью, своими успехами и получают на это ответную оценку (разумеется, чаще всего положительную) от своих подписчиков [5]. У курсантов такая возможность находится в строгих рамках, потому можно предположить, что круг одобрения их успехов значительно уже, чем у сверстников. Данный факт объясняется также и другими аспектами закрытости института военной службы, помимо ограничений на использование социальных сетей [6]. Мы не умаляем важности указанных ограничений, а лишь пытаемся предложить предложения по мероприятиям, способствующим удовлетворению потребности курсантов в самовыражении посредством применения средств культуры и досуга.

Обращаясь к истории, можно констатировать тот факт, что военно-учебные заведения всегда играли большую роль в социокультурном пространстве города, и это позволяло будущим офицерам быть полноправными участниками светской жизни. Причем если в столицах военные училища были лишь частью городской жизни, хотя и весьма заметной, то в провинции они зачастую выступали в качестве ее ядра. В настоящее время военные вузы, особенно в больших городах, стали более закрытыми от внешней «гражданской» жизни. К примеру, на их базе не часто проводятся военные балы, ранее выступавшие ярким событием в жизни военнослужащего.

Русский поэт Петр Андреевич Вяземский говорил: «...мы учились любезничать, влюбляться. Пользоваться правами и вместе с тем покоряться обязанностям общежития. Тут учились мы и чинопочитанию и почитанию старости...» [7, с. 45]. Бальные мероприятия играют большую роль в самоутверждении и самовыражении курсанта, так как предоставляют возможность приобрести новые знакомства, пообщаться с интересными людьми, почувствовать себя человеком, обладающим истинной, традиционной для российского офицерства благородной изысканностью и изяществом манер, показать себя в красивой военной форме, ощутить свою уникальность.

Нельзя сказать о полном отсутствии практики проведения бальных мероприятий в высших военных учебных заведениях, но необходимо подчеркнуть ее значимость и небольшую распространенность. В качестве положительного примера можно привести Краснодарское высшее военное командное училище, где традиционно проводится Курсантский новогодний бал, или же Военную академию связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного, военнослужащие которой регулярно принимают активное участие в молодежных балах г. Санкт-Петербурга.

В Военном университете имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации с целью возрождения бальной культуры по инициативе преподавателя кафедры культуры и искусства в 2002 г. был сформирован Парадно-протокольный взвод «Высокий стиль», который функционирует и в настоящее время. Будущие офицеры совместно с девушками-студентками высших учебных заведений г. Москвы активно осваивают премудрости танцевальной культуры (вальс, полонез, кадрили, полька, падеграс и пр.), обучаются этикету, правилам хорошего тона, а также участвуют в проведении всевозможных балов и им подобных мероприятий.

В настоящее время не все военные вузы организуют офицерский выпускной бал. К сожалению, также встречаются случаи, когда такая практика либо не отличается большим масштабом, либо не получает должной информационной освещенности. Как положительный пример отметим Вольский военный институт материального обеспечения. При запросе «Первый лейтенантский вальс» в поисковой системе «Google» сразу же встречается видеозапись выпускного вальса, организованного именно этим военным учебным заведением. В комментариях под названным видео люди написали более тысячи доброжелательных комментариев, к примеру: *Душа радуется, глядя на таких молодых и красивых. Будьте счастливы наши сыновья. Пусть никогда не случится то, что омрачит вашу жизнь; Мороз по коже, какая душевность и красота. Счастья, мира и радости вам, родные наши Защитники Отечества* [8]. Приведенные высказывания свидетельствуют о том, что офицерский выпускной вальс способствует не только самоутверждению курсантов, но и повышению престижа военной службы, потому требует тщательного внимания со стороны органов военного управления.

Вышеуказанные военные учебные заведения подают отличный пример возрождения ценного опыта и лучших традиций офицерской армии. На наш взгляд, в целях исполнения п. 9 ст. 19 Федерального закона от 27.05.1998 «О

статусе военнослужащих» («Командиры обязаны разрабатывать и осуществлять систему мероприятий по патриотическому, нравственному и эстетическому воспитанию военнослужащих, прививать им уважение к воинским традициям, создавать условия для развития самостоятельного творчества» [9]) и п. 5 Приказа Министра обороны Российской Федерации «Об организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации» («В военно-политической работе основные усилия сосредотачиваются на формировании и развитии у личного состава чувства любви и верности своему Отечеству – Российской Федерации, ее истории, национальным, культурным и духовным ценностям, традициям Вооруженных Сил, воинской чести и чувства достоинства, гордости за свою профессию и службу в Вооруженных Силах» [10]) будет целесообразным расширить масштаб указанных в настоящей статье мероприятий (к примеру, в Парадно-протокольном взводе «Высокий стиль» в настоящее время всего около 10 пар), а также распространить и использовать этот ценный опыт среди других высших военных учебных заведений.

В настоящее время военные вузы не в полной мере используют социокультурное пространство населенных пунктов (подобный вывод в своем диссертационном исследовании делает С. И. Бастраков [11]). Помимо традиционных для института военной службы мероприятий, курсанты могут проявить себя и в других полезных собраниях, как по месту дислокации вуза, так и в других городах России, к примеру в молодежных образовательных форумах. Так, в 2020 г. в соответствии с решением Министра обороны РФ делегация Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (в том числе и курсанты) приняла участие во Всероссийском молодежном образовательном форуме «Территория смыслов» в смене «Служение Отечеству» для сотрудников и обучающихся силовых министерств и федеральных служб: Минобороны, МВД, Росгвардии, ФТС, МЧС, Генпрокуратуры и Следственного комитета, а также представителей военно-патриотических клубов и поисковых отрядов. В рамках образовательной программы были рассмотрены вопросы измерения общественных настроений как факторы принятия эффективных решений, борьбы за справедливость, создания благоприятной среды через служение людям, а также разработаны предложения по повышению эффективности межведомственного взаимодействия.

В современных реалиях государство уделяет большое внимание развитию молодежной поли-

тики, потому организовано множество подобных форумов «Территория смыслов» площадок как всероссийского, так и регионального уровня (к примеру, «Байкал», «Таврида», «Алтай. Территория развития», «Восток», «Ростов», «Иволга», «Ладога» и др.), но, к сожалению, смены, связанные с силовыми структурами, их образовательными программами не предусмотрены. При этом организаторы охотно идут на сотрудничество и открыты к новым идеям, что диктует необходимость проявления инициативы со стороны органов военного управления к сотрудничеству с оргкомитетом названных выше молодежных образовательных форумов. Участие в данных мероприятиях, по нашему мнению, поможет курсантам сменить обстановку, получить ценные знания, зарядиться позитивной энергией и обрести новые полезные знакомства.

Среди других общественно значимых проектов следует назвать День добровольца (волонтера), установленный Указом Президента [12] с целью признания распространения информации о неустанной работе тех, кто готов тратить свое время и силы, чтобы сделать мир лучше и добрее, кто неравнодушен к чужой беде, кто по зову сердца приходит на помощь нуждающимся и на постоянной основе бескорыстно приносит пользу людям. А ведь мало кто знает, что в Европе понятие «волонтер» впервые применялось именно к солдатам-добровольцам, участвовавшим в европейских войнах XVI в. Как правило, самыми крупными площадками проведения праздника выступают культурные дворцы в г. Москве, где с участием известных певцов и актеров проводятся массовые мероприятия, флешмобы, конкурсы в поддержку креативных, желающих развиваться и приносить пользу человечеству людей со всей России. Курсанты могут встретиться с людьми родом из маленьких городов, которые за свои идеи получали большие гранты, узнать о благотворительных и патриотических организациях, увидеть примеры истинной взаимопомощи, вдохновиться новыми идеями и просто отдохнуть, психологически разгрузиться.

Также в качестве предложения хотим осветить идею участия курсантов в мероприятиях органов законодательной власти (парламентских слушаниях, круглых столах, заседаниях Комитета Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по обороне и пр.). Среди студентов «гражданских» вузов достаточно распространена такая практика, причем организация процедуры участия крайне проста – ответственному лицу (представителю вуза) необходимо связаться с организатором мероприятия и заявить о желании присутствовать на мероприятии определенной группы. Список актуальных

событий с соответствующей контактной информацией публикуется на официальных сайтах органов законодательной власти. Организаторы также открыты к такого рода сотрудничеству и впоследствии уже сами на регулярной основе приглашают для участия заинтересованных лиц, поскольку Президент РФ неоднократно обращал внимание на важность мнения молодежи в большой политике (одно из его высказываний: «Молодежь – это опора сегодняшнего дня и будущее России» [13]).

Продолжая тему излишней закрытости вузов, хочется в качестве хорошего примера привести филиал Военной академии материально-технического обеспечения в г. Омске, где регулярно проводятся встречи его руководства с родственниками, девушками курсантов, где им рассказывают о специфике военной службы, призывают с пониманием относиться к ее тяготам и лишениям, а также прививают гордость за близких людей. Вместе с тем данное военно-учебное заведение с положительной стороны отмечается в области регулярной организации праздников. Хочется отметить и Омский автобронетанковый инженерный институт, где в 2021 г. курсанты организовали интернациональную Масленицу с приглашением членов семей военнослужащих. Главной темой праздника стала дружба народов, поскольку здесь учатся курсанты из 32 государств [14].

Таким образом, культурно-досуговая работа в высших военных учебных заведениях выступает мощным инструментом всестороннего развития личности военнослужащего, способствует удовлетворению его основных потребностей и реализации личностного потенциала, потому необходимо поддерживать ее организацию на стабильно высоком уровне. На наш взгляд, учет выводов, сделанных в статье, и внедрение практических предложений в деятельность органов военного управления может способствовать совершенствованию функционирования культурно-досуговой работы в военных вузах.

Список литературы

1. Мищенко И. Е. Профилактика девиантного поведения курсантов военных вузов средствами культурно-досуговой деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2017. 204 с.
2. Колношенко В. И., Колношенко О. В. Развитие концепции культурно-досуговой работы в Вооруженных Силах Российской Федерации в современных условиях // Военный академический журнал. 2020. № 3 (27). С. 79–85.
3. Голубцов К. А. Проблемы военно-профессиональной ориентации и мотивации курсантов к обучению и дальнейшему прохождению службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в 2018 году // Военно-социологические исследования: сборник информационно-аналитических и методических статей. 2019. № 1 (63). С. 30–42.
4. Система мотивации и планирование военной карьеры курсантами-вертолетчиками / Н. Н. Романов, Г. А. Романова, Е. Ю. Шакирова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Моисеева. Ульяновск : Зебра, 2018. 184 с.
5. Терешонок Т. А. Взгляд современной молодежи на перспективу построения семьи. Контент-анализ интернет-мемов // Социальная динамика населения и устойчивое развитие : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Москва, 10 октября 2019 г.; МГУ имени М. В. Ломоносова) / под общ. ред. А. И. Антонова. М. : МАКС Пресс, 2019. С. 313–315.
6. Терешонок Т. А. Структура процесса подготовки курсантов к военно-профессиональной деятельности: социолого-управленческий аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 85–89. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-85-89>
7. Лотман Ю. В. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XIII – начало XIX века). СПб. : Азбука, 2021. 608 с.
8. Лейтенантский вальс выпускников Вольского военного института материального обеспечения. URL: https://www.youtube.com/watch?v=6jK_3MOL-YM (дата обращения: 17.06.2022).
9. О статусе военнослужащих : федер. закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Об организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации : приказ Министра обороны РФ от 22 июля 2019 г. № 404. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. Бастраков С. И. Развитие воспитательной среды современного военного вуза в условиях перестройки военного образования : дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2021. 224 с.
12. О Дне добровольца (волонтера) : указ Президента РФ от 27.11.2017 № 572. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42521> (дата обращения: 20.06.2022).
13. Путин назвал молодежь опорой сегодняшнего дня и будущим России // РИА-новости. URL: <https://ria.ru/20181220/1548320561.html> (дата обращения: 20.06.2022).
14. Дорошенко Е. В Омском автобронетанковом инженерном институте проводили зиму // ГТРК «Иртыш». URL: <https://vesti-omsk.ru/news/society/omichej-namaslenicu-nakormjat-jekzoticheskimi-bljudami-afriki/> (дата обращения: 20.06.2022).

Поступила в редакцию 06.08.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 06.08.2022; approved after reviewing 20.08.2022; accepted for publication 29.08.2022

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 439–447
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 439–447
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-439-447>
EDN: SXHJNW

Научная статья
УДК 32.01+32.002:004.8(476+470)

Теоретико-методологические основы анализа политики в сфере искусственного интеллекта

Е. М. Ильина

Белорусский государственный университет, Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, д. 4

Ильина Елена Михайловна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии, IlyinaEM@bsu.by, <https://orcid.org/0000-0002-9586-2679>

Аннотация. Статья посвящена теории и методологии анализа процесса формирования и реализации политики в сфере искусственного интеллекта с учетом мирового опыта и белорусских политико-правовых реалий. Показан экспликативный потенциал пятифазовой модели политико-управленческого цикла как методологической предпосылки анализа политики в сфере искусственного интеллекта в условиях цифровой трансформации. Установлено, что Республике Беларусь необходима разработка национальной стратегии развития искусственного интеллекта и ставка на системную политику, позиционирующую искусственный интеллект как одно из важнейших слагаемых в формуле роста национальной конкурентоспособности. В условиях неопределенности современной геополитической обстановки и санкционных ограничений на политической повестке дня стоит вопрос активизации белорусско-российской кооперации в области микроэлектроники.

Ключевые слова: политика в сфере искусственного интеллекта, цифровая трансформация, пятифазовая модель политико-управленческого цикла

Для цитирования: Ильина Е. М. Теоретико-методологические основы анализа политики в сфере искусственного интеллекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 439–447. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-439-447>, EDN: SXHJNW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

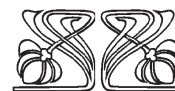
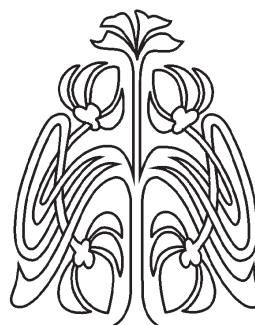
**Theoretical and methodological foundations of policy analysis
in the sphere of artificial intelligence**

E. M. Ilyina

Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Belarus

Elena M. Ilyina, IlyinaEM@bsu.by, <https://orcid.org/0000-0002-9586-2679>

Abstract. The article is devoted to the theory and methodology of analysis of the process of formation and implementation of policy in the sphere of artificial intelligence, taking into account world experience and Belarusian political and legal realities. The explicative potential of the five-phase model of the political and administrative cycle is shown as a methodological prerequisite for the

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

analysis of policy in the sphere of artificial intelligence in the context of digital transformation. It has been established that the Republic of Belarus needs to develop a national strategy for the development of artificial intelligence and rely on a system policy that positions artificial intelligence as one of the most important components in the formula for increasing national competitiveness. In the context of the uncertainty of the current geopolitical situation and sanctions restrictions, the issue of enhancing Belarusian-Russian cooperation in the sphere of microelectronics is on the political agenda.

Keywords: policy in the sphere of artificial intelligence, digital transformation, five-phase model of the political and administrative cycle

For citation: Ilyina E. M. Theoretical and methodological foundations of policy analysis in the sphere of artificial intelligence. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 439–447 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-439-447>, EDN: SXHJNW

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одной из наиболее значимых, но в то же время дискуссионных сквозных технологий цифровой трансформации является искусственный интеллект (от англ. Artificial Intelligence, AI) (далее – ИИ). В гонке за лидерство в сфере ИИ за последние пять лет более 30 стран мира приняли национальные стратегии развития ИИ, активно инвестируя в проекты создания интеллектуальных систем, формируя регуляторные и образовательные среды, продвигая собственное видение развития технологий ИИ на международной арене.

Активное проведение исследований в сфере ИИ и робототехники, согласно Докладу ЮНЕСКО, стало одним из трендов мировой науки: только за 2018–2019 гг. опубликовано более 275,5 тыс. работ, посвященных ИИ [1, р. 36–37]. В частности, среди публикаций видных американских и китайских ученых в сфере ИИ можно выделить труды Н. Бострома, П. Домингоса, Т. Дэвенпорта, Кай-Фу Ли, Р. Курцвейла, Д. Маркоффа, П. Норвига, С. Рассела. В российской научной литературе, посвященной ИИ, известны работы И. А. Быкова, К. А. Даллакяна, О. Э. Карпова, В. А. Лаптева, П. М. Морхата, И. А. Соколова, Л. Н. Ясницкого, С. Н. Федорченко, А. Е. Храмова и др.

В белорусской академической среде наблюдается стабильный рост интереса к технологиям ИИ. Ряд актуальных философских, правовых и технических аспектов развития ИИ нашел отражение в публикациях таких отечественных ученых, как С. В. Абламейко, А. А. Бочков, А. И. Белоус, В. И. Бельский, В. Г. Гусаков, В. А. Головкин, Е. Б. Дунина, Е. А. Корчевская, В. М. Пашкевич, П. О. Потапейко, А. В. Тузинов, А. Ф. Чернявский и др. Однако, несмотря на имеющийся научный задел, остается широкий круг вопросов, нуждающихся в дальнейшем изучении именно с позиций политической науки, так как целенаправленного политологического исследования процесса разработки и имплементации политики в сфере ИИ с учетом мирового опыта и белорусских политико-правовых реалий не проводилось, и данное исследование призвано восполнить этот пробел.

Композиция структурных частей статьи обусловлена логикой доминирующего в исследовании методологического инструментария анализа политических процессов. Важнейшей методологической предпосылкой данного анализа, как отмечает доктор политических наук С. В. Решетников, является выделение ключевых фаз политического цикла [2, с. 40]. Одной из самых отработанных версий моделирования политико-управленческого цикла выступает так называемая пятифазовая модель, представленная в трудах американских ученых Дж. Андерсона и У. Данна и получившая дальнейшее развитие в работах российских политологов А. А. Дегтярева, Т. Ю. Руссо.

Согласно пятифазовой модели первой фазой политического процесса является *формирование и формулирование политических проблем в сфере ИИ*. В развитии ИИ как экспериментального в своей основе междисциплинарного научного направления, связанного с проектированием интеллектуальных компьютерных систем, выделяют периоды подъема и спада его популярности [3, с. 25–33]. Термин «искусственный интеллект» был введен в научный оборот на первом семинаре по ИИ в Дартмутском колледже (США), организованном в 1956 г. американскими учеными Д. Мак-Карти, М. Мински, Н. Рочестером и К. Шенноном, что стало официальной точкой отсчета изучения ИИ как новой отрасли науки. Подъем интереса к ИИ, связанный с созданием математической модели нейрона мозга человека, первой нейросети и первого нейрокомпьютера при поддержке государства и бизнеса, сменяется спадом его популярности или первой «зимой» ИИ в 1970-е гг. С разработкой экспертных систем в 1980-е гг. начинается новый виток общественного признания искусственных интеллектуальных систем, который завершается второй «зимой» ИИ. С начала 1990-х гг. – очередная волна интереса к ИИ, подходам, основанным на нейронных сетях, генетических алгоритмах и машинном обучении, также ознаменовавшаяся успехами в решении специализированных задач и разработкой игровых программ с ИИ,

способных одерживать победу над человеком. В условиях появления дешевых и мощных вычислительных ресурсов, совершенствования алгоритмов работы с глубокими нейронными сетями и сбора больших объемов данных после 2010 г. в сфере ИИ наблюдается рывок вперед, связанный с запуском крупных исследовательских инициатив в США, Китае, Западной Европе и России.

В Беларуси передовые разработки, связанные с созданием и применением средств и методов ИИ (обработка изображений, распознавание и синтез речи, нейросетевое моделирование), а также робототехникой, ведутся в академической и образовательной средах еще со второй половины XX в. Научный фундамент, заложенный в советский период, создал хорошие предпосылки для притока квалифицированных кадров в отечественный ИИ-сектор.

Представленный в публичном дискурсе спектр взглядов на сущность и потенциал ИИ варьируется от крайне оптимистических (ИИ предоставляет человечеству невиданные ранее возможности для развития во всех сферах и открывает реальные перспективы кибернетического коммунизма), алармистских (появление ИИ связано с новыми вызовами «восстания машин», создания искусственного сверхума и эсхатологической перспективой) до пессимистических (создание ИИ вообще невозможно, так как интеллект является имманентной характеристикой человека, а не машины) [4, с. 12].

Прослеживается тесная взаимосвязь и взаимопроникновение категорий «искусственный интеллект», «робот», «киберфизическая система», «кибербиологическая система» и тенденция усиления интеграции во времени и пространстве физических объектов, биологических элементов, коммуникационных сетей и программного обеспечения. Системы ИИ условно делятся на два типа: слабый (узкий, NAI) ИИ, который уже сегодня занимается решением узкоспециализированных задач и с переменным успехом достигает конкретных поставленных целей (предиктивная аналитика больших данных, цифровое профилирование физических и юридических лиц, интеллектуальные боты, дипфейк-технологии, машинные алгоритмы обработки естественного языка и др.), и сильный (общий, GAI) ИИ, способный решать широкий спектр интеллектуальных задач наравне с человеческим разумом и во многих смыслах даже превосходящий его. По словам ведущего исследователя корпорации Google и компании DeepMind доктора Нандо де Фрейтаса, «по мере того, как масштабируют ИИ, мы приближаемся к созданию сильного ИИ» (цит. по: [5]).

Второй фазой политического процесса является *выдвижение политических проблем на авансцену политики в сфере ИИ*. Политические приоритеты в области ИИ включаются в официальную повестку дня органов власти на дискуссионных площадках Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР), Совета Европы, Европейского союза (далее – ЕС), ЮНЕСКО, Международного союза электросвязи, Всемирной организации интеллектуальной собственности, Конференции ООН по торговле и развитию. В 2020 г. ОЭСР запустила масштабную цифровую платформу AI Policy Observatory для оказания помощи в развитии надежных систем ИИ. ЮНЕСКО в партнерстве с межправительственными организациями разработана специализированная онлайн-площадка GlobalPolicy.AI для обмена полезными ресурсами и передовым опытом формирования политики в области ИИ. Также подобные информационно-аналитические платформы функционируют на уровне ЕС, например AI Watch, и на базе Стэнфордского университета – Human-Centered AI.

В условиях правовой неопределенности в сфере ИИ Европейский союз, придавая особую важность этическим принципам, исходит из жесткого риск-ориентированного подхода к регулированию ИИ и предлагает ужесточить требования к стандартизации систем ИИ, ограничить использование высокорисковых ИИ-решений, а Китай, США и Россия полагают, что избыточное регулирование может привести к технологическому отставанию. В контексте проблемы контроля данных, необходимых для машинного обучения, выделяют американский подход, который поддерживается позицией ОЭСР и ЕС и предполагает неограниченный доступ к данным, и китайский подход, ориентированный на ограничение потоков данных пределами государственной территории [6, с. 5].

С учетом тесной связи ИИ с уровнем вычислительных мощностей на повестке дня политики в сфере ИИ остро стоит проблема дефицита полупроводниковой продукции, обострившаяся на фоне пандемии COVID-19 и санкционных ограничений. Нерешенным остается вопрос о правовом статусе ИИ и юридической природе плодов его деятельности, обладающих признаками объектов авторского права и демонстрирующих явную коммерческую значимость и инвестиционную привлекательность, что в условиях отсутствия адекватного правового регулирования может привести к нарушению прав добросовестных правообладателей, технологическому разрыву и развитию теневой экономики [7, с. 140].

Третьей и четвертой фазами политического процесса выступают *стадии принятия и инструментализации политических решений в сфере ИИ*. На современном этапе одним из ключевых механизмов принятия решений в области ИИ является разработка стратегий и стандартов развития ИИ. Соответствующие документы утверждены крупнейшими в мире владельцами патентов на высокие технологии и признанными в мире лидерами в сфере ИИ – Китаем и США, а также Японией, Канадой, Южной Кореей, ОАЭ, Сингапуром, Индией, Великобританией и др. На уровне ЕС национальные стратегии приняты в 19 государствах-членах и, несмотря на различия в подходах к политике ИИ, четко коррелируют с базовыми документами ЕС в сфере ИИ (Белая книга ИИ: европейский подход к совершенству и доверию 2020 г., Скоординированный план по ИИ 2021 г.).

В международном масштабе приняты более тысячи актов рекомендательного характера, затрагивающих вопросы этики ИИ. В рамках Совета Европы действуют Европейская этическая хартия об использовании ИИ в судебных системах и окружающих их реалиях (2018 г.), Руководство о защите данных при использовании ИИ (2019 г.), Рекомендация о влиянии алгоритмов на права человека (2020 г.) и другие, создан Специальный комитет по регулированию ИИ (САНАИ). В 2019 г. ОЭСР разработаны Рекомендации по ИИ. Одним из наиболее обсуждаемых решений в данной сфере стала совместная инициатива Ватикана, Продовольственной и сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций, корпораций IBM и Microsoft – Римский призыв к этике ИИ, включающий шесть ключевых принципов «алгоритмической этики»: прозрачность, инклюзивность, ответственность, беспристрастность, надежность, безопасность и конфиденциальность [8, р. 6]. Крупные ИТ-компании (Microsoft, Google, SAP, Siemens и др.) занимаются разработкой корпоративных кодексов этики в сфере ИИ.

193 государства-члена ЮНЕСКО одобрили первые в истории глобальные стандарты этических аспектов ИИ, направленные на установление необходимой нормативной основы безопасного развития ИИ и защиты персональных данных, возлагая на государства ответственность за ее применение и напрямую запрещая использование систем ИИ для социальной оценки и массового наблюдения [9].

В 2021 г. Еврокомиссия инициировала обсуждение первого в мире законопроекта об ИИ с целью создания единого рынка и регуляторного режима разработки и эксплуатации ИИ,

призванного гарантировать безопасность и соответствие европейскому законодательству систем, основанных на ИИ [10].

Стандартизацией систем ИИ активно занимаются Международная организация по стандартизации, Европейский институт стандартов электросвязи, Институт инженеров электротехники и электроники и др.

На пространстве Евразийского экономического союза только Россия утвердила Национальную стратегию развития ИИ на период до 2030 г., федеральный проект «Искусственный интеллект», разработала Кодекс этики искусственного интеллекта, представила проекты национальных стандартов в области ИИ, запустила в Москве пятилетний экспериментальный правовой режим для развития ИИ и разработала дорожную карту по внедрению технологий ИИ в регионах страны. Сегодня санкционная политика США и стран Западной Европы в отношении России осложнила ситуацию на российском рынке ИИ, поставив на паузу многие ИИ-проекты в государственном секторе и бизнесе. С учетом текущей повестки противодействия санкциям российское правительство утроило финансовую поддержку разработчиков ИИ-систем.

В Беларуси первые шаги в отношении регулирования национальной ИИ-отрасли приняты в Декрете Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики», которым, наряду с созданием беспрецедентных правовых условий и налоговых преференций для резидентов Парка высоких технологий, запланировано проведение эксперимента для апробации новых правовых институтов на предмет возможности их имплементации в гражданское законодательство страны. При этом иные национальные нормативные правовые акты не содержат норм, регулирующих данные отношения [11, с. 43]. Белорусское законодательство закрепляет дефиницию термина «робот», применяемую для целей Государственного военно-промышленного комитета и Государственного таможенного комитета Республики Беларусь.

На современном этапе политический курс на цифровую трансформацию всех сфер жизнедеятельности закреплен Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг., ключевым инструментом имплементации которого в текущем пятилетии является Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. Данной программой предусмотрены разработка и внедрение ИИ-решений, в том числе комплек-

сов интеллектуальной обработки данных, интеллектуальных систем и платформ в рамках концепции «умный город», управления производственными процессами, расчета налогов, мониторинга общественной безопасности и обстановки на государственной границе и др. Робототехника и ИИ относятся к приоритетным направлениям научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 гг., утвержденным Указом Президента Республики Беларусь № 156 от 7 мая 2020 г. Системы ИИ и роботизация являются одним из ключевых элементов долгосрочной национальной стратегии развития науки и технологий до 2040 г., направленной на формирование модели белорусской экономики, основанной на интеллекте, – «Беларуси Интеллектуальной». В целях совершенствования управления процессами цифрового развития Министерство связи и информатизации Республики Беларусь наделено дополнительными функциями государственного управления в сфере цифровой трансформации, во всех органах власти предусмотрено закрепление ответственных лиц за вопросами цифрового развития и определение «офисов цифровизации» [12].

Отечественные достижения в сфере интеллектуальных систем и робототехники ассоциируются преимущественно с деятельностью ряда институтов Национальной академии наук Беларуси (например, Объединенный институт проблем информатики и Институт физиологии, на базе которых функционирует Межведомственный исследовательский центр ИИ, Физико-технический институт) [13, с. 8–9], ведущих вузов республики (БГУ, БГУИР, БНТУ и др.), компаний-резидентов Парка высоких технологий (EPAM, Viber), стартапов (MSQRD, Flo, AIMatter, Lung Passport, OneSoil), белорусских предприятий (БЕЛАЗ, МАЗ), Белорусского общественного объединения специалистов в области ИИ и др. По итогам 2020 г. доля сектора информационно-коммуникационных технологий в ВВП Беларуси составила 7,4%, опередив по своему влиянию на белорусскую экономику такие традиционные отрасли, как сельское хозяйство и строительство [14, с. 27].

В условиях сложившейся геополитической обстановки и санкционных ограничений белорусским правительством разработан комплексный план поддержки экономики, в том числе отечественного ИТ-сектора, предполагающий установление гарантий стабильности правового положения и действия льгот и преференций для резидентов Парка высоких технологий на период до 1 января 2049 г., проработку вопросов о допуске программного обеспечения, произведе-

нного резидентами Республики Беларусь, для участия в закупках в России и об ограничении закупок и использовании иностранного программного обеспечения на критически важных объектах информатизации в Беларуси и др.

В гонке за лидерство на мировом рынке полупроводниковой продукции все индустриально развитые страны мира приняли собственные стратегии развития микроэлектронной промышленности: американская стратегия направлена на завоевание глобального рынка полупроводников посредством глобальной кооперации и существенного увеличения финансирования совместных с их союзниками научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области микроэлектроники; стратегия Китая предполагает обеспечение внутреннего рынка и конкуренцию с США на мировом рынке; стратегии ЕС и России исходят в первую очередь из обеспечения собственных внутренних потребностей в полупроводниковой продукции [15, с. 19–21]. В Республике Беларусь разработан проект Концепции развития исследований и разработок в области создания экспортно-ориентированной и импортозамещающей электронной компонентной базы на 2021–2025 гг. Реализуются совместные научно-технические программы Союзного государства в сфере микроэлектроники.

Пятой фазой политического процесса является *оценка принятых решений в сфере ИИ*, которая может пронизывать все стадии политического цикла. Уровень развития науки и технологий, связанных с ИИ, отражает количество научных публикаций по указанной проблематике в высокорейтинговых изданиях. Согласно данным анализа публикационной активности по тематике ИИ за 2016–2020 гг. (на основе базы данных научного цитирования Web of Science Core Collection), топ-30 стран по числу научных публикаций в области ИИ возглавляет Китай (76,3 тыс. публикаций), на второй позиции – США (44,4 тыс.), на третьей – Индия (27 тыс.), 17-е место досталось России (4,8 тыс.), замыкает список Румыния (2,3 тыс. публикаций) [16].

В соответствии с отчетом Стэнфордского университета, AI Index Report 2022, за последние пять лет количество принятых законов, связанных с ИИ, увеличилось с 1 в 2016 г. до 18 в 2021 г., при этом лидерами по числу принятых законопроектов являются США, Испания, Великобритания, Россия и Бельгия [17, р. 3, 179]. Также с 2014 г. наблюдается значительный спрос на исследования алгоритмической справедливости и предвзятости и пятикратный рост числа публикаций на конференциях, посвященных этике ИИ.

В рейтинге готовности государств использовать ИИ для предоставления гражданам государственных услуг Government AI Readiness Index 2021 (рассчитан компанией Oxford Insights) Беларусь занимает 73-е место из 160 стран мира (для сравнения: Россия – 38-е место), в топ-5 стран с самыми высокими показателями вошли США, Сингапур, Великобритания, Финляндия и Нидерланды [18, р. 62, 64].

Представляется, что отсутствие универсальной конвенционально признаваемой нормативной дефиниции ИИ осложняет выбор критериев оценки принятых ИИ-решений и в определенной степени снижает ее объективность. Позиции Беларуси и России в указанных выше рейтингах не всегда в полной мере отражают реальную ситуацию в сфере разработки и использования систем ИИ (число исследований в области ИИ не всегда релевантно числу научных публикаций в высокорейтинговых изданиях, базовые ИИ-решения уже довольно давно и широко распространены в различных сферах жизнедеятельности Белорусского государства и общества и др.).

В последние годы для определения организационного и технологического уровней зрелости компании и ее процессов в отношении использования ИИ в зарубежной практике широко применяют модели оценки зрелости ИИ (AI Maturity Model, AIMM), например, в сфере аудита или для малых и средних предприятий [19]. Оценка проводится на основе набора определенных характеристик (стратегия, данные, технологии, персонал, руководство, бюджет, продукты и сервисы, этика и ответственность, культура и мышление), измерение и сравнение которых позволяет понять уровень ИИ-зрелости и выбрать необходимые мероприятия для его повышения в целях извлечения максимальной выгоды от технологий ИИ (ранжирование осуществляется по пяти уровням зрелости от начального состояния осведомленности о процессах развития ИИ, когда компании знают об интеллектуальных системах, но пока не используют их, до высшего уровня масштабного внедрения машинного обучения и интеллектуального анализа информации, где оцениваемые процессы в сфере ИИ уже полностью оптимизированы и интегрированы в бизнес и управление). Так, согласно модели оценки ИИ-зрелости американской консалтинговой компании Gartner, большинство организаций в настоящее время находятся на уровне осведомленности об ИИ, и, по прогнозам, половина компаний во всем мире сможет достичь уровня стабильного внедрения технологий ИИ в повседневную практику или выйти за его пределы не ранее 2025 г. [20].

В контексте оценки ключевых решений в сфере ИИ определенный интерес представляет Hype Cycle компании Gartner (от англ. hype – шумиха, ажиотаж) – универсальная методика графического отображения поэтапного цикла развития любого ИИ-решения с течением времени с учетом общественных ожиданий [21]. По данным Gartner, S-образная кривая жизненного цикла технологий ИИ проходит пять фаз зрелости, и большинство технологических инноваций в сфере ИИ (общий ИИ, малые и широкие данные, ответственный ИИ, генеративный ИИ, синтетические данные, интеллектуальная поддержка принятия решений, цифровая этика и др.) находятся на «склоне разработки и запуска технологий» и «пике завышенных ожиданий» целевой аудитории на фоне поднявшейся шумихи в СМИ. По мнению аналитиков Gartner, это пока не является гарантией их дальнейшего успеха и свидетельствует лишь о том, что многие конечные пользователи хотят применять ИИ для решения задач, для которых интеллектуальные системы еще не приспособлены. В условиях негативной информационной повестки, лавины критических замечаний из-за допущенных ошибок, а затем постепенного спада общественного интереса некоторые уже апробированные в той или иной мере технологии ИИ (облачные сервисы для ИИ, нейросети глубокого обучения, обработка естественного языка, машинное обучение, интеллектуальные приложения, чат-боты, автономные транспортные средства, компьютерное зрение) принимаются менее 5% аудитории и скатываются в «пропасть разочарования», что не всегда означает их полный провал, стагнацию и забвение. После кропотливой работы над ошибками и глобальной адаптации за счет очередного реального роста интереса аудитории к ИИ-продукту по «склону просвещения» поднимается технология семантического поиска. На «плато продуктивности» пока не вышла ни одна из технологических инноваций в сфере ИИ, которая бы доказала свою эффективность как бизнес-модель и завоевала определенное место на рынке, став удобным ИИ-решением для более чем 20–30% целевой аудитории.

В целом, если ИИ, как общую концепцию, поместить на график хайп-цикла, то на современном этапе он бы спускался с «пика завышенных ожиданий», т. е. технологические решения ИИ начинают приносить реальную пользу бизнесу и оправдывать общественные ожидания. При этом в развитии ИИ выделяют две тенденции, связанные с демократизацией (доступность ИИ-решений для более широкого круга лиц) и индустриализацией (расшире-

ние сфер применения ИИ-платформ, рост их масштабируемости и улучшение безопасности).

Оценочные процедуры предполагают широкую экспертную дискуссию. По оценкам ряда аналитиков, российский подход к развитию ИИ, не похожий в полной мере ни на китайский, ни на западный путь, опирается в большей степени на крупнейшие корпорации и компании с государственным участием, входящие в Альянс в сфере ИИ, и направлен в том числе на усиление военного ИИ-вектора [22]. При этом наиболее слабым звеном в механизме широкого внедрения ИИ в России является проблема коммерциализации и стабильно низкое число стартапов в сфере ИИ. Как отмечает доктор географических наук В. И. Блануца, «сравнение публикационной активности российских и зарубежных ученых указывает на невозможность вхождения России в десятку стран-лидеров по ИИ в ближайшие пять лет, более того, нацеленность на достижение Россией лидирующих позиций в мире не соответствует глобальной ситуации и существующим тенденциям по основным направлениям развития ИИ», предлагая сосредоточить усилия на разработке искусственного суперинтеллекта [23, с. 86].

Оценивая развитие ИИ в Беларуси, доктор технических наук А. Н. Курбацкий констатирует: «...у нас небольшая страна, но были неплохие предпосылки для развития ИИ. Сейчас уже нет этой основы, своих школ практически не осталось, почти исчерпаны собственные разработки. ИТ-бизнес старается держаться в тренде, но это в основном небольшие компании, они не могут вкладываться в масштабные научные исследования, используют готовые решения с открытым исходным кодом» (цит. по: [24]). Также серьезными вызовами для развития национального ИИ-сектора являются дефицит отечественного производства готовых конечных ИИ-продуктов для белорусских потребителей, технологическая зависимость критически важных объектов информатизации от импорта иностранного программного обеспечения, утечка мозгов из ИИ-сектора, нехватка полупроводниковой продукции и необходимых вычислительных мощностей, недостаток высокорейтинговых научных публикаций, патентов и стандартов в области ИИ, отсутствие связей и опыта для выхода на международный рынок высокоинтеллектуальной продукции, снижение интереса к белорусским ИИ-стартапам со стороны венчурных фондов, цифровая дискриминация, ограничение доступа к международным цифровым платформам и хранилищам данных, патентная блокада и другие санкционные риски.

Таким образом, пятифазовая модель политико-управленческого цикла обладает определенным экспликативным потенциалом и практической значимостью, так как дает возможность конкретизировать фазы процесса формирования и реализации политики в сфере ИИ. Однако в практической политике сложно провести разграничительные линии между формулированием, принятием и имплементацией решений, наряду с тем, что многие управленческие структуры одновременно занимаются и тем, и другим, именно в процессе инструментализации решений происходит их переформулирование и изменение.

Сегодня, в условиях существования множества руководящих принципов и норм рекомендательного характера в области ИИ, регуляторные рамки, определяющие основы регулирования в сфере создания и применения технологий ИИ, находятся на этапе формирования и выступают преимущественно в виде норм «мягкого права». Лица, принимающие решения, исходят, как правило, из целесообразности комплексного применения правового, технического, этического регуляторов и механизмов саморегулирования в области цифровых отношений. Несмотря на достигнутое на международном уровне взаимное соглашение о том, что ИИ должен отвечать этическим нормам и служить на благо человека и человечества, в мире отсутствует единый взгляд на регуляторные рамки в сфере ИИ, в частности по вопросам внедрения систем распознавания лиц и социального скоринга. Нерешенным остается вопрос о доступе, защите и контроле данных, необходимых для обучения нейронных сетей и разработки эффективных интеллектуальных систем, а также актуальна проблема дефицита полупроводниковой продукции. В перспективе особую актуальность приобретает вопрос о правосубъектности ИИ и правовой природе результатов его деятельности. Гонка за лидерство в области ИИ, усиливающаяся геополитическая напряженность и популяризация идей технологического суверенитета и импортозамещения ставят под сомнение возможность формирования глобального универсального подхода к регулированию ИИ в ближайшем будущем, делая акцент на национальные страновые модели регуляторных рамок.

В Республике Беларусь вопрос о необходимости реализации единой государственной политики в сфере ИИ является скорее темой политических заявлений и предметом экспертных дискуссий, включенных в более широкую повестку трансформации Белорусского государства в ИТ-страну, впервые обозначенную

Президентом Республики Беларусь в 2017 г., в рамках проводимой политики в сфере информатизации и цифровой трансформации.

Представляется, что в Беларуси, с учетом мирового опыта, особая роль должна отводиться разработке национальной стратегии развития ИИ и специальному правовому регулированию отношений в сфере ИИ в рамках действующего информационного законодательства или посредством создания новых правовых институтов для определения юридического статуса систем ИИ. При этом современные темпы цифровой трансформации ставят перед отечественным законодателем непростую задачу поиска баланса интересов, чтобы, с одной стороны, обеспечить надлежащую правовую защиту национальных интересов, а с другой – не стать препятствием для технологического развития страны. Также актуализируются вопросы совершенствования технологий обнаружения и верификации алгоритмически сгенерированного медиаконтента, развития критического мышления и повышения цифровой грамотности населения, разработки национальной модели цифровой зрелости ИИ как инструмента управления. С учетом мировой практики для развития цифровых инноваций необходима активная государственная поддержка создания национальных регуляторных песочниц, центра компетенций метавселенной/Web 3.0 и увеличение количества высокорейтинговых научных статей, патентов и стандартов в сфере ИИ как правового, научного, технического и этического заделов разработки готовых конечных конкурентоспособных ИИ-продуктов для национального и мирового высокотехнологичных рынков в режиме импортоопережения и технологического суверенитета. Целесообразна ставка на системную политику в сфере ИИ, позиционирующую искусственный интеллект как одно из важнейших слагаемых в формуле роста национальной конкурентоспособности. Ключевое внимание следует уделить активизации белорусско-российской кооперации в сфере производства микроэлектроники и проработке вопроса о создании постоянно действующего белорусско-российского органа для координации совместной работы в указанной сфере.

Список литературы

1. UNESCO Science Report: the Race Against Time for Smarter Development [Electronic resource] / ed. by S. Schneegans, T. Straza and J. Lewis. Paris : UNESCO Publishing, 2021. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377433> (дата обращения: 21.06.2022).
2. Решетников С. В. Методологические предпосылки анализа политических процессов // Проблемы управления. 2005. № 4 (17). С. 39–46.
3. Бостром Н. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 488 с.
4. Багдасарян В. Э., Балдин П. П. Перспективы развития искусственного интеллекта в актуальной повестке политических и социальных рисков глобальных трансформаций // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 2. С. 10–22. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-10-22>
5. Google says it's closing in on human-level artificial intelligence «the game is over!» // Futurism. May 19, 2022. URL: <https://futurism.com/the-byte/google-deepmind-agi> (дата обращения: 21.06.2022).
6. Козюлин В. Многостороннее сотрудничество в области регулирования использования технологий искусственного интеллекта // Индекс Безопасности – Научные записки ПИР-Центра. 2021. № 6 (20). С. 1–27. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/14/16167308390.pdf> (дата обращения: 21.06.2022).
7. Коданева С. И. Трансформация интеллектуальной собственности под влиянием развития искусственного интеллекта (обзор) // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 2. С. 132–141. <https://doi.org/10.31249/snsn/2021.02.09>
8. Rome Call for AI Ethics // Vatican. February 28, 2020. URL: https://www.vatican.va/roman_curia/pontifical_academies/acdlife/documents/rc_pont-acd_life_doc_20202228_rome-call-for-ai-ethics_en.pdf (дата обращения: 21.06.2022).
9. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence // UNESCO. November 26, 2021. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455/> (дата обращения: 21.06.2022).
10. Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts: Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council // EUR-Lex. April 21, 2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri=CELEX%3A52021PC0206> (дата обращения: 21.06.2022).
11. Абрамеев С., Абрамеев М. Правовое регулирование взаимодействия систем искусственного интеллекта и человека // Наука и инновации. 2020. № 1 (203). С. 40–44.
12. Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации : указ Президента Респ. Беларусь № 136 от 07.04.2022. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».
13. Гусаков В. Вызовы «Индустрии 4.0» и «Общества 2.0», или Рассуждения по поводу новой цифровой реальности // Наука и инновации. 2019. № 12 (202). С. 4–9.
14. Информационное общество в Республике Беларусь: Статистический сборник = Information society

- in the Republic of Belarus: Statistical book / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. Минск : Нац. статист. комитет Респ. Беларусь, 2021. 96 с.
15. Белоус А. И. Активизация сотрудничества России и Беларуси в сфере микроэлектроники – не политический лозунг, а жизненная необходимость // Живая электроника России. 2022. 4 мая. С. 18–24. URL: <https://russiaelectronics.ru/wp-content/uploads/2022/05/2218.pdf> (дата обращения: 21.06.2022).
 16. Россия и Москва в гонке за искусственный интеллект // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. 17 июня 2021. URL: <https://issek.hse.ru/news/478710159.html> (дата обращения: 21.06.2022).
 17. Artificial Intelligence Index Report 2022 // Stanford University; Institute for Human-Centered Artificial Intelligence. March 16, 2022. URL: https://aiindex.stanford.edu/wp-content/uploads/2022/03/2022-AI-Index-Report_Master.pdf (дата обращения: 21.06.2022).
 18. Government Artificial Intelligence Readiness Index 2021. Oxford Insights. 21 January, 2022. URL: https://static1.squarespace.com/static/58b2e92c1e5b6c828058484e/t/61ead0752e7529590e98d35f/1642778757117/Government_AI_Readiness_21.pdf (дата обращения: 21.06.2022).
 19. Schuster T., Waidelich L., Volz R. Maturity Models for the Assessment of Artificial Intelligence in Small and Medium-Sized Enterprises // Digital Transformation. PLAIS EuroSymposium 2021 / ed. by S. Wrycza, J. Maślankowski. Lecture Notes in Business Information Processing. Vol. 429. Cham. : Springer, 2021. P. 22–36. https://doi.org/10.1007/978-3-030-85893-3_2
 20. Megatrends Dominate the Gartner Hype Cycle for Artificial Intelligence. URL: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/2-megatrends-dominate-the-gartner-hype-cycle-for-artificial-intelligence-2020/> (дата обращения: 21.06.2022).
 21. Gartner Identifies Four Trends Driving Near-Term Artificial Intelligence Innovation: Gartner Hype Cycle for Artificial Intelligence, 2021. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2021-09-07-gartner-identifies-four-trends-driving-near-term-artificial-intelligence-innovation> (дата обращения: 21.06.2022).
 22. Венкина Е. Ставка на искусственный интеллект // IPG – Международная политика и общество. 2022. 11 февр. URL: <https://www.ipg-journal.io/regiony/evropa/stavka-na-iskusstvennyi-intellekt-1459/> (дата обращения: 21.06.2022).
 23. Блануца В. И. Стратегия развития искусственного интеллекта: перспективы достижения Россией лидирующих позиций в мире // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20, № 4. С. 86–94. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2020-4-86-94>
 24. Клоков И. Искусственный интеллект – шанс на прорыв в экономике // Директор. 2019. № 7. URL: <https://director.by/home/hot-news/6924-iskusstvennyj-intellekt-shans-na-proryv-v-ekonomike> (дата обращения: 21.06.2022).

Поступила в редакцию 28.06.2022; одобрена после рецензирования 02.07.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 28.06.2022; approved after reviewing 02.07.2022; accepted for publication 29.08.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 448–452

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 448–452

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-448-452>, EDN: TETXDC

Научная статья

УДК 32+303

Риски формирования и возможности мониторинга приверженности российских молодых граждан традиционным ценностям российского общества

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Аннотация. Вызовы, с которыми сегодня сталкивается внутренняя и внешняя политика Российского государства, делают актуальной задачу поиска средств, при помощи которых можно было бы направить гражданское воспитание российской молодежи в целом и привить ей уважение к традиционным ценностям российской государственности и общественной жизни в частности в конструктивное русло. В публикации анализируются проблемы, нерешенность которых делает сегодня недостаточно результативными усилия институтов государственной власти по определению и правовому закреплению смысла самого понятия «традиционные ценности», а также понятия, обозначающих конкретные ценности.

Ключевые слова: политические ценности, традиционные ценности, будущее российской политики

Благодарности: Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Ценностная мотивация отношения молодежи к основным направлениям государственной политики в современной России», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Шестов Н. И. Риски формирования и возможности мониторинга приверженности российских молодых граждан традиционным ценностям российского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 448–452. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-448-452>, EDN: TETXDC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Risks of formation and opportunities for monitoring the commitment of Russian young citizens to the traditional values of Russian society

N. I. Shestov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Abstract. The challenges that domestic and foreign policy of the Russian state is facing today make it urgent to find the means by which it would be possible to direct the civic education of Russian youth, in general, and to instill in them respect for the traditional values of Russian statehood and public life, in particular, in a constructive way. The article analyzes problems, the unresolved nature of which makes the efforts of government institutions to define and legally consolidate the meaning of the very concept of “traditional values”, as well as concepts denoting specific values, insufficiently effective today.

Keywords: political values, traditional values, the future of Russian politics

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the research project “Value Motivation of the Attitude of Young People to the Main Directions of State Policy in Modern Russia”, supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Shestov N. I. Risks of formation and opportunities for monitoring the commitment of Russian young citizens to the traditional values of Russian society. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 448–452 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-448-452>, EDN: TETXDC

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В структуре современных российских политических дискурсов есть немало понятий с «плавающим» смыслом. Причем это не какие-то второстепенные понятия, а важные для организации политического процесса в нашей стране, можно сказать, ключевые – такие, которые субъекты политики используют для устойчивой коммуникации, определения и доведения до сведения сторонников и противников своих ценностных ориентаций, с которыми связаны их приоритеты в стратегии и тактике: например, «власть», «демократия», «эффективная политика», «справедливость», «порядок», «гражданское общество». В этом ряду есть и понятия «традиция», «традиционные ценности» и «нетрадиционные ценности», о проблемах применения которых в идеологической коммуникации институтов государства с молодым поколением российских граждан далее пойдет речь.

В словарях и справочниках, разного рода «шпаргалках», которые сегодня широко представлены в Интернете, легко можно найти многочисленные и, прямо скажем, не сильно разнообразные «полные» и «научные» определения упомянутых и многих других таких же ключевых для современной политики понятий. Вместе с тем человеку, наблюдательному и интересующемуся политикой, нетрудно заметить, что определения эти не слишком хорошо выполняют основную свою функцию – помогать участникам политики понимать ее смысл и направление изменений в ней. Они утрачивают свою философскую «полноту» и «научность», как только у человека, интересующегося политикой и участвующего в ней, возникает потребность приложить их к практике. Он обнаружит, например, что в современной России есть полноценные (по совокупности своих прав и обязанностей) граждане, есть представительный набор институтов гражданского общества в лице политических партий, общественных движений, культурных и профессиональных ассоциаций граждан и т.д. Он в то же время узнает из публикаций и публичных заявлений ученых, политиков и общественных деятелей, что «правильного» гражданского общества у нас в стране сегодня нет и его только еще предстоит создать. Как создать и куда деть ныне существующее «неправильное» российское гражданское общество? Вразумительного ответа на этот вопрос рядовой российский гражданин от теоретиков и практиков наверняка не услышит. В всё потому, что каждый, кто рассуждает сегодня о настоящем и будущем гражданского общества в России, будет определять его «правильные» контуры в соответствии со своими либеральными, консервативными либо социалистическими убеждениями.

Такой же будет ситуация и, например, с приложением понятия «демократия» к определению сущности политических процессов в современном цивилизованном мире, включая Россию. Еще десяток лет тому назад отечественные политологи и публицисты, вдохновленные идеями «демократического транзита» нашей страны в «мировое сообщество», довольствовались определениями «демократии», которые ей дали в прошлые столетия отцы-основатели западной либеральной политики и политической теории. С этой позиции они критиковали советскую демократию, ставшую достоянием истории, и прогнозировали перспективу демократического процесса в нашей стране. Сегодня вопрос о том, что есть «демократия», вернулся к тому состоянию, в котором он находился в XX столетии, в период холодной войны. Зарубежные специалисты по демократическим процессам и процедурам категорически утверждают, что современная и прогрессивная демократия может быть только либеральной. Отечественные же аналитики сильно сомневаются в том, что в нынешних политических институтах и практиках наиболее развитых стран Запада осталось хоть что-то от «демократии». Хотя, надо заметить, их попытки создать собственные определения для тех политических коммуникаций между государством и гражданским обществом, которые имеют сегодня место в нашей стране («политика модернизации» и «суверенная демократия», например), тоже успехом не увенчались. Все пришло к тому, что сегодня каждый теоретик и практик, рассуждающий о российской и зарубежной демократии, определяет ее смысл по-своему, опять же в соответствии со своими идейными пристрастиями.

Для реальной политики (особенно демократической, требующей от своих участников солидарности если не в мыслях, то в осуществлении своего политического участия) в «плавающем» смысле понятий, приведенных выше в качестве примера, есть определенная практическая польза. Понятия эти маркируют те точки в пространстве массовых социальных коммуникаций, где сходятся и начинают конфликтовать между собой различные политические, экономические, правовые и культурные интересы субъектов политики, их ценностные установки. «Плавающий» смысл позволяет субъектам политики смягчать эти конфликты, пользоваться при обсуждении проблем политики общим и понятным для них дискурсом и в то же время не отступать от своих принципиальных идейных позиций. Реализовывать, иначе говоря, важную для нормального течения демократического процесса тактику: ключевые понятия в структу-

ре дискурсов, обеспечивающих политическую коммуникацию, одни и те же, а смыслы, которые стоят за этими понятиями, у каждого субъекта политики более или менее специфичны.

Эта ситуация естественная, и ее вряд ли можно изменить, особенно в нынешних кризисных обстоятельствах развития мирового демократического процесса. Просто потому, что для его участников разница в понимании смысла демократии является важнейшим инструментом идеологической и геополитической конкуренции. Есть, тем не менее, область социально-политических коммуникаций, в которой эту естественную ситуацию институтам государства и гражданского общества необходимо держать под постоянным контролем. Нужны, соответственно, и механизмы такого контроля. Речь идет об использовании понятий с «плавающими» смыслами для решения задач гражданского воспитания российской молодежи, для воспитания ее в духе гражданской лояльности, правовой и политической ответственности, а шире – в духе патриотизма. В этой работе «плавание» смысла тех понятий, посредством которых задаются государством, обществом и молодыми гражданами ориентиры для конструктивных идеологических и практически-политических коммуникаций, несет с собой большой риск для перспектив российской политики. Это риск дискредитации в сознании молодых людей самой задачи по освоению и практическому использованию демократического дискурса, основанного (как это выглядит сегодня для рядового молодого российского гражданина) на придуманных неизвестно кем и для чего и нередко противоречащих друг другу смыслах терминов, обозначающих ключевые ценности современной политики.

Такой риск присутствует, в частности, в ситуации, когда структурным элементом дискурса массовых политических и научных коммуникаций становится понятие «традиционные ценности российского общества», или, как вариант, «традиционные ценности российского народа». Данное понятие оказалось особенно востребованным по ходу публичных дискуссий, которые развернулись в нашей стране в период предварительного обсуждения и принятия (в январе 2020 г.) поправок к действующей Конституции РФ [1, 2]. Востребованным в последние годы оно оказалось и в законотворческом процессе [3]. Актуализации данного понятия в большой мере содействовали публичные заявления Президента РФ по поводу его собственного взгляда на проблему конкуренции в современном цивилизованном мире «традиционных» и «нетрадиционных» гражданских ценностей [4].

С одной стороны, такого рода дискуссии были оперативной реакцией патриотично настроенной части российских политиков, ученых и общественных деятелей на ту пропаганду «общечеловеческих ценностей», которая западными средствами массовой информации достаточно агрессивно транслировалась на российскую аудиторию и находила поддержку у части либерально настроенных активистов гражданского общества. С другой стороны, упомянутые дискуссии о ценностях отразили вполне естественное стремление их участников (политиков, законодателей и ученых) самим разобраться в смысле тех «традиционных ценностей», необходимость отстаивания которых перед лицом внешних вызовов они осознали и ту же мысль сочли своей обязанностью донести до многомиллионной аудитории соотечественников. Это была попытка выработать некий философский и политический консенсус в отношении трактовки понятия «традиционные ценности», и так, чтобы на него могло бы ориентироваться и современное российское законодательство и, в частности, воспитательная работа институтов государства и гражданского общества с молодежью. Во всех этих дискуссиях прозвучало немало интересных в научном плане и перспективных в политическом отношении суждений об исторической и цивилизационной природе российских политических и неполитических ценностей [5, 6].

Но теоретический консенсус, если подводить общий принципиальный итог обсуждению проблемы конкуренции «традиционных» и «нетрадиционных» ценностей в современном мире, фактически не состоялся. Можно, скорее, говорить о том, что в данном вопросе сохранился тот мировоззренческий раскол, который возник в сознании российских граждан и элит еще на этапе перехода в последние годы прошлого века и первое десятилетие века нынешнего от советских принципов социального и государственного общежития к «общечеловеческим». Не случайно, по-видимому, разработчики поправок в Конституцию России пошли в своем правовом творчестве по пути формулирования содержательных требований к ценностям, на которые должна быть ориентирована гражданская и государственная жизнь в нашей стране, оставив на долю пользователей и интерпретаторов конституционных норм самим решать, в какой мере те или иные ценности (из числа упомянутых в поправках к Конституции) традиционны, а в какой мере – нет. Фактически задача усовершенствования дискурса коммуникации институтов государства с гражданами, особенно молодыми, по этому направлению не была решена.

Показателен комментарий, который дал тем попыткам уточнить смысл понятия «семья», способного послужить основанием для превращения этой, наверное, самой традиционной из всех традиционных, ценности человечества в конституционную норму, один из разработчиков поправок, глава думского Комитета по государственному строительству и законодательству, депутат Павел Крашенинников. Он, общаясь с журналистами, прямо объяснил главную причину, по которой практически невозможно понятию «семья» придать универсальный смысл, который можно было бы каким-то образом юридически закрепить. Речь идет, заметим, о ценности, особенно значимой именно для молодого поколения российских граждан – о ценности, философская и юридическая фиксация смысла которой необходима как минимум по двум практическим соображениям. Во-первых, это ключевой ориентир для всей государственной молодежной политики в нашей стране и в настоящий момент, и на перспективу. Во-вторых, именно «семья», «семейные ценности», а также в более широком развороте ценности образования, воспитания, гендерной идентичности подрастающих поколений граждан являются сегодня самым, наверное, центральным предметом конкуренции различных национально-государственных систем за моральное и правовое лидерство в современном мире. К тому же именно семья, особенно молодая, является одним из важнейших институтов российского гражданского общества, которого, по мнению многих исследователей этой проблематики, в нашей стране было и остается очень мало. Это один из основных каналов межпоколенческой коммуникации, политической в том числе. Это также первичная школа патриотического воспитания гражданина.

Депутат отметил, что в поправках к Конституции РФ закреплены нормы о «защите» семьи, о «сохранении» традиционных семейных ценностей, о «защите» института брака в качестве союза мужчины и женщины. Таким образом, юридически обозначены лишь общие границы, в которых государство берет на себя обязательство оберегать все то в жизни своих граждан, ту часть приватной сферы этой жизни, которую в русском языке принято обозначать словом «семья». Тогда как смысл понятия «семья», по верному замечанию П. Крашениникова, меняется в зависимости от жизненной ситуации: «Семьей, к примеру, могут считаться родители с детьми, или единственный родитель с ребенком, либо бездетные супруги, бабушки и дедушки с внуками, и т.д. и т.п. Вариантов может быть очень много» [3].

Из данного высказывания депутата видно, что «плавающий» смысл понятия «семья» решает практические проблемы нормотворчества и управления социальной политикой государства. Но молодого российского гражданина, в отношении которого государство высказало свое намерение воспитывать его в духе приверженности традиционным ценностям российского общества, такой подход к определению смысла ценности «семья» неизбежно должен оставлять в недоумении. О какой «семье» идет речь? Если у семьи нет организационно и юридически закрепленной формы, то что мешает молодому и вполне образованному молодому гражданину задать себе вопрос: чем в таком случае «семья», состоящая из представителей одного пола, лучше или хуже, например, «семьи», состоящей из одного родителя и ребенка либо из бездетных родителей? Возникновение такого вопроса в голове у молодого гражданина влечет за собой вполне очевидный риск обнуления всех усилий государственных и общественных институтов по воспитанию его в духе приверженности традиционным ценностям российского общества.

Рискогенны в политическом смысле и ситуации, когда в сознании молодого российского гражданина, государственная и социальная идентичность которого находится еще в процессе формирования, возникает неопределенность по отношению к другому, не менее важному вопросу, а именно какие из множества разнообразных традиционных ценностей российского общества, на защиту и продвижение которых в своих коммуникациях с гражданами сегодня работает весь механизм российской государственности, а также большинство отечественных медийных структур, считать таковыми? По-настоящему традиционными ценностями российского общества, чтобы на них можно было ориентировать свою моральную и гражданскую идентичность, свое политическое участие. Российское общество, так исторически сложилось, было и остается сложно структурированным по признакам этноконфессиональной, культурно-бытовой, хозяйственной и моральной идентичности своих членов. Даже при наличии у граждан стремления быть максимально лояльным интересам российских гражданского общества и государства, ему необходимо самостоятельно осуществлять своего рода интеллектуальную селекцию тех традиционных ценностей, которые он усвоил с детства и которые в силу своей глубокой древности и «избыточной традиционности» не всегда согласуются с современными задачами гражданского воспитания.

Невозможно создать какой-либо универсальный и устойчиво работающий правовой механизм для обеспечения такой селективной работы с сознанием российской молодежи, который бы помогал ему, сознанию, отделять важные традиционные ценности от не очень важных и совсем не важных, а также от ценностей нетрадиционных. Такой механизм не сможет учесть всего того многообразия интерпретаций понятий «традиция» и «ценности», а также их сопряжений в формуле «традиционные ценности», которые способны возникнуть в головах у разных молодых людей. Всегда что-то очень существенное будет оставаться за рамками правового регулирования. Мало смогут помочь и идеологические механизмы. Они, как было упомянуто выше, как раз и генерируют эти «плавающие» смыслы.

Можно, тем не менее, создать другой механизм – такой, который будет использовать «плавающий» смысл ценностей, упомянутых в настоящей публикации, во благо именно формированию патриотической гражданской идентичности российской молодежи. До некоторой степени образцом здесь может послужить опыт существования в советское время Кодекса строителя коммунизма. Документ этот в постсоветские годы подвергался больше насмешкам, нежели конструктивной критике. Хотя в таком подходе к формированию у молодого советского гражданина чувства причастности к «многонациональному советскому народу» было, как представляется, рациональное зерно.

Советское государство устанавливало (посредством понятий, позаимствованных из официального идеологического дискурса) общие рамки, в которых сознание молодых граждан могло самостоятельно работать над поиском связи смысла этих понятий со своим жизненным опытом и с традициями своих предков. В сущности, сегодня нет ощутимых помех (кроме пока еще сохраняющейся осторожности российских политических элит в декларировании своей ориентации на консервативную идеологию) для того, чтобы институты государства задали бы общие дискурсивные рамки для такого своего «общественного договора» с молодыми гражданами. Тем самым было бы создано легитимное пространство для коммуникаций субъектов политики, которое не затрагивало бы национально-государственную безопасность нашей страны и устойчивость конституционного порядка в ней, но обеспечивало бы вовлечение (организованное и индивидуальное) молодых людей в интеллектуальную работу над смыслами различных по-

литических и неполитических, «традиционных» и «нетрадиционных ценностей» и в то же время давало молодым людям возможность разнообразить стратегии формирования своей лояльности по отношению к государству и обществу, к которым они от рождения принадлежат.

Со стороны институтов государства и гражданского общества контроль за процессами, которые будут происходить в пространстве этого «общественного договора», может быть не менее постоянным и точным, чем в случае с правовой регламентацией. Хорошо апробированным в постсоветское время инструментом такого контроля являются социологические мониторинги процессов, происходящих в сознании молодых российских граждан. Они уже на современном методологическом и технологическом уровне способны обеспечить своевременное обнаружение потенциально конструктивных в политическом смысле и рискогенных тенденций в процессе становления политической идентичности российской молодежи.

Список литературы

1. Поправки в Конституцию РФ 2020: список изменений. URL: <https://gosuslugi-online.ru/popravki-v-konstitucziyu-rf-2020-spisok-izmenenij/> (дата обращения: 12.09.2022).
2. Конституционная идентичность и универсальные ценности. 14 мая 2019 г. В рамках IX Петербургского международного юридического форума прошла международная конференция КС РФ. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/konstitutsionnaya-identichnost-i-universalnye-tsennosti/> (дата обращения: 12.09.2022).
3. Замахина Т. Госдума одобрила проект в защиту традиционных ценностей. 26.11.2020. URL: <https://rg.ru/2020/11/26/gosduma-odobrila-proekt-v-zashchitu-tradicionnyh-cennostej.html> (дата обращения: 10.09.2022).
4. Конституция России будет основана на традиционных ценностях, и точка. URL: https://tsargrad.tv/news/konstitucija-rossii-budet-osnovana-na-tradicionnyh-cennostjah-i-tochka_238717 (дата обращения: 10.09.2022).
5. Вилков А. А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 101–107. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107>
6. Казаков А. А. Ценность справедливости в представлениях современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 114–120. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-114-120>

Поступила в редакцию 12.09.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 03.10.2022
The article was submitted 12.09.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 03.10.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 453–459

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 453–459

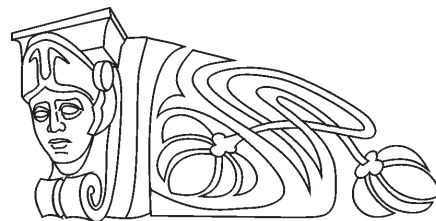
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-453-459>, EDN: ZCRPSX

Научная статья

УДК 32. 019.3

Особенности восприятия региональной молодежью основных направлений российской государственной политики

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Аннотация. В статье рассмотрены особенности восприятия региональной молодежью основных направлений российской государственной политики по результатам социологического опроса и фокус-групп, проведенных в конце 2021 г. в Саратовской области. На основе анализа полученных материалов выявлена степень интереса различных возрастных групп молодежи к политике и раскрыта специфика восприятия экономической, социальной, культурной, молодежной и оборонной политики Российского государства. Сделан вывод о том, что доминирование оппозиционных настроений в молодежной среде в значительной степени обусловлено конкретными проблемами в различных сферах общественной жизни региона.

Ключевые слова: молодежь, восприятие основных направлений государственной политики, мотивация отношения к политике, оппозиционные настроения

Благодарности: Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Ценностная мотивация отношения молодежи к основным направлениям государственной политики в современной России», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Вилков А. А. Особенности восприятия региональной молодежью основных направлений российской государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 453–459. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-453-459>, EDN: ZCRPSX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Peculiarities of perception of the main directions of Russian state policy by regional youth

A. A. Vilkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Vilkov, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Abstract. The article discusses features of perception of the main directions of Russian state policy by regional youth based on the results of a sociological survey and focus groups conducted at the end of 2021 in the Saratov region. Based on the analysis of the received materials, the degree of interest of various age groups of young people in politics was revealed, and the specifics of the perception of the economic, social, cultural, youth, and defense policy of the Russian state were pinpointed. It is concluded that the dominance of oppositional sentiments among the youth is largely due to specific problems in various areas of public life in the region.

Keywords: youth, perception of the main directions of state policy, motivation for attitude to politics, oppositional moods

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the research project “Value Motivation of the Attitude of Young People to the Main Directions of State Policy in Modern Russia”, supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Vilkov A. A. Peculiarities of perception of the main directions of Russian state policy by regional youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 453–459 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-453-459>, EDN: ZCRPSX

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одной из важнейших проблем в современной России является отношение молодежи к государству и ключевым направлениям государственной политики. Очевидно, что важнейшим фактором политического позиционирования российской молодежи стала специальная военная операция России на Украине и продолжающееся обострение отношений с США и их союзниками по НАТО. Однако ценностная мотивация отношения молодежи к основным направлениям социально-экономического развития России складывалась в предшествующий период и во многом предопределила восприятие текущей внешней и внутренней государственной политики.

Данная проблематика постоянно находится в поле зрения российских исследователей. Наиболее актуальными в контексте современной ситуации представляются труды, посвященные протестному потенциалу российской молодежи [1–5]. Многие авторы рассматривают специфику мотивации и характер политического участия молодежи в различных регионах Российской Федерации [6–12]. Тем не менее, проблема остается открытой, политически и научно значимой. Обусловлено это, прежде всего, специфической совокупностью стратегических и ситуативных факторов, определяющих мотивацию восприятия государственной политики и ее отдельных направлений в конкретных регионах страны.

В рамках данной статьи выявление особенностей мотивации различных возрастных групп молодежи осуществлено на материалах социологического опроса (на основе онлайн-анкетирования), проведенного нами в конце

2021 г. в Саратовской области. Всего было опрошено 519 респондентов основных возрастных групп, проживающих как в Саратове, так и в различных районах области. Кроме того, для уточнения материалов репрезентативного опроса были проведены три фокус-группы, участниками которых в общей сложности стали 36 молодых людей различного возраста.

Первый вопрос касался степени интереса возрастных групп молодежи к политике (табл. 1). Материалы опроса показали, что однозначный интерес к политике более всего выражен у возрастной группы 18–25 лет. По материалам фокус-групп, объяснить это можно тем, что значительная часть из опрошенных представителей данной возрастной группы являются студентами высших и средних учебных заведений. Их включенность в учебно-воспитательный процесс и в общественную вузовскую среду являются важнейшим стимулом интереса к внутривнутриполитическим и внешнеполитическим событиям в России и мире. Меньшее количество интересующихся политикой среди 14–17-летних объясняется тем, что, с одной стороны, у них доминируют другие интересы (прежде всего подготовка к ЕГЭ и к поступлению в вуз). С другой стороны, фокус-группы показали, что часть этой возрастной группы не считает себя достаточно взрослыми, чтобы интересоваться политикой. В целом, отсутствие интереса к политике у почти 40% опрошенных представителей молодежи является, на наш взгляд, достаточно тревожным сигналом, свидетельствующим о неблагополучии в отношениях между государством и молодым поколением в современной России.

Таблица 1

Степень интереса представителей различных возрастных групп молодежи к политике

Степень интереса	Возраст респондентов				Всего
	14–17	18–25	26–30	31–35	
Да политика мне интересна	20 (23,8%)	115 (32,1%)	7 (25,9%)	13 (26,0%)	155 (29,9%)
Скорее да, чем нет	25 (29,8%)	115 (32,1%)	9 (33,3%)	12 (24,0%)	161 (31,0%)
Скорее нет, чем да	33 (39,3%)	102 (28,5%)	9 (33,3%)	23 (46,0%)	167 (32,2%)
Политика мне совершенно неинтересна	6 (7,1%)	26 (7,3%)	2 (7,4%)	2 (4,0%)	36 (6,9%)
Всего	84 (100,0%)	358 (100,0%)	27 (100,0%)	50 (100,0%)	519 (100,0%)

Это подтверждается ответами на вопрос о правильности развития сферы политики в современной России. В рамках этого вопроса респонденты должны были выразить свое мнение оценкой по шкале от «совершенно неправильное развитие» до «совершенно правиль-

ное» (табл. 2). Материалы показывают, что наиболее жесткую оценку (от 0 до 2 баллов) дали представители возрастных групп 31–35 лет (76,0%) и 18–25 лет (58,6%), наиболее интересующиеся политикой. Положительную оценку (4–5 баллов) в данных группах дали только 10,0

и 18,2% соответственно. Материалы фокус-групп показали, что среди ключевых причин, вызывающих недовольство сферой политики, чаще всего называли использование административного ресурса, обеспечивающего доминирование «Единой России» на выборах всех уровней и в соответствующих государственных

и муниципальных органах власти. Более высокий показатель положительных оценок со стороны представителей самой младшей группы объясняется тем, что они фактически не принимали участия в выборах, а также их меньшей информированностью о политической жизни в современной России.

Таблица 2

Оценка правильности развития сферы политики в современной России различными возрастными группами молодежи

Оценка, баллы	Возраст респондентов				Всего
	14–17	18–25	26–30	31–35	
0 (совершенно неправильное)	9 (10,7%)	75 (20,9%)	3 (11,1%)	12 (24,0%)	99 (19,1%)
1	10 (11,9%)	76 (21,2%)	3 (11,1%)	12 (24,0%)	101 (19,5%)
2	24 (28,6%)	59 (16,5%)	4 (14,8%)	14 (28,0%)	101 (19,5%)
3	17 (20,2%)	83 (23,2%)	9 (33,3%)	7 (14,0%)	116 (22,4%)
4	17 (20,2%)	41 (11,5%)	4 (14,8%)	4 (8,0%)	66 (12,7%)
5 (совершенно правильное)	7 (8,3%)	24 (6,7%)	4 (14,8%)	1 (2,0%)	36 (6,9%)
Всего	84 (100,0%)	356 (100,0%)	27 (100,0%)	50 (100,0%)	517 (100,0%)

Идентичные ответы по возрастным группам были получены на вопрос о правильности развития сферы экономики в современной России (табл. 3). Наиболее жесткие негативные оценки (0–2 балла) были даны также 31–35-летними (54,0%) и 18–25-летними (42,0%). В первом случае участники фокус-группы в качестве главной причины своей негативной оценки называли низкий уровень заработной платы в регионе, не обеспечиваю-

щий достойного удовлетворения базовых семейных потребностей. Представители группы 18–25 лет к основной причине относили также проблемы трудоустройства по полученной специальности. Примечательно, что среди положительных оценок экономического развития России абсолютно доминирует «тройка» со средним показателем 20,7% против 9,5% оценки четыре балла и 5,2% оценки пять баллов.

Таблица 3

Оценка респондентами правильности развития сферы экономики в современной России

Оценка, баллы	Возраст респондентов				Всего
	14–17	18–25	26–30	31–35	
0 (совершенно неправильное)	7 (8,4%)	66, (18,5%)	3 (11,1%)	14 (28,0%)	90 (17,4%)
1	18 (21,7%)	84 (23,5%)	4 (14,8%)	13 (26,0%)	119 (23,0%)
2	18 (21,7%)	85 (23,8%)	9 (33,3%)	13 (26,0%)	125 (24,2%)
3	21 (25,3%)	72 (20,2%)	5 (18,5%)	9 (18,0%)	107 (20,7%)
4	12 (14,5%)	33 (9,2%)	3 (11,1%)	1 (2,0%)	49 (9,5%)
5 (совершенно правильное)	7 (8,4%)	17 (4,8%)	3 (11,1%)	0	27 (5,2%)
Всего	83 (100,0%)	357 (100,0%)	27 (100,0%)	50 (100,0%)	517 (100,0%)

Оценка правильности развития социальной сферы в современной России несколько отличается от других направлений государ-

ственной политики (табл. 4). Наиболее критично оценивали ситуацию в социальной сфере также представители возрастной группы

Таблица 4

Оценка респондентами правильности развития социальной сферы в современной России

Оценка, баллы	Возраст респондентов				Всего
	14–17	18–25	26–30	31–35	
0 (совершенно неправильное)	8 (9,5%)	47 (13,1%)	2 (7,4%)	14 (28,0%)	71 (13,7%)
1	15 (17,9%)	57 (15,9%)	5 (18,5%)	14 (28,0%)	91 (17,5%)
2	15 (17,9%)	92 (25,7%)	7 (25,9%)	10 (20,0%)	124 (23,9%)
3	22 (26,2%)	85 (23,7%)	8 (29,6%)	9 (18,0%)	124 (23,9%)
4	16 (19,0%)	51 (14,2%)	3 (11,1%)	2 (4,0%)	72 (13,9%)
5 (совершенно правильное)	8 (9,5%)	26 (7,3%)	2 (7,4%)	1 (2,0%)	37 (7,1%)
Всего	84 (100,0%)	358 (100,0%)	27 (100,0%)	50 (100,0%)	519 (100,0%)

31–35 лет. Оценку 0–2 балла поставили 76,0% респондентов данной группы. В группе 18–25 лет подобным образом оценили социальную сферу 54,7%. Среди представителей группы 26–30 лет негативную оценку поставили 51,8%. В группе 14–17 лет такую оценку выбрали 45,3%. Среди причин критического отношения к данному направлению государственной политики старшие участники фокус-групп выделяли, прежде всего, высокий процент по кредитам и ипотеке, недостатки в сфере здравоохранения, состояние транспортной инфраструктуры Саратова и другие социальные проблемы региона. Представители группы 18–25 лет акцент делали на недостаточности стипендии для удовлетворения самых насущных нужд студентов, в результате чего многие из них вынуждены подрабатывать в ущерб учебе. Более высокие показатели положительной оценки состояния социальной сферы в регионе со стороны представителей группы 14–17 лет объясняются их несамостоятельностью и тем,

что родители стремятся оберегать их от серьезных жизненных проблем. Примечательно, что средний уровень положительных оценок социальной сферы всеми возрастными группами фактически совпадает с оценками экономической сферы: на тройку ее оценили 20,7% респондентов, на четыре балла – 9,5% и на пять баллов – 5,2%. Данные оценки с очевидностью свидетельствуют о неблагоприятном состоянии данной сферы в Саратовской области и высоких социальных рисках негативных ее оценок со стороны региональной молодежи.

Еще один важный аспект представляет оценка респондентами правильности развития молодежной политики в современной России (табл. 5). Самые жесткие оценки этому направлению государственной политики традиционно дали респонденты из группы 31–35 лет – 70,0%; из группы 26–30 лет – 52,9%; 18–25 лет – 51,7%; 14–17 лет – 46,4%. Примечательно объяснение такого критического восприятия молодежной политики представителями

Таблица 5

Оценка респондентами правильности развития молодежной политики в современной России

Оценка, баллы	Возраст респондентов				Всего
	14–17	18–25	26–30	31–35	
0 (совершенно неправильное)	9 (10,7%)	55 (15,4%)	3 (11,1%)	7 (14,0%)	74 (14,3%)
1	11 (13,1%)	63 (17,6%)	6 (22,2%)	16 (32,0%)	96 (18,5)
2	19 (22,6%)	67 (18,7%)	8 (29,6%)	12 (24,0%)	106 (20,4%)
3	18 (21,4%)	83 (23,2%)	5 (18,5%)	11 (22,0%)	117 (22,5%)
4	21 (25,0%)	56 (15,4%)	2 (7,4%)	4 (8,0%)	82 (15,8%)
5 (совершенно правильное)	6 (7,1%)	35 (9,8%)	3 (11,1%)	0	44 (8,5%)
Всего	84 (100,0%)	358 (100,0%)	27 (100,0%)	50 (100,0%)	519 (100,0%)

различных возрастов в фокус-группах. Оно в значительной степени обусловлено разным представлением о сущности и содержании данного направления государственной политики. Объяснение более негативных оценок со стороны старшей возрастной группы связано с тем, что ее представители молодежную государственную политику воспринимают в общем контексте, в неразрывной связи со своими негативными оценками политической и социально-экономической ситуации в современной России. В других возрастных группах оценки молодежной политики были не столь категоричными. Более всего позитивных характеристик дали респонденты младшего поколения (53,5%), представители которого на фокус-группах выделяли усилия государства в организации различных молодежных мероприятий, поддержку волонтерских движений и других молодежных организаций, строительство спортивных площадок и других форм поддержки молодежи. В «студенческой» группе наиболее критично в рамках оценок молодежной политики воспринимают ее социальную составляющую – размер стипендии и недостаточный уровень льгот на проезд и на жилье. Во второй и третьей группах среди мо-

тивации положительных оценок молодежной политики отмечается государственная поддержка семей и рождения детей.

Более положительным является восприятие различными молодежными группами государственной политики в сфере культуры (табл. 6). Преобладание негативных оценок характерно лишь для групп 31–35 лет (60,0%) и 26–30 лет (51,8%). У 14–17-летних и 18–25-летних преобладают положительные оценки – 65,4 и 58,5% соответственно. Фокус-группы показали, что критический настрой старших представителей молодежи во многом обусловлен не столько мотивацией недостаточного удовлетворения их собственных культурных потребностей, сколько их статусом родителей. В этом качестве они недовольны содержанием детских передач на государственном телевидении, недостаточным количеством добрых детских художественных и мультипликационных фильмов, дороговизной детских книг и т.д. Мотивация положительных оценок в первой и второй группах объясняется наличием большого количества и разнообразия развлекательных каналов на телевидении, свободного доступа к различным музыкальным и другим интернет-ресурсам, наличием различных досуговых центров и т.д.

Таблица 6

Оценка респондентами правильности развития сферы культуры в современной России

Оценка, баллы	Возраст респондентов				Всего
	14–17	18–25	26–30	31–35	
0 (совершенно неправильное)	6 (7,1%)	33 (9,2%)	2 (7,4%)	6 (12,0%)	47 (9,1%)
1	12 (14,3%)	53 (14,8%)	5 (18,5%)	16 (32,0%)	86 (16,6%)
2	11 (13,1%)	62 (17,4%)	7 (25,9%)	8 (16,0%)	88 (17,0%)
3	17 (20,2%)	91 (25,5%)	7 (25,9%)	12 (24,0%)	127 (24,5%)
4	19 (22,6%)	68 (19,0%)	3 (11,1%)	8 (16,0%)	98 (18,9%)
5 (совершенно правильное)	19 (22,6%)	50 (14,0%)	3 (11,1%)	0	72 (13,9%)
Всего	84 (100,0%)	357 (100,0%)	27 (100,0%)	50 (100,0%)	518 (100,0%)

Более позитивным на конец 2021 г. было также восприятие молодежью государственной оборонной политики (табл. 7): 14–17 лет – 73,7%; 18–25 лет – 62,6%; 26–30 лет – 74,0%; 31–35 лет – 54,0%. Тем не менее, наличие большого количества отрицательных оценок (35,9% в среднем по всем группам) представляется очень тревожным, с учетом последующих событий 2022 г. в связи со специальной военной операцией на Украине. Примечательно, что фокус-группы выявили большую зна-

чимось идеологического и идейно-ценностного фактора в оценке оборонной политики, чем рассмотренных выше других направлений государственной политики. Респонденты старшей возрастной группы, детство которых пришлось на 1990-е гг., в совокупности дали 46,0% негативных оценок. Критическое отношение к оборонной политике государства последнего десятилетия, включающей и внешнюю политику России, представители данного возраста на фокус-группах объясняли неоправданным,

по их мнению, усилением конфронтации с Западом. Ее причины участники фокус-групп связывали с отходом от демократических принципов общественного развития России и усилением авторитарных основ государствен-

ной власти. Еще одним мотивом недовольства было обозначено сохранение срочной службы, которая не вписывалась в траекторию жизненных планов многих представителей первых двух молодежных групп.

Таблица 7

Оценка респондентами правильности развития оборонной политики в современной России

Оценка, баллы	Возраст респондентов				Всего
	14–17	18–25	26–30	31–35	
0 (совершенно неправильное)	6 (7,1%)	37 (10,4%)	2 (7,4%)	3 (6,0%)	48 (9,3%)
1	4 (4,8%)	36 (10,1%)	3 (11,1%)	11 (22,0%)	54 (10,5%)
2	12 (14,3%)	60 (16,9%)	2 (7,4%)	9 (18,0%)	83 (16,1%)
3	18 (21,4%)	67 (18,9%)	8 (29,6%)	11 (22,0%)	104 (20,2%)
4	17 (20,2%)	72 (20,3%)	5 (18,5%)	7 (14,0%)	101 (19,6%)
5 (совершенно правильное)	27 (32,1%)	83 (23,4%)	7 (25,9%)	9 (18,0%)	126 (24,4%)
Всего	84 (100,0%)	355 (100,0%)	27 (100,0%)	50 (100,0%)	516 (100,0%)

Проведенный анализ показал, что значительная часть российской молодежи на региональном уровне (на примере Саратовской области) настроена оппозиционно к действующей власти и критично воспринимает основные направления российской государственной политики. Среди наиболее значимых причин своей оппозиционности представители большинства возрастных групп молодежи выделили социально-экономическую ситуацию в области, высокий уровень безработицы, проблемы трудоустройства, низкий уровень заработной платы, состояние инфраструктуры и другие проблемы региона.

Однако респонденты продемонстрировали свое понимание зависимости данных социально-экономических проблем от характера политического устройства Российского государства и политико-правового и идейно-ценностного контекста развития всех сфер общественной жизни в современной России. Более четверти опрошенных (26,6%) представителей молодежи обосновали свою оппозиционность приверженностью ценностям либерализма. Близость ценностей социал-демократической идеологии отметили 24,3% респондентов. Несмотря на достаточно поверхностное понимание сущности данных идеологий (так же как и представления сторонников других идеологий, отмеченных во время опроса), сам характер идеологического позиционирования был направлен на подчеркивание критического отношения к основным направлениям политического и социально-эко-

номического развития страны. Это подтверждается и ранжированием ценностей, которые респонденты хотели бы видеть в будущем политическом устройстве России: 72,3% опрошенных в многовариантном вопросе приоритет отвели «свободе личности», 70,9% – «справедливому суду» и 68,8% – «социальной справедливости». В фокус-группах практически все участники отмечали, что именно данные ценности недостаточно реализуются в современной России.

Наиболее критично оценили ситуацию в российской обществе респонденты старшей возрастной группы молодежи. Объясняется это тем, что значительно возрастает социальная нагрузка на ее представителей, связанная с семьей, детьми и соответствующей совокупностью бытовых проблем. Кроме того, мировоззрение именно этого поколения формировалось в 1990-е гг., когда ориентация на западноевропейские либеральные ценности была доминирующей в государственной образовательной политике и официальном политико-информационном пространстве России.

Менее жесткие оценки основным направлениям государственной политики дали представители младшей возрастной группы, что объясняется их недостаточной включенностью во взрослую жизнь и меньшим интересом к политике и всему, что с ней связано.

В целом, за сохранение сегодняшнего политического устройства высказались только 36,6% респондентов, все остальные отметили

необходимость различных вариантов серьезных политических и социально-экономических преобразований России.

В современных условиях данные оппозиционные настроения привели к тому, что уровень поддержки специальной военной операции России на Украине со стороны молодежи значительно меньше, чем у представителей других возрастных групп [13]. Это не только создает существенные риски для России в условиях геополитической конфронтации, но и объективно актуализирует важность извлечения ряда уроков из сложившейся ситуации. Один из них обозначен на официальном уровне и заключается в признании необходимости сущностных изменений в патриотическом воспитании российской молодежи. Эта проблема действительно назрела давно и нуждается в решении на всех уровнях и для всех субъектов политической социализации подрастающего поколения. Однако все государственные и общественные усилия в реализации этой важнейшей воспитательной задачи останутся неэффективными, если не будут учтены те накопившиеся проблемы в политическом и социально-экономическом развитии страны, которые и стали причинами формирования обозначенных выше оппозиционных настроений российской молодежи. Тем более что затянувшийся характер СВО на Украине наглядно вскрыл смертельную опасность этих проблем и противоречий в общественно-политическом устройстве России, а их разрешение обозначил в качестве судьбоносных в сохранении российской цивилизации в ее противостоянии с объединенным Западом.

Список литературы

1. Пономарев Н. А., Белов С. И., Майлис А. А. Противодействие росту вовлеченности молодежи в радикальный политический протест (на материалах массовых выступлений 2017 г.) // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 150–169. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/67_2018ponomarev_belov_mailis.htm (дата обращения: 02.09.2022).
2. Пырма Р. В. Теоретические аспекты исследования политических предпочтений российской молодежи // Власть. 2020. Т. 28, № 4. С. 157–162. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7452>
3. Рожкова Л. В., Сальникова О. В., Влазнева С. А., Дубина А. Ш. Особенности протестного потенциала современной молодежи // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2021. № 6 (89). С. 59–71.
4. Салин П. Б. Способы нейтрализации деструктивных аспектов политической деятельности студенческой молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8, № 4 (34). С. 76–81. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2018-8-4-76-81>
5. Трынов Д. В., Дидковская Я. В. Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. 2019. Т. 14, № 3 (191). С. 118–127.
6. Аргунова В. Н., Русь А. А. Проявления социальной апатии у студенческой молодежи // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 89–99.
7. Верещагина А. В., Зайцева А. А. Факторы социального поведения студентов вузов Ростовской области в гражданской сфере // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 3. С. 233–240. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-3-233-240>
8. Казаков А. А. Ценность справедливости в представлениях современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 114–120. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-114-120>
9. Кошарная Г. Б., Корж Н. В. Социальное самочувствие студенческой молодежи (региональный аспект) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. 2020. Т. 20, № 4. С. 905–918. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-905-918>
10. Леонидова Г. В., Головчин М. А. Молодежь в дискурсе современных социологических исследований: региональный аспект // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24, № 1. С. 154–174. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-1-154-174>
11. Маршак А. Л., Рожкова Л. В. Политический и гражданский потенциал молодежи Поволжья и Крыма в современных условиях // Власть. 2020. Т. 28, № 3. С. 98–109. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i3.7319>
12. Шестов Н. И. Представления молодежи о будущем России: провинциальное измерение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 108–113. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-108-113>
13. Специальная военная операция: полгода спустя. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cpecialnaja-voennaja-operacija-polgod-a-spustja> (дата обращения: 09.09.2022).

Поступила в редакцию 12.09.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 03.10.2022
The article was submitted 12.09.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 03.10.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 460–467

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 460–467

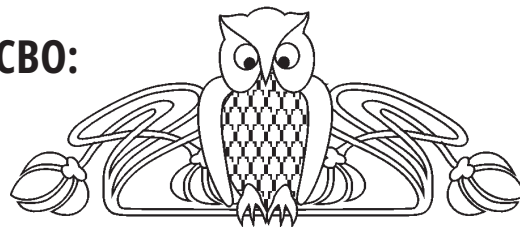
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467>, EDN: VRKDZI

Научная статья

УДК 32.019.51

Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики

А. А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Казаков Александр Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

Аннотация. Целью данной статьи является анализ роли медийного сопровождения действий российских властей в формировании отношения молодежи к специальной военной операции (СВО) на Украине. Проанализированы результаты социологических опросов относительно уровня интереса и обеспокоенности молодых людей происходящим в рамках СВО, а также одобрения ими курса на силовое решение конфликта и наиболее предпочтительных перспектив дальнейшего развития ситуации. Сделан вывод о том, что, по сравнению с людьми среднего и старшего возрастов, для молодежи характерно более сдержанное отношение к СВО. Обозначены наиболее вероятные объективные и ситуативные причины такого отношения. Сформулированы конкретные предложения по оптимизации информационного сопровождения СВО, рассчитанного на молодежную аудиторию.

Ключевые слова: молодежь, специальная военная операция, Россия, Украина, медийное сопровождение

Благодарности: Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Ценностная мотивация отношения молодежи к основным направлениям государственной политики в современной России», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Казаков А. А. Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 460–467. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467>, EDN: VRKDZI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The attitude of Russian youth to the Special Military Operation: The role of media support of state policy

A. A. Kazakov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Kazakov, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

Abstract. The purpose of this article is to analyze the role of media support for the actions of the Russian authorities in shaping the attitude of young people to the special military operation (SMO) in Ukraine. The results of sociological surveys are analyzed regarding the level of interest and concern of young people about what is happening within the framework of the SMO, as well as their approval of the course towards a forceful solution to the conflict and the most preferable prospects for the further development of the situation. It is concluded that, compared with people of middle and older ages, young people are characterized by a more restrained attitude towards SMO. The most probable objective and situational reasons for such an attitude are indicated. Specific proposals have been formulated to optimize the information support of the SMO, designed for a youth audience.

Keywords: youth, special military operation, Russia, Ukraine, media support

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the research project “Value Motivation of the Attitude of Young People to the Main Directions of State Policy in Modern Russia”, supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kazakov A. A. The attitude of Russian youth to the Special Military Operation: The role of media support of state policy. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 460–467 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467>, EDN: VRKDZI

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Начавшаяся 24 февраля 2022 г. специальная военная операция на Украине (далее – СВО) стала важнейшим фактором как внешней, так и внутренней политики России. Ее проведение повлекло за собой целый ряд социальных, экономических, психологических, международных и геополитических последствий. Среди прочего увеличилось число людей, решивших покинуть страну. После объявленной в сентябре частичной мобилизации поток эмигрантов (большую часть которых составляют люди молодого и среднего возраста) еще более усилился.

На наш взгляд, больше всего военная кампания на Украине повлияла на молодежь. И дело здесь не только в том, что представители молодого поколения составляют основную часть вовлеченного в конфликт военного контингента. Для многих представителей данного социального слоя боевые действия на территории соседнего государства оказались достаточно неожиданными и вызвали весьма неоднозначную реакцию. Кто-то поддержал решение руководства страны, а кто-то, напротив, посчитал его абсолютно неправильным. Более того, в отдельных случаях различное отношение к СВО становилось причиной серьезных межличностных и групповых конфликтов внутри самих молодежных коллективов. Получившая широкий публичный резонанс травля поддержавшего политику руководства страны студента факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова С. Антропова его же сокурсниками – одно из ярких тому подтверждений (подробнее об этом см.: vesti.ru/article/2964244).

Разумеется, в 2022 г. отношение молодежи к происходящему в рамках СВО еще не успело получить должного осмысления со стороны российского академического сообщества. В отечественной научной литературе, конечно же, представлены результаты исследования особенностей политической культуры и поведения современной молодежи. Так, например, в целом неплохо изучены духовно-нравственные ценности [1–5] и идеологические предпочтения современной российской молодежи [6–10]. Достаточно часто анализируются форматы и мотивация протестного участия молодых людей [11–21]. Предпринимаются попытки синтезировать представления молодежи о желаемом образе будущего России [22–26].

Вместе с тем следует признать, что причины, специфику и, главное, последствия весьма неоднозначной реакции молодых россиян на

инициированные СВО процессы ученым еще только предстоит выявить. В этой связи в центре нашего внимания в рамках настоящей статьи окажется лишь одна из многочисленных составляющих связанного с этим комплекса проблем, а именно – влияние медийного сопровождения действий российских властей на отношение к ним со стороны молодежи.

Прежде всего, необходимо заметить, что социологические опросы относительно отношения населения к СВО проводятся регулярно, однако не всегда в открытый доступ выкладываются результаты с разбивкой по возрастным группам. Так, например, ВЦИОМ ежемесячно проводит соответствующие исследования, но на своем официальном сайте публикует лишь обобщенные данные – по всем респондентам, вне зависимости от их возраста. ФОМ четырежды измерял отношение россиян к происходящему, однако делал это лишь до 20 марта (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/spetsialnaja-voennaja-operacija-polgodaspustja>); с тех пор результаты соответствующих опросов на его сайте не представлены. И лишь Аналитический центр Юрия Левады (далее – «Левада-Центр», признан иноагентом) проводит опросы на эту тему каждый месяц и выкладывает подробные результаты, упорядоченные в том числе по возрастному критерию (<https://www.levada.ru/2022/09/01/konflikt-s-ukrainoj-avgust-2022-goda>). Именно поэтому далее будут приводиться результаты замеров, проведенных сотрудниками «Левада-Центра» в августе 2022 г. (на момент подготовки данной статьи это были самые свежие данные).

Из тех аспектов, которые интересуют социологов, наиболее интересными и показательными нам представляются четыре. Первый – это уровень интереса россиян к происходящему на Украине (рис. 1).

Как видим, более или менее внимательно за происходящим в рамках СВО следит лишь половина опрошенных. При этом, по сравнению с мартом 2022 г., их доля существенно снизилась (тогда очень внимательно следили 29%, а довольно внимательно – 35% населения). Очевидно также, что молодежь (в данном случае это люди от 18 до 39 лет) интересуются этим меньше, чем люди более зрелого возраста.

Схожие расклады и динамика прослеживаются и в отношении второго показавшегося нам важным индикатора – уровня озабоченности происходящим (рис. 2).

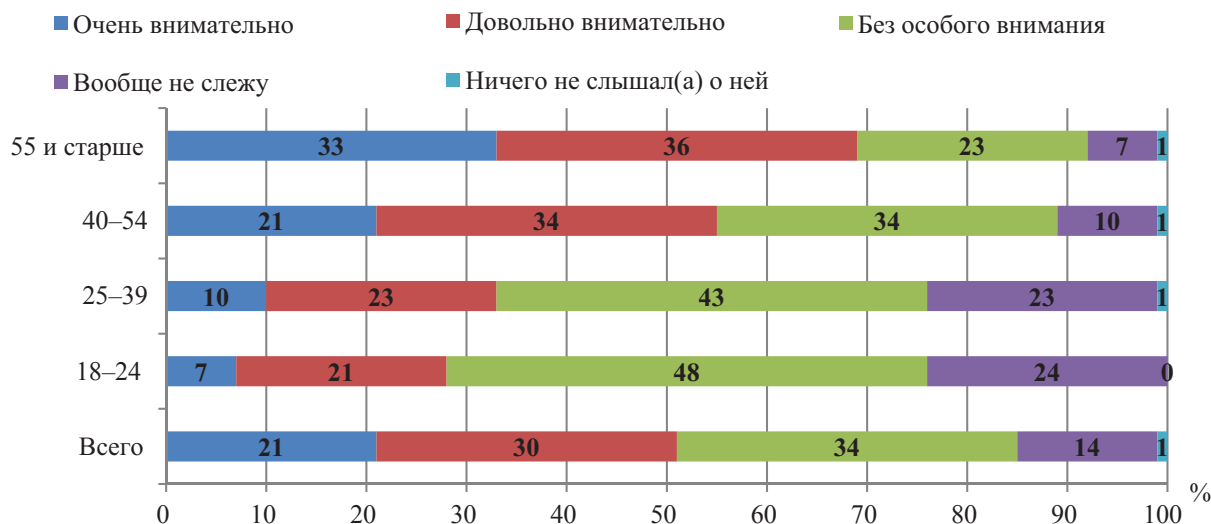

Рис. 1. «Следите ли Вы за ситуацией вокруг Украины?», % опрошенных (цвет online)

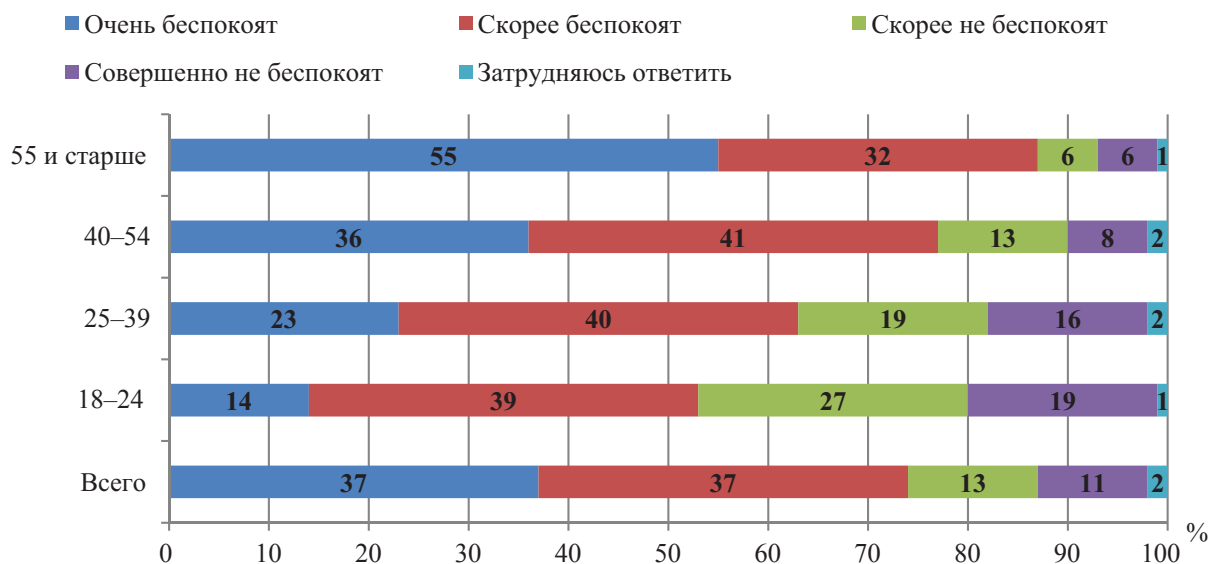

Рис. 2. «Вас беспокоят текущие события в Украине?», % опрошенных (цвет online)

Количество людей, которых происходящее на Украине очень или скорее беспокоит, снизилось с 82% в марте до 74% в августе. И снова можно говорить о том, что чем старше человек, тем более он равнодушен к тому, что происходит на территории соседних государств (на момент проведения опроса ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области еще не были частью Российской Федерации).

На наш взгляд, характерные для молодежи сравнительно невысокие уровни интереса и озабоченности происходящим нельзя считать неожиданными. Так или иначе, но в большинстве своем молодые люди традиционно менее склонны к рефлексии относительно политических по своей природе событий и процессов.

В этом смысле значительно более показательными являются результаты ответов на вопросы об отношении к действиям России на Украине (рис. 3).

Как видно из данных, представленных на рис. 3, поддержка молодежью действий российских вооруженных сил значительно меньше, чем у представителей более старших поколений. При этом, по сравнению с мартом, общий уровень поддержки сократился с 81 до 76%.

Нужно отметить, что эти данные весьма четко коррелируют с результатами двух аналогичных опросов, проведенных другими социологическими службами. Так, в марте на вопрос интервьюеров ФОМа «Как вы считаете, решение о проведении военной операции

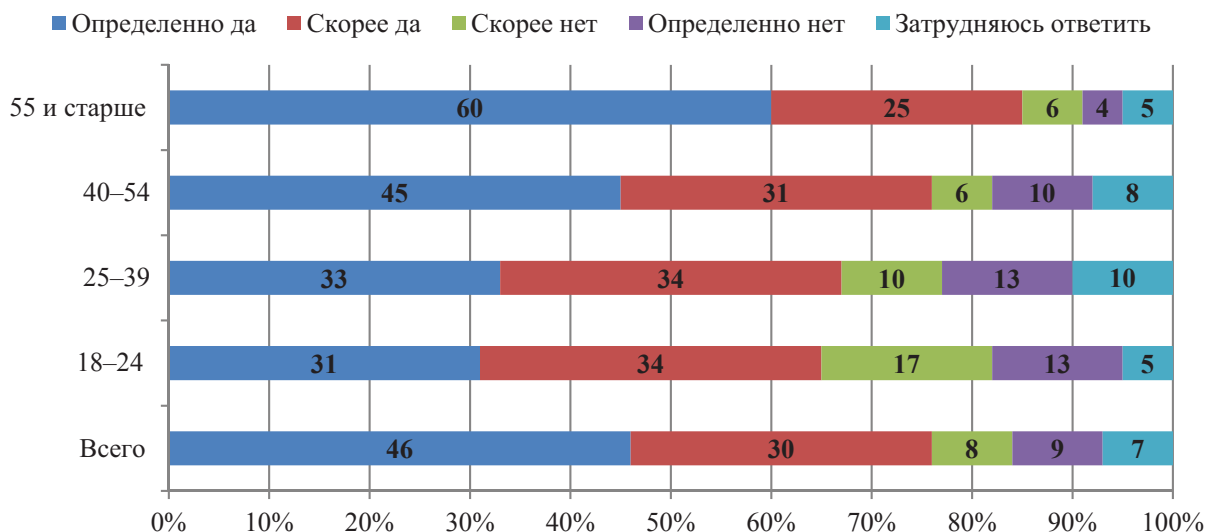

Рис. 3. «Вы лично поддерживаете или нет действия российских вооруженных сил в Украине?», % опрошенных (цвет online)

было правильным или неправильным?» «правильным» ответили 73% всех респондентов, 59% – в возрасте 18–30 лет и 66% – от 31 до 45 лет. В августе ВЦИОМ также получил схожий результат: на вопрос «Скажите, пожалуйста, решение провести специальную военную операцию России в Украине Вы поддерживаете

или не поддерживаете?» 70% респондентов ответили «скорее поддерживаю», 18% – «скорее не поддерживаю» (в марте было 73 и 18% соответственно).

Любопытны также результаты замеров наиболее предпочтительных для населения вариантов развития СВО (рис. 4).

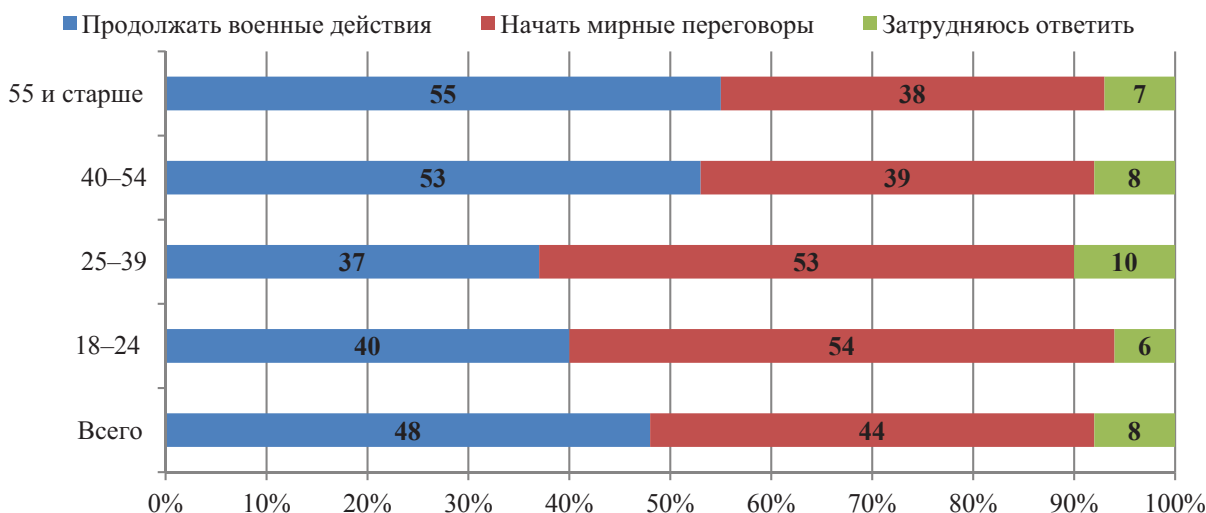

Рис. 4. «Как Вы считаете, сейчас следует продолжать военные действия или начать мирные переговоры?», % опрошенных (цвет online)

В очередной раз получается расклад, согласно которому мнение молодых граждан несколько отличается от позиции более зрелых людей: сторонников мирных переговоров с Украиной среди молодежи ощутимо больше. Показательно, что, по данным того же опроса «Левада-Центра», 60% тех, кто поддержива-

ет действия российских вооруженных сил на Украине, выступают за продолжение военных действий и 34% ратуют за начало переговоров. Среди тех же, кто не поддерживает действия России, лишь 10% высказываются за продолжение боевых действий и 84% – за переговоры.

Таким образом, результаты приведенных социологических опросов весьма убедительно свидетельствуют о том, что современная российская молодежь в целом более сдержанно относится к тому, что происходит в рамках СВО. По всей видимости, используемые политическим руководством доводы о необходимости обеспечения национального суверенитета государства и защиты прав русскоязычных людей, проживающих за пределами нашей страны, не находят у нее того отклика, который имеет место быть у старших поколений.

Возникает вопрос: почему стало возможным столь «осторожное» отношение молодежи к происходящему? В чистом виде протестным или оппозиционным это отношение назвать нельзя, так как, судя по опросам, большая часть молодых людей все же поддерживает политику государства в этом направлении.

На наш взгляд, можно выделить сразу несколько причин. Условно они могут быть разделены на две группы. Первую из них составляют объективные, «фундаментальные» обстоятельства, которые существуют на протяжении достаточно длительного времени и, соответственно, вряд ли могут быть оперативно устранены.

Прежде всего, имеем в виду существовавшие в последние несколько десятилетий пробелы в культурной и образовательной политике, а также отсутствие целенаправленной идеологической работы с подрастающим поколением. Сломав советскую систему воспитания, руководству нашей страны, к сожалению, так и не удалось предложить взамен какую-либо внятную и достойную альтернативу. Засилье западных ценностей и культурных образцов, фактически полный демонтаж прежних практик работы с молодежью, возникший в девяностые годы и до сих пор полноценно не заполненный идеологический вакуум привели к тому, что у многих молодых людей исчезли ценностные ориентиры. Материальные ценности стали более значимыми, чем духовные. Важность многих вещей начала измеряться не общественным благом, а их «стоимостью». Понятие патриотизма во многом девальвировалось.

Все это создало условия для того, что нынешней молодежи непросто понять, почему Россия должна жертвовать своим собственным благополучием, подвергаться санкциям, нести экономические, репутационные и прочие издержки ради кого-то другого – того, кто даже не является гражданином нашей страны. Отсюда – и сдержанные оценки СВО.

Еще одна объективная причина – это более активное использование молодежью са-

мых различных информационных источников на фоне отсутствия у нее богатого жизненного опыта. Будучи на порядок более технологически подкованными, чем старшие поколения, молодые люди практически не смотрят телевизор, не читают газеты и не слушают информационные радиостанции. Большую часть сведений о политике они получают из социальных сетей, мессенджеров и от тех людей, которые являются авторитетными именно для них. С одной стороны, это позволяет им в значительно меньшей степени зависеть от государственной пропаганды. Но, с другой стороны, это делает их более уязвимыми перед лицом всевозможных манипуляций со стороны враждебно настроенных к нашей стране политических акторов. Не обладая в достаточной мере развитыми навыками критического мышления и не имея большого жизненного опыта, зачастую они становятся жертвами намеренно запускаемых фейков, ложных интерпретаций и трактовок происходящего. И это также, по нашему мнению, влияет на то, как молодые россияне относятся к СВО.

Ситуация усугубляется тем, что наряду с обозначенными выше объективными причинами есть еще и ряд ситуативных факторов, связанных с тем, как освещается сама СВО. К сожалению, нередко официальная информация о ходе боевых действий от Министерства обороны Российской Федерации банально запаздывает. Скажем, практически все случаи обмена военнопленными изначально освещались в телеграм-каналах блогеров или же на украинских ресурсах, и лишь спустя какое-то время об этом же рассказывали официальные российские власти.

Более того, отдельные факты о ходе СВО могут не только запаздывать, но и вовсе замалчиваться. Например, с февраля по сентябрь (включительно) 2022 г. данные о потерях российских войск озвучивались всего лишь три раза. Не очень часто сообщается и о проблемах, с которыми нашим военным приходится сталкиваться в зоне боевых действий. При этом на альтернативных официальном информационных ресурсах все это освещается гораздо более активно (но при этом не всегда объективно). Не испытывая проблем с поиском информации, молодежь в таких условиях довольно быстро переориентируется на те источники, где она может найти то, о чем умалчивают официальные российские ресурсы. Получая на них не всегда достоверную информацию о ходе СВО, молодые люди невольно начинают относиться к происходящему более скептически.

Кроме того, на целый ряд связанных с ведением СВО вопросов, которые волнуют многих людей, вразумительных ответов просто нет. Скажем, внятно не объясняется, почему не наносятся регулярные удары по объектам украинской инфраструктуры и пресловутым «центрам принятия решений». Четко не поясняется, что именно включают в себя изначальные цели СВО – демилитаризация и денацификация. Не понятно также, каким российская власть видит желаемое будущее Украины.

Наконец, еще одна субъективная причина, по которой молодые люди все чаще предпочитают не использовать официальные российские информационные каналы, – это нежелание или боязнь ответственных лиц называть вещи своими именами и использование ими всевозможных эвфемизмов. Когда вместо признания очевидных ошибок, допущенных на начальном этапе СВО, постоянно повторяется, что «все идет по плану», когда отступление союзных войск из северной и восточной частей Харьковской области в первой половине сентября 2022 г. именуется «перегруппировкой сил», все это никак не делает подобные ресурсы более привлекательными и востребованными среди молодежной аудитории. Скорее, наоборот – подталкивает ее к использованию зарубежных источников, в том числе тех, что связаны с известным своей антироссийской направленностью украинским Центром информационно-психологических операций (ЦИПСО).

Резюмируя, можно сделать следующие выводы. Результаты опросов, проводившихся различными социологическими компаниями, свидетельствуют о том, что большая часть современной российской молодежи в целом поддерживает СВО. Вместе с тем, в сравнении со старшими поколениями, ее позиция по данному вопросу является более сдержанной и осторожной. Тех, кто не интересуется происходящим, не поддерживает действия российских вооруженных сил и предпочитает мирные переговоры продолжению боевых действий, среди молодых респондентов больше, чем среди людей от сорока лет и старше.

Подобное отношение части молодежи к СВО имеет несколько причин. Некоторые из них устранить крайне трудно. Изменить сознание людей, воспитанных в условиях идеологического вакуума, преклонения перед Западом и его ценностями во времена, когда патриотизм не считался чем-то важным и нужным, вряд ли возможно. Им объективно сложно понять, за кого и за что борется Россия, проводя СВО.

Однако наряду с этими «укорененными» причинами есть и факторы, которые вполне поддаются корректировке. В частности, полагаем, что в нынешних условиях ни в коем случае нельзя недооценивать роль информационного сопровождения всего происходящего в зоне боевых действий. Многих молодых людей не устраивает то, как СВО освещается в государственных и лояльных власти традиционных СМИ. Более того, зачастую молодежь изначально ими не пользуется, предпочитая получать информацию из социальных сетей и мессенджеров.

Стало быть, если политическое руководство страны заинтересовано в формировании более позитивного отношения молодого поколения к государственной политике на данном направлении, необходимо оперативно принимать соответствующие меры. В качестве приоритетных шагов считаем возможным выделить следующие:

1) активное использование востребованных у молодежи площадок и форматов преподнесения информации о ходе СВО. Ежедневные сводки Министерства обороны должны транслироваться и выкладываться не только на федеральных медийных ресурсах, но и там, где их может увидеть сама молодежь. Кроме того, эти сухие официальные сообщения требуется сделать более наглядными, динамичными и интерактивными. Возможно, имеет смысл подумать о том, чтобы для молодежи их озвучивал (или хотя бы комментировал) человек, известный и авторитетный именно в молодежной среде;

2) необходимо повысить степень оперативности информирования о происходящих событиях. Разумеется, речь в данном случае не идет о том, что нужно рассказывать о планах военного руководства или военных операциях, которые проходят в данный момент. Но в тех случаях, когда что-то уже произошло, сообщать об этом нужно сразу же. Ситуации, когда сначала молодые люди узнают о чем-то на зарубежных ресурсах и лишь спустя день-два – на официальных российских, приводят к тому, что именно первые начинают восприниматься молодежью как приоритетные и заслуживающие доверия;

3) помимо оперативности, не менее важны также достоверность и объективность сообщаемой информации. Замалчивание проблем, попытки представить неудачи и провалы в качестве необходимых «тактических решений» явно не способствуют росту доверия молодежью (как, впрочем, и любой иной) аудитории к

официальным сообщениям. В результате люди начинают использовать другие источники информации, которые вполне могут контролироваться субъектами, преследующими собственные политические цели. И эти цели далеко не всегда совпадают с целями развития Российского государства.

Список литературы

1. Казанцева Д. Б., Ивентьев С. И. Духовно-нравственный потенциал личности в общественно-политической сфере современной России // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021. Т. 21, № 1 (53). С. 78–95. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.053.021.202101.078-095>
2. Сеудов Ш. Г., Найденова Л. И., Розенберг Н. В. Политические ценности и настроения современной молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 4 (60). С. 38–46. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-4-4>
3. Селезнева А. В., Яковлева А. Ф., Ибрагимов Э. С. Гражданское самосознание российской молодежи и медиапространство: «нескладывающийся пазл» // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3, № 4. С. 109–138. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i4.206>
4. Семенов И. С. Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 25–45. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03>
5. Скипин Н. С. Политические ценности и современная российская молодежь: морально-этический контекст // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Политология. Религиоведение. 2021. Т. 36. С. 76–82. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.36.76>
6. Дискин И. Е. Понимающая скорбь о крахе либерализма // Тетради по консерватизму. 2021. № 4. С. 26–37.
7. Матвеева Е. В. Политические ценности как средство формирования гражданской позиции российской молодежи (по материалам региональных исследований) // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 1. С. 142–153. <https://doi.org/10.24412/2782-6139-2022-1-142-153>
8. Махаматова С. Т. Либертарианство как продолжение ценностного слома. Взгляд из России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11, № 4. С. 30–36. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-4-30-36>
9. Медушевский А. Н. Посткоммунистический проект в Восточной Европе: содержание, эволюция и причины исчерпания (часть I) // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1 (10). С. 82–93. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2021-10107>
10. Хорина Г. П. Идеологический компонент в современной культуре России // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 4. С. 215–223. <https://doi.org/10.17805^ри.2021.4.18>
11. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>
12. Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е. Мотивы и ценностные доминанты протестов в оценках лидеров протестных акций и молодежи // Власть. 2022. Т. 30, № 1. С. 32–41. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8768>
13. Виганд А. М., Костригин А. А. Ценности молодежи с различной направленностью политической активности // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2021. № 1. С. 16–32. <https://doi.org/10.24412/2303-9744-2021-1-16-32>
14. Марин Е. Б. Представление о социальном протесте у молодежи российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 1. С. 62–92. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.1.699>
15. Меркулов П. А., Проказина Н. В. Методологические подходы к анализу протестной деятельности молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 1. С. 15–23. <https://doi.org/10.12737/24765>
16. Попова О. В., Лагутин О. В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Политология. 2019. Т. 21, № 4. С. 599–619. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619>
17. Руденкин Д. В. Как российская социально-гуманитарная наука изучает молодежные протесты: основные направления анализа // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 68 (ч. 6). С. 96–100.
18. Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 139–158. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1674>
19. Титов В. В., Самохвалов Н. А. К вопросу о некоторых причинах «омоложения» протестных настроений в России // Via in tempore. История. Политология. 2020. Т. 47, № 1. С. 211–217. <https://doi.org/10.18413/2687-0967-2020-47-1-211-217>
20. Трынов Д. В., Дидковская Я. В. Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. 2019. Т. 14, № 3 (191). С. 118–127.
21. Шенякова А. В., Гришин Н. В. Мобилизация политического протеста молодежи и российские

- видеоблогеры: результаты когнитивного картирования // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3, № 2. С. 88–109. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.155>
22. *Вилков А. А.* Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология*. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 101–107. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107>
23. *Дудина О. М., Алексеев М. О.* Образ будущего и жизненные стратегии современной студенческой молодежи // *Социально-гуманитарные знания*. 2019. № 10. С. 8–14.
24. *Комаровский В. С.* Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // *Власть*. 2020. Т. 28, № 1. С. 45–50. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7041>
25. *Комаровский В. С., Савенков Р. В.* Политическая повестка и образ будущего в предвыборных документах политических партий на выборах депутатов Государственной думы 2021 г. // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22, № 2. С. 21–36. <https://doi.org/10.31429/26190567-22-2-21-36>
26. *Шестов Н. И.* Представления молодежи о будущем России: провинциальное измерение // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология*. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 108–113. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-108-113>

Поступила в редакцию 12.09.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 03.10.2022
The article was submitted 12.09.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 03.10.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 468–476

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 468–476

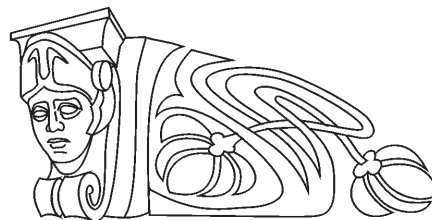
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-468-476>, EDN: WNOXGO

Научная статья

УДК 323.22/.28

К вопросу о сетевизации политического имиджа современного лидера: результаты эмпирического анализа

Д. И. Каминченко

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23

Каминченко Дмитрий Игоревич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, dmitkam@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3193-3423>

Аннотация. В статье изучается сетевизация современного поля публичной политики. С помощью теории информационного общества и концепта имиджево-ролевого конструкта анализируется содержание имиджа регионального лидера – губернатора Нижегородской области Г. С. Никитина. В качестве основного эмпирического метода исследования выбран качественно-количественный тип контент-анализа, а информационный массив данных составили новостные сообщения официального интернет-сайта Правительства Нижегородской области. По результатам проведенного исследования установлено наличие в имидже политического лидера целого ряда содержательно-смысловых конструктов, среди которых наиболее часто встречаемыми стали следующие: «хозяйственник», «командный игрок», «организатор», «лидер, устремленный в будущее», «кризисный менеджер», «лидер, который в курсе различных деталей актуальных проблем» и др. На основании ряда свойств символично-смыслового содержания (политематичности, гетерархии тем, ситуативности и изменчивости) сформулирован вывод о сетевом характере имиджа политического лидера.

Ключевые слова: сетевизация, политический имидж, информационное общество, политическая коммуникация, имиджево-ролевой конструкт

Для цитирования: Каминченко Д. И. К вопросу о сетевизации политического имиджа современного лидера: результаты эмпирического анализа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 468–476. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-468-476>, EDN: WNOXGO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the issue of political image leader networkization: The results of an empirical analysis

D. I. Kaminchenko

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia

Dmitriy I. Kaminchenko, dmitkam@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3193-3423>

Abstract. The networkization of the modern field of public policy is studied in the paper. With the help of the information society theory and the image-role construct concept, the content of the image of the regional leader - the governor of the Nizhny Novgorod region G.S. Nikitin is analyzed in the research. A qualitative-quantitative type of content analysis was chosen as the main empirical method of research, and the information array of data was made up of news reports from the Website of the Nizhny Novgorod Region Government. According to the results of the study, the presence in the image of a political leader of a number of meaningful and semantic constructs was established, among which the most used were the following: «economic manager», «team player», «initiator», «leader looking to the future», «crisis manager», «a leader who is aware of the various details of current problems» and others. Based on a number of features of the symbolic and semantic content (polythematicity, heterarchy of themes, situationality and variability), the authors made a conclusion about the network nature of the political leader image.

Keywords: networkization, political image, information society, political communication, image-role construct

For citation: Kaminchenko D. I. On the issue of political image leader networkization: The results of an empirical analysis. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 468–476 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-468-476>, EDN: WNOXGO

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Цифровизация современного общества вносит существенные коррективы в происходящие в нем политические процессы и сложившуюся внутри него систему политических отношений. Киберпространство становится значимым полем для реализации разнообразных интересов для различных акторов, а также «источником как возможностей, так и многих угроз для единой системы общества» [1, с. 5]. Современное интернет-пространство способно существенно трансформировать сложившиеся практики взаимодействия власти и общества. Цифровая трансформация позволяет внедрить в деятельность органов публичной власти электронные сервисы, способные «повысить качество оказания государственных и муниципальных услуг населению» [2, с. 41], тем самым серьезно проникая в процессы публичного управления [3, с. 88]. Неслучайно ученые сегодня обращают внимание на то, что в условиях активного внедрения цифровых технологий в странах с развитой демократией происходит изменение всей парадигмы сферы публичного управления: «...строго иерархические модели сменились менеджерскими, а те, в свою очередь, сетевыми» [4, с. 29]. Благодаря цифровизации общества повышается и степень информированности его граждан, что, по мнению Е. Н. Щеголева, «может способствовать эффективному диалогу и подлинному взаимодействию всех участников политических процессов, протекающих в государстве» [5, с. 161].

Более того, цифровая трансформация общества не только существенным образом сказывается на практиках взаимодействия власти и общества (т.е. преимущественно на процессуальном уровне), но и приводит к сущностным изменениям самих субъектов политических отношений. Например, активное использование (особенно молодой аудиторией) современных социальных медиа (развитие которых «открыло широкие возможности для прямой трансляции общественных настроений в информационное пространство» [6, с. 132]) привело к тому, что значительная часть молодой аудитории сегодня формирует (выбирает) собственную, индивидуальную новостную повестку дня, что является, с одной стороны, фактором, а с другой – следствием такого явления, как индивидуализация личностного сознания. При этом, анализируя изменения сознания в условиях сетевизации общества, ученые нередко обращают внимание на изучение феномена «клипового мышления» и «многозадачности» (как способности к одновременному восприятию разных информационных потоков и выполнению разных видов действий при поверхностном усвоении информации)» [7, с. 4]. Существенные изменения происходят и в

содержании функционирования властных субъектов, и в специфике политического лидерства в целом (неслучайно в современных исследованиях поднимается вопрос о функциональном и коммуникативном наполнении такого феномена, как сетевое политическое лидерство [8, с. 456]).

Цель данного исследования заключается в выявлении сетевых черт в содержании имиджа современного политического лидера. Для выполнения указанной цели будет проанализирован определенный текстовый массив данных, что позволит установить особенности имиджа современного лидера в коммуникативном интернет-пространстве и выяснить, насколько в нем проявляются такие сетевые черты, как политематичность, отсутствие доминирующей темы (т.е. тематическая гетерархия), изменчивость, динамичность и т.д.

Аналізу политического имиджа отводится немалый объем внимания как в отечественных исследованиях [9–17], так и в зарубежных [18–25]. В научном дискурсе представлены различные варианты определения понятия «имидж». По мнению Т. Н. Пищевой, имидж зачастую рассматривается как «специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика (власти, партии, страны и т.д.)» [26, с. 47]. О. Ю. Шмелева полагает, что имидж следует «интерпретировать как технологический конструкт, подверженную воздействию внешних социальных механизмов систему ценностей и представлений» [27, с. 25], а Н. А. Синеокая отмечает, что имидж политического лидера представляет собой «совокупность его образов как личности и профессионала» [14, с. 236]. Говоря об изученности темы имиджа, М. Д. Альварес и С. Кампо обращают внимание на сложившийся в научной литературе консенсус, согласно которому имидж – это двухкомпонентная конструкция, состоящая из аффективных и когнитивных элементов, содержательно указывающая на различные поведенческие интенции [18, р. 71].

В научном дискурсе активно представлена тема изучения формирования политического имиджа. В частности, Р. О. Андерсон в своей работе «The characterization model for rhetorical criticism of political image campaigns» отмечает, что, несмотря на то что общественно-политические деятели могут управлять такими имиджевыми факторами, как внешний вид и содержание речи, контролировать непосредственно процесс формирования имиджа они не могут. Содержание имиджа политического субъекта осязаемо не привязано к самому субъекту напрямую [28, р. 75]. Р. О. Андерсон осуществляет моделирование процесса формирования политического имиджа, подчеркивая, что любая модель по-

строения имиджа должна включать в себя три базовых концепта: 1) «характеристика/описание характера» («*characterization*»), относящиеся к действиям политического кандидата; 2) «диалектический процесс отбора» («*the dialectical process of selection*»), описывающий генезис содержания публичных имиджей; 3) «конкуренция» («*competition*»), определяющая развитие содержания политического имиджа в наиболее подходящем для реализации политических интересов направлении. В результате он разработал «базовую модель действия» («*the basic action model*»), в которой уделено внимание как основным политическим субъектам и их действиям, так и содержанию самого имиджа [28, р. 81].

Одним из наиболее распространенных направлений изучения в рамках интересующей нас предметной области является анализ политического имиджа одного отдельно взятого лидера или партии, в том числе в сравнительной и исторической перспективе. В частности, в одной из недавно опубликованных научных работ Кэролин Джеймс исследует политический имидж Изабеллы д'Эсте (1474–1539), маркизы северного итальянского города-государства Мантуя, которая заказывала свои портреты у некоторых выдающихся художников своего времени, включая Тициана и Леонардо да Винчи. Изображения на портретах и портретных медалях того времени можно было рассматривать как политический инструмент по формированию и распространению собственного имиджа, который, по мнению ученого, активно использовался маркизой д'Эсте.

В качестве примера К. Джеймс приводит портрет Изабеллы д'Эсте, написанный Джованни Санти. Как отмечает автор исследования, указанный портрет вполне может быть рассмотрен как один из ранних экспериментов по созданию политического имиджа Изабеллы д'Эсте. В содержании данного имиджа, например, обращается пристальное внимание к арагонским связям и способности идти по политическим стопам ее матери и бабушки. В целом, по мнению К. Джеймс, портрет маркизы д'Эсте подкреплял ее репутацию как решительного и политически проницательного лидера [29, р.11].

Еще одно направление научно-исследовательского анализа политического имиджа – это сравнение имиджа различных политических лидеров и партий между собой. В частности, в одной из своих работ Ш. Дж. Перри-Гилз и Т. Перри-Гилз сравнивают имидж кандидатов на президентский пост в ходе предвыборных кампаний в США. В качестве объекта для анализа в их работе использованы предвыборные фильмы Рональда Рейгана (1984 г.), Джорджа Буша (1988 и 1992 гг.), Майкла Дукакиса (1988 г.) и

Билла Клинтона (1992 г.). С помощью изучения указанных фильмов авторами исследования показано, как создавался имидж данных кандидатов для американского электората [30, р. 338]. В теоретико-концептуальном плане ученые используют так называемый «феминизируемый» стиль («*feminine style*»), применяемый как дискурсивная рамка в коммуникативных практиках политических лидеров. По мнению ученых, в содержание обозначенной дискурсивной рамки входит использование личного стиля коммуникации, организованного при помощи индуктивных или нелинейных логических схем, основанного на применении анекдотов и примеров и нацеленного на отождествление говорящим себя непосредственно с аудиторией [30, р. 339].

Комплексный сравнительный анализ предвыборной кампании в Конгресс США на примере кампаний двух кандидатов – Фреда Швенгеля и Эдварда Межвински – представлен в работе Т. Дж. Марра [31, р. 56]. Изучая в своем исследовании имидж политических лидеров, он использует Q- и R-анализ панельных данных в качестве ключевого эмпирического метода. Результаты проведенного Т. Дж. Марром исследования показали наличие корреляционной связи между типом имиджа (формируемым политическим лидером и его командой) и политическим поведением граждан. Причем содержание имиджа Э. Межвински оказалось более разнообразным, чем содержание имиджа Ф. Швенгеля, и именно тип имиджа Э. Межвински как независимая переменная стал более значимым предиктором такой зависимой переменной, как политическое поведение общества [31, р. 65].

Отдельное внимание в научном сообществе отводится и теме восприятия обществом имиджа политических субъектов. Здесь отметим одну из работ бельгийских ученых К. де Ландтшир, Ф. де Вриза и Д. Вертессена [32]. В ней они используют концепт политической перцепции, который описывает процесс формирования у избирателей интуитивного впечатления о политических кандидатах, акцентируя основное внимание на таких определенных признаках, как стиль речи, характеристики внешнего вида и невербальное поведение, а не на выражении кандидатами взвешенных мнений, основанных на аргументах [32, р. 220]. По мнению авторов указанного исследования, политики, политические партии и особенно политические консультанты хорошо осведомлены о тех тенденциях, которые порождаются явлением политической перцепции и используют знание об этих тенденциях в сфере управления политическими представлениями общества, в том числе в процессе конструирования политического имиджа.

Несмотря на сложившийся весомый пласт работ, посвященных анализу имиджа политических субъектов, необходимо отметить возрастающую актуальность обозначенного направления исследований. Причиной тому служит продолжающаяся цифровизация политико-коммуникативного пространства, что требует проведения детального изучения данного процесса. Наше исследование направлено на изучение содержательно-смыслового наполнения имиджа современного лидера, формируемого в интернет-пространстве. Мы постараемся установить наличие/отсутствие сетевого эффекта в содержании политического имиджа одного из региональных руководителей РФ.

Теоретико-концептуальную основу исследования составляет теория информационного общества, одним из ключевых достижений которой, по мнению ученых, является «выявление новых тенденций, характерных для сферы политического, проявившихся в условиях информационной революции» [33, с. 755]. Теория информационного общества затрагивает и тему изменения политической коммуникации в условиях сетевизации общества, позволяя анализировать имманентные свойства как самих коммуникативных актов, так и действий политических субъектов, использующих их в своих интересах. В качестве ключевого концепта в рамках исследования выбран имиджево-ролевой конструкт, под которым подразумевается «обобщенная совокупность содержательно-смысловых компонентов и символов, с помощью которых демонстрируется позиция и действия лидера в отношении целого ряда вопросов различной функционально-тематической направленности» [34, с. 26]. Имиджево-ролевые конструкты носят, на наш взгляд, ситуативный характер и выделяются на основе анализа содержания какого-либо вербального или невербального коммуникативного акта политического лидера. В одной из предыдущих работ автором выделен ряд установленных в ходе проведения исследования имиджево-ролевых конструктов, среди которых: «организатор», «кризисный менеджер», «командный игрок», «болельщик», «открытый лидер, слушающий общество», «хозяйственник», «человек, знающий и чующий историю страны/города», «строитель», «человек, интересующийся культурой и искусством», «лидер, устремленный в будущее», «семьянин» и т.д. [35, с. 24–25].

Базовым эмпирическим методом исследования в данной работе стал ненаправленный качественно-количественный контент-анализ, при проведении которого смысловой единицей аналитического наблюдения стал тематический имиджево-ролевой конструкт, а единицей счета –

новостные сообщения, размещенные на официальном сайте Правительства Нижегородской области (<https://government-nnov.ru/>), в которых присутствует упоминание губернатора региона Г. С. Никитина. Период мониторинга составил временной промежуток с 24 марта по 9 июня 2022 г. Общий информационный массив для изучения – 300 новостных сообщений – что, по нашему мнению, является достаточным объемом текстовой выборки, учитывая качественно-количественный характер применяемого в работе эмпирического метода.

Выбор содержания имиджа Г. С. Никитина в качестве объекта для изучения не является случайным, так как глава области – молодой и активный руководитель, использующий различные интернет-площадки для поддержания коммуникации с обществом. Поэтому анализ содержания имиджа Г. С. Никитина отвечает целям и задачам проводимого исследования, связанным с выявлением эффекта сетевизации содержательно-смыслового наполнения имиджа современного политического лидера. Отметим, что Г. С. Никитин был назначен на должность врио губернатора Нижегородской области 26 сентября 2017 г., а на выборах главы региона, состоявшихся в 2018 г., он набрал 67,75% голосов избирателей. У него есть опыт работы в Правительстве РФ, он активно взаимодействует как с представителями федеральных министерств, так и с региональными руководителями других субъектов РФ.

По итогам проведенного текстового анализа выявлен ряд имиджево-ролевых конструктов, встречающихся во всем информационном массиве. Наиболее часто используются следующие.

1. «Хозяйственник» (например, подобный имиджево-ролевой конструкт используется в новостном сообщении, посвященном участию Г. С. Никитина в приеме граждан полномочным представителем Президента России в ПФО, в ходе которого поднимался вопрос о процессе газификации жилых домов в области (<https://government-nnov.ru/?id=302437>)).

2. «Командный игрок» (в качестве примера укажем новостное сообщение, посвященное презентации макета ледового дворца губернатором Нижегородской области председателю Правительства РФ и министру финансов Правительства России в рамках конференции «Цифровая индустрия промышленной России» (ЦИПР) (<https://government-nnov.ru/?id=302260>)).

3. «Организатор» (как пример – сообщение по теме обсуждения вопросов о возможностях импортозамещения в промышленности через цифровые решения в рамках конференции «ЦИПР-2022», где делается акцент на инициативе Г. С. Никитина по созданию в регионе Центра

импорта и импортозамещения, одна из целей которого – координация вопросов по организации импортозамещающих производств и взаимодействия с центрами по импортозамещению в других регионах (<https://government-nnov.ru/?id=302258>)).

4. «Лидер, устремленный в будущее» (данный имиджево-ролевой конструкт, в частности, представлен в тексте поздравления главы региона с Днем эколога, в содержании которого региональный лидер обращает внимание на значимость экологического вопроса особенно в контексте будущих поколений жителей области и страны (<https://government-nnov.ru/?id=302278>)).

5. «Кризисный менеджер» (представлен в новостной записи о рабочей встрече Г. С. Никитина и главы Правительства России М. В. Мишустина, в ходе которой губернатор области сообщил о ситуации с распространением в регионе коронавирусной инфекции (<https://government-nnov.ru/?id=302255>)).

6. «Лидер, который в курсе различных деталей актуальных проблем» (указанный имиджево-ролевой конструкт символизирует о скрупулезном и тщательном отношении политического лидера к конкретным вопросам, в частности – приведение различных деталей и статистических данных по тому или иному вопросу; подобный содержательно-смысловой конструкт встречается, например, в новостном сообщении, посвященном преобразованию в структуре Правительства Нижегородской области: Департамента развития туризма и народных художественных промыслов в региональное министерство (<https://government-nnov.ru/?id=300312>)).

7. «Строитель» (в частности, в одном из новостных сообщений рассказывается об открытии крупной транспортной развязки в областном центре (<https://government-nnov.ru/?id=302220>)).

8. «Лидер, знающий и чтущий историю

страны/города» (данный имиджево-ролевой конструкт проявляется в новостном сообщении, в котором глава региона поздравляет жителей страны с Днем Победы; в тексте поздравления отмечается функционирование военной промышленности в городе Горький в годы Великой Отечественной войны (<https://government-nnov.ru/?id=300659>)).

9. «Открытый лидер, слышащий общество» (указанный содержательно-смысловой конструкт представлен в сообщении, где рассказывается о ремонте тротуара в рамках проекта инициативного бюджетирования «Вам решать!», реализуемого по инициативе губернатора с 2021 г.; основной замысел проекта заключается в том, что именно граждане, жители области, предлагают свои инициативы, требующие решения со стороны исполнительной власти, которые затем проходят процедуру голосования (<https://government-nnov.ru/?id=302336>)).

10. «Лидер, интересующийся культурой и искусством» (например, в одном из новостных сообщений повествуется о том, что область станет пилотным регионом по созданию модельных реставрационных центров и центров прототипирования, а в речи губернатора обращается внимание на активное участие области в национальном проекте «Культура» (<https://government-nnov.ru/?id=302380>)).

В приведенном перечне используемых имиджево-ролевых конструктов указаны только наиболее часто встречаемые содержательно-смысловые единицы, другие представлены намного реже (среди них – «лидер – часть общества», «болельщик», «семьянин» и т.д.). Перечень наиболее часто используемых тематических конструктов в имидже политического лидера, представленных в новостных сообщениях на официальном сайте Правительства Нижегородской области, размещенных за период с 24 марта по 9 июня 2022 г., отражен в таблице.

Доля имиджево-ролевых конструктов в информационных сообщениях, размещенных на официальном сайте Правительства Нижегородской области, где встречается упоминание губернатора региона Г. С. Никитина, %

Имиджево-ролевые конструкты	Доля сообщений от общего числа новостных записей
«Хозяйственник»	53
«Командный игрок»	43
«Организатор»	36
«Лидер, устремленный в будущее»	34
«Кризисный менеджер»	20
«Лидер, который в курсе различных деталей актуальных проблем»	18
«Строитель»	13
«Лидер, знающий и чтущий историю страны/города»	13
«Открытый лидер, слышащий общество»	12
«Лидер, интересующийся культурой и искусством»	9

Подчеркнем, что в одном новостном сообщении могло содержаться неограниченное количество имиджево-ролевых конструктов, поэтому суммарный показатель выявленных наиболее популярных конструктов превышает 100%.

Проведенный качественно-количественный контент-анализ текстов новостных сообщений, размещенных на официальном интернет-сайте Правительства Нижегородской области, позволяет сформулировать ряд выводов относительно политического имиджа губернатора региона и используемых в его содержании имиджево-ролевых конструктов. Во-первых, необходимо обратить внимание на обилие различных имиджево-ролевых конструктов, проявляющихся в имидже руководителя, среди которых, в свою очередь, можно определить ряд тематических направлений. Например, одни имиджево-ролевые конструкты связаны с общими направлениями деятельности («хозяйственник», «строитель», «лидер, интересующийся культурой и искусством»), другие – с характером взаимодействия с обществом («открытый лидер, слушающий общество») и с представителями органов власти («командный игрок»). Часть выявленных содержательно-смысловых конструктов связаны с деловыми качествами руководителя («организатор», «кризисный менеджер», «лидер, который в курсе различных деталей актуальных проблем») и ценностными ориентирами («лидер, знающий и чующий историю страны/города», «лидер, устремленный в будущее»). Набор различных по своему содержанию имиджево-смысловых единиц свидетельствует о политематичности имиджа Г. С. Никитина.

Во-вторых, наиболее популярным содержательно-смысловым конструктом стал «хозяйственник», но при этом его популярность не является доминирующей, так как преимущество над вторым по частоте встречаемости имиджево-ролевым конструктом – «командный игрок» – не столь велико. Это говорит об отсутствии одной господствующей темы в имидже лидера, центрирующей все остальные, т.е. для содержания имиджа характерна децентрализация (можно выделить 2–4 наиболее заметные темы, проявляющиеся в имиджевом наполнении изучаемого лидера).

В-третьих, обращает на себя внимание и ситуативность имиджа политика. В новостных сообщениях, посвященных тем или иным событиям, нередко представлены разные имиджево-ролевые конструкты (например, при освещении конференции «Цифровая индустрия промышленной России» (ЦИПР) имидж главы региона включал в себя такие содержательно-смысловые элементы, как «хозяйственник», «организатор»,

«кризисный менеджер» и т.д.). В одном из представленных имиджево-ролевых конструктов особенно выражена ситуативная направленность – «кризисный менеджер», в частности, указанный содержательно-смысловой компонент воплощен в имидже политика в сообщениях, посвященных мерам, принимаемым для адаптации экономики региона к изменяющимся условиям ввиду серьезного внешнего санкционного воздействия.

Проявление в содержании имиджа политического лидера таких черт, как политематичность, децентрализованность, ситуативность и изменчивость (ввиду частого использования в новостных сообщениях различных имиджево-ролевых конструктов), может свидетельствовать о сетевом характере символично-смыслового наполнения имиджа политика. В целом сегодня, на наш взгляд, сетевой характер содержания имиджа свойственен и политическим лидерам, и политическим институтам. В условиях сетевизации современного политико-коммуникативного поля формирование сетевого имиджа является вполне закономерным процессом. Вместе с тем вопрос о том, насколько успешным будет то или иное воплощение сетевого имиджа на практике, остается особенно актуальным, тем более что сетевизация нередко ассоциируется с универсализацией, но при этом в реальном воплощении в сетевом содержании имиджа представлены различные логико-смысловые (имиджево-ролевые) конструкты, находящиеся в разной конфигурации по отношению друг к другу. Анализ данного соотношения и будет, на наш взгляд, одной из ключевых задач при проведении будущих исследований.

В-четвертых, отдельно отметим популярные содержательно-смысловые, тематические направления, представленные в имидже главы Нижегородского региона. Экономическое развитие региона является одним из центральных в имидже руководителя, что представлено в таких символических конструктах, как «хозяйственник» и «строитель». Особое внимание уделено развитию в регионе промышленности и предпринимательства. Тема развития экономики отражена и в таком имиджево-ролевом конструкте, как «кризисный менеджер», поскольку он нередко использовался при описании действий губернатора, направленных на предотвращение негативных последствий от воздействия внешнеэкономического характера. Безусловно, популярной является и тематика решения вопросов в области развития разных отраслей социальной сферы (здравоохранения, образования, ЖКХ и т.д.), что также нашло свое воплощение в ряде содержательно-смысловых конструктов («хозяйственник», «лидер, устремленный в будущее» и т.д.).

Обратим внимание на частоту использования такого имиджево-ролевого конструкта, как «командный игрок». В имидже Г. С. Никитина особый акцент сделан именно на активном сотрудничестве с представителями органов государственной власти и на федеральном, и на региональном уровне, как с представителями Правительства РФ и полномочным представителем Президента в ПФО, так и с руководителями других регионов страны, депутатами Нижегородской области и главами муниципалитетов. В результате в имидже политика проявляется идея единства системы власти, а сам лидер является одной из ее частей.

Еще одним популярным имиджево-ролевым конструктом стал «организатор». Это выразилось в активности и инициативности губернатора области в решении различных вопросов, например: в запуске проекта инициативного бюджетирования («Вам решать!») по вовлечению граждан в решение значимых задач развития общества; в создании специального центра (Центра импорта и импортозамещения), нацеленного на преодоление негативных последствий в экономике региона в условиях внешнеэкономического давления, и т.д. «Лидер, устремленный в будущее» также стал одним из наиболее часто встречаемых содержательно-смысловых конструктов, представленных в имидже политического лидера, найдя свое проявление, например, в сообщениях, посвященных экологической тематике в контексте будущих поколений жителей региона. В целом ряде комментариев губернатора, представленных в информационном массиве, отражены цели и планы на будущее (нередко с указанием конкретных, ожидаемых статистических показателей).

«Кризисный менеджер» и «лидер, который в курсе различных деталей актуальных проблем» оказались чуть менее популярными имиджево-ролевыми конструктами, но также стали устойчивыми смысловыми компонентами в имидже главы региона. Причем первый из указанных конструктов использовался зачастую в контексте конкретной ситуации или события (например, внешнеэкономическое давление, распространение коронавирусной инфекции и т.д.). В нем демонстрировалась готовность и решимость действовать в условиях, выходящих за пределы обычного функционирования общества. Особый интерес вызывает смысловой конструкт «лидер, который в курсе различных деталей актуальных проблем». Он находит свое проявление в использовании главой региона в своих выступлениях конкретных деталей и статистики по тому вопросу, о котором идет речь в заявлении. Лидер, например, может рассказать о хронологии

событий, имеющих отношение к конкретному вопросу, или привести количественные данные по показателям экономического взаимодействия с другими субъектами. Это свидетельствует о скрупулезном подходе, тщательной подготовке и проведении серьезного анализа того или иного вопроса, требующего своего освещения.

Такие имиджево-ролевые конструкты, как «строитель», «лидер, знающий и чтущий историю страны/города», «открытый лидер, слышащий общество», «лидер, интересующийся культурой и искусством» и другие, оказались менее популярными в рассмотренном информационном массиве. Возможными причинами выявленной конфигурации символическо-смысловых конструктов могут быть как временная специфика проводимого мониторинга (временные рамки анализируемого информационного массива), так и событийная (связанная, в частности, с внешнеэкономическим давлением на Российское государство со стороны зарубежных стран).

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать обобщающий вывод о том, что в изученном информационном массиве глава региона представлен как активный и инициативный лидер, в деятельности которого сделан особый акцент на решении хозяйственно-экономических вопросов развития области с помощью в том числе интенсивного взаимодействия с представителями разных ветвей власти различного уровня. В его имидже подчеркивается ориентация на будущее области и страны в целом, а также находит свое воплощение идея готовности участвовать в принятии значимых решений в условиях повышенного воздействия конкретных (ситуативных) факторов. Важный символическо-смысловой аспект имиджа регионального лидера – его внимание к деталям и конкретной информации по тому или иному вопросу, демонстрирующее системный подход к решению определенных задач. Сделать подобные выводы оказалось возможным благодаря использованию концепта имиджево-ролевого конструкта, который, по нашему мнению, является релевантным инструментом для анализа имиджа политического субъекта (как политических лидеров, так и политических институтов). Данный содержательно-смысловой конструкт позволяет составить символическую карту имиджа политика, где представлены различные роли, демонстрируемые им в публичном пространстве политики. Причем эти роли нередко находятся в системном (а учитывая современные тенденции информатизации – и сетевом) взаимодействии друг с другом, что придает общей картине имиджа лидера целостный и комплексный характер.

Итак, в условиях цифровизации современного общества, взаимного переплетения офлайн и онлайн коммуникативных пространств, когда «виртуальная реальность воспринимается как реальность подлинная» [36, с. 392], происходят существенные изменения в информационном поле современной публичной политики. Меняются формы и особенности поведения субъектов политической коммуникации. Определенные трансформации происходят и в символическом поле политики, одним из возможных результатов которых может стать сетевизация содержания имиджа современного политического актора. В проведенном исследовании при помощи концепта имиджево-ролевого конструкта проанализирован имидж губернатора Нижегородской области Г. С. Никитина. Выявлен ряд черт содержательно-смыслового наполнения имиджа главы региона, среди которых – политематичность, гетерархия тем, ситуативность и изменчивость. Совокупность подобных черт, на наш взгляд, может свидетельствовать о сетевом характере имиджа политического лидера.

Список литературы

1. *Владимирова Т. В.* О роли искусственного интеллекта в становлении нового цифрового порядка // Информационное общество. 2022. № 2. С. 5–12.
2. *Ульянов А. Ю.* Цифровая трансформация муниципального управления: способы оптимизации и оценки эффективности // Информационное общество. 2022. № 2. С. 40–49.
3. *Плотников В. А., Маслюк А. В.* Перспективы цифровизации процессов государственного управления // Управленческое консультирование. 2022. № 3. С. 87–94. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-3-87-94>
4. *Каплуненко А. М.* Формирование устойчивой технополитической среды как фактор развития рекурсивной публичной политики в России // Управленческое консультирование. 2022. № 3. С. 28–40. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-3-28-40>
5. *Щёголев Е. Н.* Территориальное общественное самоуправление как элемент политической инфраструктуры безопасного развития муниципальных образований в условиях цифровизации // Управленческое консультирование. 2021. № 11. С. 156–163. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-11-156-163>
6. *Голубин Р. В., Исакова И. А., Коротышев А. П., Рыхтик П. П.* Интернет-технологии воздействия на социально-политическую активность молодежи: социологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 131–137. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-131-137>
7. *Алексеев А. П., Алексеева И. Ю.* Естественный интеллект в условиях цифровых трансформаций // Информационное общество. 2022. № 1. С. 2–8. https://doi.org/10.52605/16059921_2022_01_02
8. *Добровольская Ю. А.* Коммуникативная структура сетевого политического лидерства: перспективы эмпирического исследования феномена // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 452–456. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-452-456>
9. *Василенко С. А., Дебольская А. А.* Женщина-политик: эволюция имиджа на примере Терезы Мэй и Юлии Тимошенко // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. № 3 (32). С. 33–36. <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0903-0006>
10. *Головченко А. В.* Имиджевые инверсии либерального лидерства в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 457–462. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-457-462>
11. *Канюков А. Н.* Убедить россиянина. Структура убеждающего воздействия в формировании имиджевых характеристик депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 2. С. 124–146. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-2-124-146>
12. *Курманина Т. С.* Особенности формирования имиджа региональных политических лидеров // Вестник науки и образования. 2017. № 8 (32). С. 44–46.
13. *Селиверстова Ю. А.* Имидж политического лидера: создание, внедрение, актуализация // Власть. 2011. № 1. С. 71–73.
14. *Синеокая Н. А.* Имидж политика, формируемый в современных электронных СМИ (на примере женщин-политиков Германии) // Филология и просветительство. Научное, педагогическое, краеведческое наследие Н. М. Лебедева. Материалы конференции. Тверь : ООО «СФК-офис», 2017. С. 235–242.
15. *Толкалов А. С.* Сущность политического имиджа: отечественный и зарубежный опыт теоретического осмысления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 72–75.
16. *Шелекасова Н. П.* Бессознательные аспекты имиджа политического лидера // Полис. Политические исследования. 2000. № 4. С. 130–131.
17. *Solovyeva M. A.* Image of the «real» and «ideal» state at representatives of youth and «adult» political subcultures in Russia // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 140. P. 15–20.
18. *Alvarez M. D., Campo S.* The influence of political conflicts on country image and intention to visit: A study of Israel’s image // Tourism Management. 2014. Vol. 40. P. 70–78. <http://dx.doi.org/10.1016/j.tourman.2013.05.009>.
19. *Bird R. T, Hickey H. K., Leavitt M. J., Robinson J. L.* The dark authoritarians: Profiling the personality, emo-

- tional style, and authoritarian attitudes of the major American parties // *Personality and Individual Differences*. 2022. Vol. 186. Pt. B. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111298>
20. Gaffney J. Imagined relationships: Political leadership in contemporary democracies // *Parliamentary Affairs*. 2001. Vol. 54, iss. 1. P. 120–133. <https://doi.org/10.1093/pa/54.1.120>
21. Keplinger H. M. The declining image of the German political elite // *The Harvard International Journal of Press/Politics*. 2000. Vol. 5, iss. 4. P. 71–80.
22. Lou A. Viewpoint and image schemas in multimodal political discourse // *Journal of Pragmatics*. 2017. Vol. 122. P. 77–90. <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2017.07.002>
23. Severt K., Hahn J. J. Impact of political event and political affiliation on destination image and a longitudinal approach of image change // *Journal of Destination Marketing & Management*. 2020. Vol. 15. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2019.100406>
24. Warren C., Schneider Sh., Smith K. B., Hibbing J. R. Motivated viewing: Selective exposure to political images when reasoning is not involved // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 155. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109704>
25. Wright J. D., Tomlinson M. F. Personality profiles of Hillary Clinton and Donald Trump: Fooled by your own politics // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 128. P. 21–24. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.02.019>
26. Пищева Т. Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 2. С. 47–52.
27. Шмелева О. Ю. «Образ государства» как категория политической науки: теоретико-методологические аспекты изучения // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2017. № 4. С. 23–36.
28. Anderson R. O. The characterization model for rhetorical criticism of political image campaigns // *Western Journal of Communication (includes Communication Reports)*. 1973. Vol. 37, iss. 2. P. 75–86. <https://doi.org/10.1080/10570317309373774>
29. James C. Political image making in portraits of Isabella d'Este, Marchioness of Mantua // *Gender & History*. October 2021. P. 1–22. <https://doi.org/10.1111/1468-0424.12582>
30. Parry-Giles Sh. J., Parry-Giles T. Gendered politics and presidential image construction: A reassessment of the «feminine style» // *Communications Monographs*. 1996. Vol. 63, № 4. P. 337–353. <https://doi.org/10.1080/03637759609376398>
31. Marr T. J. Q and R analyses of panel data on political candidate image and voter communication // *Communications Monographs*. 1973. Vol. 40, № 1. P. 56–65. <https://doi.org/10.1080/03637757309375780>
32. De Landtsheer Ch., De Vries Ph., Vertessen D. Political impression management: How metaphors, sound bites, appearance effectiveness, and personality traits can win elections // *Journal of Political Marketing*. 2008. Vol. 7, № 3–4. P. 217–238. <https://doi.org/10.1080/15377850802005083>
33. Современная политическая наука: Методология / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. М. : Аспект Пресс, 2020. 776 с.
34. Каминченко Д. И. Особенности политического имиджа регионального лидера в интернет-пространстве // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2021. Т. 15, № 3. С. 24–39. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-3-24-39>
35. Каминченко Д. И. Политический имидж регионального лидера в «Инстаграм» // *Управленческое консультирование*. 2021. № 8. С. 18–34. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-8-18-34>
36. Голуб О. Ю. О коммуникативной природе электронной культуры // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология*. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 390–394. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-390-394>

Поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 02.07.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 02.07.2022; accepted for publication 29.08.2022

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 477–483

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 477–483

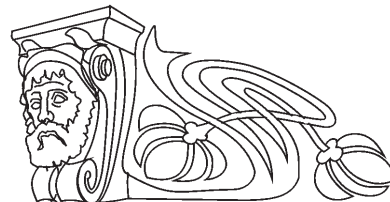
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-477-483>, EDN: XGNKJH

Научная статья

УДК 329(470+571)

Проблема обеспечения духовно-нравственной безопасности в программатике парламентских политических партий Российской Федерации

Е. О. Широкова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Россия, 430005, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68

Широкова Екатерина Олеговна, аспирант кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, ekaterinabondarenko1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4170-9935>

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы обеспечения духовно-нравственной безопасности в политических программах партий, вошедших в состав Государственной Думы Федерального Собрания восьмого созыва. Проведен анализ программных документов политических партий, опубликованных на официальных сайтах политических организаций и органов государственной власти. Выявлены актуальные подходы политических партий к проблемам обеспечения духовно-нравственной безопасности и основополагающие пути их разрешения. Сделан вывод о недостаточном внимании политических партий к выделению угроз духовно-нравственной безопасности России в программных документах, а также о наличии тенденции снижения интереса партий к проблемам духовно-нравственного развития российского общества. В стремлении к привлечению большего количества электората программы становятся все более унифицированными и популистскими, а сокращение их содержания достигается за счет сжатия положений о необходимости обеспечения духовно-нравственной безопасности России.

Ключевые слова: духовно-нравственная безопасность, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, политические партии, предвыборная программа, гражданское общество

Для цитирования: Широкова Е. О. Проблема обеспечения духовно-нравственной безопасности в программатике парламентских политических партий Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 477–483. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-477-483>, EDN: XGNKJH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of ensuring spiritual and moral security in the programmatics of parliamentary political parties of the Russian Federation

E. O. Shirokova

National Research Mordovia State University, MRSU, 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia

Ekaterina O. Shirokova, ekaterinabondarenko1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4170-9935>

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of ensuring spiritual and moral security in the political programs of the parties included in the State Duma of the Federal Assembly of the eighth convocation. The analysis of program documents of political parties published on the official websites of political organizations and public authorities was carried out. The actual approaches of political parties to the problems of ensuring spiritual and moral security and the fundamental ways of their resolution are revealed. The conclusion is made about the lack of attention of political parties to the allocation of threats to the spiritual and moral security of Russia in program documents, as well as the presence of a tendency to reduce the interest of parties in the problems of the spiritual and moral development of Russian society. In an effort to attract more electorate, the programs are becoming more and more unified and populist, and the reduction in their content is achieved by compressing provisions on the need to ensure the spiritual and moral security of Russia.

Keywords: spiritual and moral security, National Security Strategy of the Russian Federation, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, political parties, election program, civil society

For citation: Shirokova E. O. The problem of ensuring spiritual and moral security in the programmatics of parliamentary political parties of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 477–483 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-477-483>, EDN: XGNKJH

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вопрос исторического пути России, ее места в мире, цивилизационных и духовных задач никогда не терял своей актуальности. Кто мы и куда мы движемся, где наше место в этом мире, в чем неповторимость русской цивилизации, каковы ее задачи и цели? Этими вопросами сегодня задаются не только современные отечественные ученые, но и политические деятели, лидеры политических партий.

Актуальность темы исследования проблем обеспечения духовно-нравственной безопасности России в программатике парламентских политических партий обусловлена особой ролью нашей страны в процессе формирования нравственного и геополитического климата на мировой арене. Президент Российской Федерации, В. В. Путин в своей речи, произнесенной на пленарном заседании юбилейного, XXV Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2022), подчеркнул, что Россия «сама определяет своё будущее, опирается на свою историю, культуру и традиции и отвергает всяческие попытки навязать извне псевдоценности расчеловечивания и нравственной деградации» [1].

О кризисе партийных идеологий и необходимости их трансформации в новых условиях заявляют политологи (А. Н. Асафов, А. Б. Рудаков), по мнению которых, в стремительно меняющейся обстановке современного мира вопрос об актуализации партийных программ стоит наиболее остро и требует решительных действий со стороны всех политических сил. Депутаты Государственной Думы ФС РФ во время дискуссии, произошедшей во время проведения круглого стола на тему кризиса партийных идеологий, состоявшегося 24 июня 2022 г., также отмечают важность актуализации партийных программ, в том числе положений, касающихся формирования целостной национальной идеологии государства [2].

Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти является одним из приоритетов Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 2 июля 2021 г. В документе отмечается, что обеспечение безопасности традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти осуществляется в целях укрепления единства народов Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития [3].

По данным социологических опросов, россияне невысоко оценивают весомость партий как политического института, больше доверяя силовым и государственным структурам: армии, президенту, спецслужбам. На этом фоне выделяется активная электоральная поддержка партии «Единая Россия», которая воспринимается как один из политических инструментов В. В. Путина [4]. Тем не менее, политические партии выступают в качестве наиболее авторитетного института гражданского общества в современной России, который, в отличие от некоммерческих организаций, профсоюзов и общественных движений, способен оказывать реальное влияние на формирование государственной политики.

Несмотря на то что в политической науке имеется значительное количество подходов к понятию, сущности и функциям политической партии, все исследователи отождествляют ее с властью и управленческой деятельностью. По оценке М. Дюверже, изначальная цель политических партий по выражению общественных интересов сменилась на задачу по завоеванию голосов и административных постов в государственных органах власти [5, с. 117]. Массовый характер политических партий и отсутствие конкретной политической идеологии следует считать определенным этапом в эволюции партий.

По мнению А. Сен, политические партии не только способны оказывать положительное влияние на жизнь людей, но и позволяют анализировать общественные ценности на публичном уровне [6, с. 46]. В борьбе за власть политические партии способны аккумулировать потребности общества и вырабатывать стратегию развития государства, сохраняя общественные ценности в течение длительного времени.

По оценкам российских политологов (В. Г. Федотовой, Н. Н. Федотовой, С. В. Чугрова), при изучении функционирования политических партий необходимо учитывать формирующий тренд со стороны общества и государства. При создании положительных условий для деятельности партий они становятся своеобразным мостом для осуществления коммуникации между различными слоями и социальными группами [7, с. 150].

По мнению Г. Л. Купряшина, в любом государстве социальные и политические институты тесно взаимодействуют между собой, дополняют друг друга и образуют непрерывное институциональное пространство [8, с. 26]. Единство и устойчивость институциональной системы поддерживают институциональные инновации (жизнеспособные и нежизнеспособные) и

деятельность органов государственной власти, целенаправленная на сотрудничество и демократизацию общественных институтов. Негативный эффект появляется в том случае, если политические партии перестают представлять интересы общества и начинают борьбу между собой, деструктивно влияющую на развитие политической системы.

От групп интересов и иных общественно-политических организаций политические партии отличаются внутренней иерархической структурой, длительностью функционирования, добровольностью участия членов, ориентированностью на определенные интересы, которые разделяют как члены партии, так и партийный электорат. Несмотря на то что целью каждой политической партии служит достижение, реализация и удержание власти, у данного института имеются программные цели, посвященные преобразованию всех сфер общественной жизни. Цели партии закреплены в ее программе и должны соответствовать ее политической доктрине.

Политические партии сами по себе не являются организациями, определяющими политику. Они, безусловно, занимают позиции по важным политическим вопросам и предлагают альтернативные проекты реформирования государственной политики. Чаще всего политические партии организованы на местном, государственном и национальном уровнях. Партийные лидеры и активисты участвуют в отборе кандидатов для участия в выборах, управлении политическими кампаниями, а также в разработке позиций и политики, привлекательных для потенциальных избирателей [9, с. 40].

В современном обществе политические партии являются видом общественных объединений, которые проявляют активную деятельность в политике, оказывая влияние на принятие властных решений. Сущностные характеристики партии позволяют вычлени основные направления коммуникационной деятельности этих организаций. К таковым относятся пропаганда своих идей с целью распространения идеологии и привлечение на этой основе своих сторонников; укрепление организационных основ партии; ознакомление со стратегическим курсом с помощью положений программы деятельности; разработка коммуникативной стратегии и тактики по привлечению избирателей на свою сторону во время выборов.

В отличие от государственных структур власти, политическая партия является одним из институтов гражданского общества, выражающим волю и интересы не всех граждан, проживающих на территории государства, а

только определенной части. Также партии обладают меньшими по сравнению с государством ресурсами, а значит, и меньшими возможностями своего влияния на массы. Партия не может принуждать к чему-либо против воли индивида, а может только убеждать или использовать методы политического маркетинга и манипулирования.

По данным Министерства юстиции РФ, на 16 июня 2022 г. в Российской Федерации официально зарегистрирована 31 политическая партия [10]. Согласно федеральному законодательству, данные партии представляют все возможные идеи, кроме фашизма, национализма и тех, которые призывают к вражде между народами и представителями различных верований. Также закон запрещает партии, которые занимаются отрицанием общечеловеческих качеств и ценностей, и те, что пропагандируют деятельность, подрывающую моральные устои [11].

В Государственной Думе РФ VIII созыва представлено пять политических партий: «Единая Россия» (ЕР), Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), «Справедливая Россия – За правду» (СРЗП), Либерально-демократическая партия России (ЛДПР), «Новые люди» (НЛ). С целью выявления роли парламентских политических партий в формировании государственной политики обеспечения духовно-нравственной безопасности России целесообразно обратиться к актуальным партийным программам, конкретизирующим идеологические установки партий и их альтернативные предложения по развитию духовного потенциала общества.

Политическая партия «Единая Россия» полностью поддерживает политику, реализуемую руководством страны. Тезисы политической программы партии соответствуют официальному правительственному курсу, ориентированному на государственное строительство с опорой на традиционные ценности российского общества. Обеспечение духовно-нравственной безопасности России партия связывает с необходимостью развития науки и культуры, предоставлением возможности для самореализации граждан, поддержкой самобытности народов и этносов, проживающих на территории России. Духовность, нравственная чистота, достоинство личности и взаимоуважение провозглашаются в качестве основополагающих принципов, обеспечивающих силу и единство общества, а также международный авторитет государства [12].

Накануне парламентских выборов 2021 г. «Единая Россия» представила свою предвыборную («народную») программу, в которой анон-

сировала направления партийной деятельности на ближайший период. В рассматриваемом документе отсутствует отдельный раздел, детализирующий взгляд партии на перспективы обеспечения духовно-нравственной безопасности страны. Отдельно обозначается ценность крепкой, благополучной, традиционной семьи, нуждающейся в поддержке государства, солидарность поколений. Особое значение придается сохранению культуры, истории и традиций народов России и необходимости их защиты от агрессивного навязывания чуждых для российского общества ценностей со стороны внешних акторов [13]. В «народной» программе «Единой России» выделены направления, реализация которых позволит укрепить связь поколений и неразрывность развития нашего Отечества. Однако не охарактеризованы меры по обеспечению духовно-нравственной безопасности государства, что, на наш взгляд, является значительным упущением для партии, представляющей интересы большинства населения. Здесь следует отметить, что «Единая Россия» как «партия власти» во многом идентифицирует свою программу с официальными документами, принятыми на государственном уровне, как, например, с положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в которой особое внимание уделяется обеспечению духовно-нравственной безопасности России.

Крупнейшая партия системной оппозиции – Коммунистическая партия Российской Федерации – в своей программе рассматривает проблему обеспечения духовно-нравственной безопасности России более детально. Определен спектр угроз для сохранения духовных ценностей россиян. В первую очередь, это капитализм и моральное разложение общества в западных странах, ориентированных на модель рыночной экономики. Во-вторых, это стремление капиталистических стран распространить во всем мире бездуховность, насилие и космополитизм посредством использования новейших информационных технологий с целью увеличения своего политического и экономического влияния. В-третьих – глобализация, распространение которой приводит к масштабным экономическим кризисам, техногенным катастрофам, культурному и духовному упадку.

Для развития и упрочнения духовно-нравственных ценностей российского общества, среди которых в программе КППРФ перечислены коллективизм, общинность, патриотизм, тесная взаимосвязь общества и государства, партия предлагает обратиться к истории страны. Отмечается вклад великих деятелей русской культуры и науки, взгляды революционеров

на необходимость модернизации государства, роль рабочего класса в создании духовных ценностей населения. В современных условиях программа-минимум партии предполагает обеспечение защиты русской культуры как «основы духовного единства многонациональной России, традиций и ценностей народов страны, сопротивление любым попыткам очернения истории государства» [14].

Тезисы о необходимости обеспечения духовно-нравственной безопасности как средства возрождения России продолжили свое развитие в предвыборной программе КППРФ на выборах в Государственную Думу ФС РФ VIII созыва «10 шагов к власти народа». В понимании партии грядущее обновление власти невозможно без полноценного духовного и патриотического воспитания, защиты Русского мира и запрета пропаганды бездуховности. Символично, что раздел предвыборной программы КППРФ о культуре и духовном возрождении россиян следует сразу после раздела, посвященного обеспечению внутренней и внешней безопасности. Таким образом, десятый шаг: «Великому народу – великую культуру», подытоживает пункты программы партии, призывая к актуальности сохранения духовного единения россиян и уникальной многонациональной культуры, основанных на принципах гуманизма, правды и справедливости [15].

Большое внимание защите духовно-нравственных ценностей россиян уделяла партия «Справедливая Россия», которая в своей программе 2016 г. упоминает о необходимости сохранения духовного и культурного наследия в нескольких пунктах программного документа. Обеспечение духовно-нравственной безопасности России, по оценке партии СР, должно осуществляться на нескольких уровнях: во-первых, на общегосударственном, при формировании и реализации внутренней политики по развитию науки, культуры и патриотическому воспитанию; во-вторых, на уровне школ, так как их приоритетная задача заключается в воспитании молодых граждан: в-третьих, в семье как первичном социальном институте. Совершенствование деятельности органов государственной власти должно осуществляться с учетом духовных и нравственных устоев общества. Следует отметить, что обеспечение духовно-нравственной безопасности России партия связывает с преобразованием семейной, социальной, национальной и культурной государственной политики, реформированием системы образования страны в соответствии с принципами справедливости, солидарности и взаимоуважения [16].

К сожалению, в предвыборной программе политической партии «Справедливая Россия – За Правду» 2021 г. положения о духовно-нравственной безопасности России не были включены в заключительный текст документа. Была изменена структура программы, ее объем и основные положения. Ни разу не упоминаются слова и словосочетания «духовность», «нравственность», «ценности», «традиции», «моральность», «этические нормы». Основной акцент в программе делается на патриотизм, который складывается из любви к историческому прошлому Российского государства, уважения к соотечественникам и желания достойного будущего для своего Отечества. Залогом безопасности страны становится сохранение и развитие национальной культуры, для чего, с позиции партии, следует принять соответствующий рамочный закон «О культуре в Российской Федерации», увеличить долю расходов из федерального бюджета на поддержку культуры и защиту русского языка, приравнять социальное обеспечение работников государственных учреждений культуры к уровню государственных служащих и др. [17].

Тенденция снижения интереса политической партии к проблематике обеспечения духовно-нравственной безопасности России по аналогии со «Справедливой Россией» наблюдается и в программах ЛДПР. Либерально-демократическая партия в своей официальной программе, утвержденной в 2001 г., уделяет весомое внимание духовности народов России, нравственным устоям граждан, моральным ценностям жителей страны. Современный этап развития государственности связывается с очищением России от мракобесия и ложных ценностей, духовным возрождением всех россиян, их культуры, традиций и обычаев. Партия поддерживает сохранение традиционных семейных ценностей жителей России: разграничение социальных функций мужчины и женщины, повышение роли мужчины как главы семьи, многодетность, снижение брачного возраста. Спустя тридцать лет после принятия программы партии не теряет своей провокационности предложение о предоставлении возможности гражданам вступить в новый брак, не расторгая предыдущего. Разделяя идею о светском характере Российского государства, ЛДПР выступает в поддержку православия как религии, которую исповедует большая часть населения и не допускает попыток подорвать ее роль в жизни россиян [18].

Аналогичный посыл о сохранении духовно-нравственных ценностей российского общества присутствует и в предвыборной програм-

ме ЛДПР 2021 г. Вместе с тем в документе не упоминаются духовность и нравственность как нематериальные категории, составляющие основу безопасности государства. Присутствуют тезисы о необходимости защиты семейных ценностей, христианства и других традиционных религий народов России [19].

Приоритет отдается решению актуальных проблем государственного территориального устройства, государственного управления, внешней политики. Тем самым вызовы и угрозы духовно-нравственной безопасности уходят на второй план. В некотором смысле отмеченный недочет компенсируется предложениями о преобразованиях в социальной, семейной, национальной государственной политике, реализации которых в перспективе должна способствовать духовному возрождению народов России и укреплению их единства.

«Новые люди» – относительно молодая политическая партия, которая за короткие сроки успела заручиться поддержкой населения и продемонстрировать хороший результат на выборах в Государственную Думу 2021 г. Основным документом партии – программа, стала сводом целей и задач политической организации на ближайшие годы и использовалась в избирательной кампании по выборам депутатов федерального парламента VIII созыва.

По сравнению с опытными политическими партиями, становится очевидным альтернативный подход «Новых людей» к проблеме обеспечения духовно-нравственной безопасности России. Партия ставит во главу угла программы ценности (новую культуру управления, свободу принятия решений, рациональность, инициативность), ориентированные на свободу и способствующие самореализации человека в современной России. Модернизацию государственного управления «Новые люди» связывают с развитием демократии, гражданского общества, институтов представительства, с изменением существующей модели российской экономики. Во внешней политике предлагается отказаться от шаблонов «геополитического» цинизма и объяснить всему миру, за какие именно ценности выступает Россия, в чем заключаются ее противоречия с оппонентами и кого страна видит в числе своих союзников [20].

Проведенный анализ программ парламентских политических партий позволяет сделать ряд выводов:

– политические партии уделяют недостаточное внимание выделению угроз духовно-нравственной безопасности России в своих программных документах. Наиболее комплексный

анализ содержится в политических программах КПРФ, однако и он представляется ограниченным, так как сконцентрирован на проблемах распространения мирового капитализма и глобализации;

– подходы отечественных политических партий к решению проблемы обеспечения духовно-нравственной безопасности России имеют существенные отличия, так как они формируются с учетом партийной идеологии и ценностных ориентиров базового электората. В программных документах ЕР, КПРФ, ЛДПР, СРЗП в качестве основных приоритетов отмечаются необходимость сохранения традиционных семейных традиций, культуры и языков народов России, истории государства и недопущение её искажения, что объясняется значительной долей граждан среднего и старшего возраста среди их избирателей. «Новые люди», ориентированные на молодежь и предпринимателей, отдают предпочтение развитию ценностей, связанных с самореализацией личности, не упоминая в своей программе о духовности и нравственности;

– в программах парламентских политических партий содержится ограниченное количество предложений по совершенствованию духовно-нравственной безопасности россиян. В основном они представлены идеями о повышении роли культуры в обществе, развитии патриотизма у подрастающего поколения, усилении контроля за повесткой в СМИ и интерпретацией истории России. В программах парламентских партий, кроме программ ЕР и КПРФ, отсутствуют конкретные рекомендации по обеспечению духовно-нравственной безопасности россиян, что снижает эффективность их практической реализации;

– наблюдается тенденция снижения внимания политических партий к проблемам духовно-нравственного развития российского общества. Большинство действующих программ парламентских политических партий были приняты в начале 2000-х гг., когда государство находилось в поиске своей национальной идентичности, а население было обеспокоено утратой духовно-нравственных ценностей в период 90-х гг. XX в. Предвыборные программы партий более лаконичны и ориентированы на решение первоочередных социальных, политических и экономических задач. В стремлении к привлечению большего количества электората программы становятся все более унифицированными и популистскими, а сокращение их содержания достигается за счет сжатия положений о необходимости обеспечения духовно-нравственной безопасности России.

С учетом быстро меняющейся геополитической ситуации, увеличивающей внутренние и внешние проблемы России, политические партии, как связующее звено между государством и обществом, должны уделять больше внимания необходимости модернизации духовно-нравственной безопасности государства. Программные документы политических партий следует обновить в соответствии с актуальным перечнем вызовов духовно-нравственной безопасности россиян. Положения о духовно-нравственных ценностях и мерах их защиты в Российской Федерации целесообразно выделить в специальных разделах партийных программ, посвященных рассматриваемой проблематике.

В заключение подчеркнем, что успешное развитие российской государственности связано с эффективным функционированием гражданского общества, в основе которого лежат гражданская идентичность и духовные ценности россиян. В условиях становления нового мирового порядка и занятия достойного места в нем России особо актуализируется духовно-нравственная составляющая деятельности политических партий, определяющих векторы развития страны.

Список литературы

1. Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин на пленарном заседании ПМЭФ-2022. URL: <https://rg.ru/2022/06/17/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-na-plenarnom-zasedanii-pmef-2022.html> (дата обращения: 24.06.2022).
2. Депутаты и политологи обозначили пути трансформации партийных идеологий в новых условиях. URL: <https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/news/2022/6/24/1164660.html> (дата обращения: 24.06.2022).
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 2.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Образ парламентских партий в общественном сознании URL: <https://www.levada.ru/2021/04/28/obraz-parlamentskih-partij-v-obshhestvennom-soznanii/> (дата обращения: 24.06.2022).
5. Дюверже М. Политические партии. М. : Академический Проект, 2005. 544 с.
6. Сен А. Идея справедливости. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. 520 с.
7. Федотова В. Г., Федотова Н. Н., Чугров С. В. Культура, институты, политика // Полис: Политические исследования. 2018. № 1. С. 143–156. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.10>.
8. Купряшин Г. Л. Модернизация государственного управления: институты и интересы. М. : Изд-во Московского ун-та, 2012. 312 с.
9. Вагина Л. С. Теоретические основы исследования деятельности политических партий как субъекта по-

- литики в современной России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 5. С. 37–42.
10. Список зарегистрированных политических партий. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/#section-762> (дата обращения: 24.06.2022).
 11. О политических партиях : федер. закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 12. Программа Всероссийской политической партии «Единая Россия». URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/programma-i-ustav-vserossijskoj-politicheskoy-partii-edinaya-rossiya/> (дата обращения: 24.06.2022).
 13. Народная программа «Единой России». URL: <https://er.ru/party/program> (дата обращения: 24.06.2022).
 14. Программа партии КПрФ. URL: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 24.06.2022).
 15. Предвыборная программа КПрФ на выборах в Государственную Думу ФС РФ VIII созыва. URL: <http://www.kprf-kaliningrad.ru/2021/07/desjat-shagov-k-vlasti-naroda-polnyj-tekst-predvybornej-programmy-kprf.html> (дата обращения: 24.06.2022).
 16. Программа партии «Справедливая Россия». URL: <https://storage.spravedlivo.ru/sr73/113270a.pdf> (дата обращения: 24.06.2022).
 17. Предвыборная программа Социалистической политической партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ПАТРИОТЫ – ЗА ПРАВДУ». URL: <https://obj.spravedlivo.ru/sr73/113269b.pdf> (дата обращения: 24.06.2022).
 18. Программа и Устав Политической партии ЛДПР. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/programma-i-ustav/> (дата обращения: 24.06.2022).
 19. Предвыборная программа ЛДПР. 2021. URL: <https://vseobzornik.ru/predvybornaya-programma-ldpr-2021/> (дата обращения: 24.06.2022).
 20. Программа партии «Новые люди». URL: https://newpeople.ru/program_newpeople (дата обращения: 24.06.2022).

Поступила в редакцию 26.06.2022; одобрена после рецензирования 02.07.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 26.06.2022; approved after reviewing 02.07.2022; accepted for publication 29.08.2022

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 484–490
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 484–490
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-484-490>
EDN: XTYGYW

Рецензия
УДК 355.01

Военные науки и наука о войне в понимании российских и австрийских исследователей

Рецензия на: Военные науки versus наука о войне в Австрии и России = *Militärwissenschaften versus Wissenschaft über Krieg in Österreich und Russland* : коллективная монография / под общ. ред. В. К. Белозерова, А. Дубови ; пер. под ред. И. А. Лузяниной. М. : МГЛУ, 2021. 186 с. + 192 с. ; цв. ил.

О. Н. Забузов

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

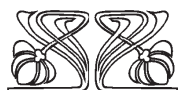
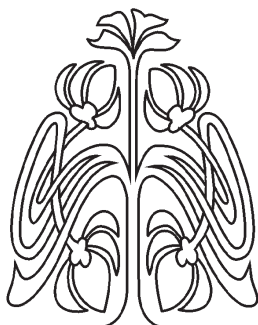
Забузов Олег Николаевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, zabuzov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6032-2042>

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на двуязычную коллективную монографию «Военные науки versus наука о войне в Австрии и России (*Militärwissenschaften versus Wissenschaft über Krieg in Österreich und Russland*)». Рецензируемое издание – результат российско-австрийского научного семинара по проблемам войны и военной науки. Книга состоит из двух разделов. В первом разделе авторами монографии рассмотрен ряд методологических и мировоззренческих проблем войны. Приводятся размышления относительно сущности военной науки, важности стратегии в реализации военно-доктринальных положений государства. Рассмотрено концептуальное понимание стратегии. Уделено внимание сущности понятия «современная война». Особый акцент в монографии сделан на исследование научного военно-исторического наследия, важности экономических, информационных, духовных аспектов содержания современных войн. Показаны тренды «разгосударствления» современных войн. Второй раздел посвящен прикладным аспектам современной войны. В нем изучены вопросы применения военной силы в современном обществе, ее использования политикой. Поднимаются проблемы методологии войны, и в частности, природы войны. Уделено внимание гибридности, системности, комплексности, асимметрии войны. Для лучшего понимания сути войны в монографии вводится понятие «образ войны», характеризующий ее внутреннее и внешнее проявление. Авторами рассмотрена идея развития полемиологических исследований в России и мире. Обращаясь к системе военного образования в Австрии и ФРГ, авторы постулируют необходимость сохранения военного компонента в образовании, являющегося основой военной профессии. Выход в свет такой двуязычной совместной российско-австрийской коллективной монографии стоит положительно расценивать не только с научной точки зрения, но и как фактор установления научно-деловых контактов в период столь непростых геополитических изменений в мире.
Ключевые слова: Австрия, армия, военная наука, война, знание, мышление, Германия, понимание, решение, Россия, современная война, стратегия

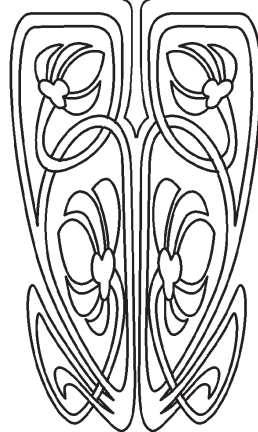
Для цитирования: Забузов О. Н. Военные науки и наука о войне в понимании российских и австрийских исследователей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 484–490. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-484-490>, EDN: XTYGYW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

© Забузов О. Н., 2022

ПРИЛОЖЕНИЕ

Review's report

Military sciences and the science of war in the understanding of Russian and Austrian researchers

Review of: Military sciences versus war science in Austria and Russia = Militärwissenschaften versus Wissenschaft über Krieg in Österreich und Russland: collective monograph / ed. by V. K. Belozerova, A. Dubovi; transl. ed. I. A. Luzyanina. Moscow, MGLU, 2021. 186 p. + 192 p. With color illustrations (Russian and Germany)

O. N. Zabuzov

Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), 6 build. 1, Fotievoi St., Moscow 119333, Russia

Oleg N. Zabuzov, zabuzov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6032-2042>

Abstract. The article is a review of the bilingual collective monograph “Military Sciences versus War Science in Austria and Russia (Militärwissenschaften versus Wissenschaft über Krieg in Österreich und Russland)”. The monograph under review is the result of a Russian-Austrian scientific seminar on problems of war and military science. Book consists of two sections. In the first section, the authors of the monograph consider a number of methodological and ideological problems of the war. They give reflections on the essence of military science, the importance of strategy in the implementation of the military-doctrinal provisions of the state. The conceptual understanding of the strategy is considered. Attention is paid to the essence of the concept of «modern war». Particular emphasis in the monograph is placed on the study of the scientific military-historical heritage, the importance of economic, informational, spiritual aspects of the content of modern wars. The trends of «denationalization» of modern wars are shown. The second section of the collective monograph is devoted to applied aspects of modern warfare. In it, the co-authors of the monograph studied the issues of the use of military force in modern society, its use by politics. The problems of the methodology of war are raised, and in particular, the nature of war. Attention is paid to hybridity, consistency, complexity, asymmetry of war. For a better understanding of the essence of war, the concept of “image of war” is introduced into the monograph, characterizing its internal and external manifestations. Considered the idea of developing polemological research in Russia and in the world. Turning to the system of military education in Austria and Germany, the authors postulate the need to preserve the military component in education, which is the basis of the military profession. The publication of such a bilingual joint Russian-Austrian collective monograph should be positively regarded not only from a scientific point of view, but also as a factor in establishing scientific and business contacts in such difficult geopolitical changes in the world.

Keywords: Austria, army, military science, war, knowledge, thinking, Germany, understanding, solution, Russia, modern war, strategy

For citation: Zabuzov O. N. Military sciences and the science of war in the understanding of Russian and Austrian researchers. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 484–490 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-484-490>, EDN: XYGYW

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современных условиях возрастает значимость междисциплинарных исследований. Именно на стыке различных отраслей знаний получают наиболее интересные и востребованные как в теоретическом, так и в практическом плане исследования. К таковым и относится рецензируемая коллективная монография. Она незаурядна и тем, что в ней представлены две самобытные научные традиции изучения войны и военной действительности – австрийская и российская.

Отметим ряд моментов, которые зададут тон данной рецензии.

Во-первых, монография имеет статус коллективной, являясь результатом российско-австрийского научного семинара. Она представляет собой хоть и объединенное общим замыслом исследование, но все же состоящее из самостоятельных глав. С учетом содержания монографии и рецензия будет иметь признаки дискретности.

Во-вторых, поскольку монография образована двумя различными школами, представители которых имеют богатый опыт военной службы и научных исследований, рецензия отражает специфику подходов этих школ.

В-третьих, мы будем придерживаться структуры монографии, разделы которой связаны с методологическими и прикладными аспектами изучения войны и военной действительности.

В-четвертых, анализировать природу войны, методы ее изучения без приложения к современной действительности вряд ли допустимо. Тем более что перманентная трансформация военной действительности требует постоянного внимания со стороны научного и экспертного сообщества.

Методология исследования

В научном исследовании важно определиться с получением ожидаемого релевантного результата. Для этого необходимо изначально определиться относительно методов исследования. Авторы монографии ставят проблему уже в предисловии. В ходе семинара, состоявшегося в мае 2018 г. в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), перед учеными сразу встал сложный вопрос метода изучения войны. Авторы монографии с учетом своих взглядов попытались показать сложную палитру подходов к изучению войны с позиции современной науки.

Война: методологические и мировоззренческие проблемы исследования

Полковник вооруженных сил Австрии А. Алекса, рассматривая военную науку, апеллирует к словам Карла Австрийского о том, что «принципы военной науки малочисленны и неизменны, однако приложение их никогда не бывает и никогда не может быть одинаково» (с. 13). Исходя из этого, он полагает, что военная наука в Австрии представляет собой и науку, и учебную дисциплину. Анализируя военную отрасль знания как учебную дисциплину, автор ссылается на австрийскую систематику отраслей науки, где ей отведено место среди социального блока. Более того, отмечает автор, военная наука в Австрии имплицитно связана с наукой об обороне, которая, в свою очередь, представлена широким спектром видов обороны: собственно военной, духовной, гражданской и экономической.

А. Алекса обосновывает синтез военного руководства и научной деятельности. В этой связи им отмечается, что военное руководство есть научная деятельность, направленная на изучение «основ общего, целеуказывающего, управляющего и мотивирующего воздействия...» (с. 15). Обращаясь к вопросам научного решения военной науки, Алекса заключает, что здесь используются методы социальных наук, такие как наблюдение, опрос или решение ситуационных задач, т.е. не что иное, как кейс-стади.

Автор отмечает важность компетенций, которые должны быть достигнуты в ходе военно-научной работы. В монографии приведена достаточно оригинальная схема компетентности действий, которая должна быть присуща военному руководителю. Она должна базироваться на личностных, профессиональных, методических и социальных компетентностях. Думается, предложенная автором схема может быть полезной и для российской армии, да и для любой отрасли народного хозяйства.

Исследуя военную науку как искусство, Алекса заключает, что успешность военного искусства заключается в первоначальном получении знания и в последующем его применении на практике: «...решающее значение имеет теоретическое знание, которое преобразуется практикой в знание действия» (с. 18). Трудно не согласиться с автором в том, что «военное искусство предполагает всестороннее знание вариантов военных действий», с другой стороны, «оно требует высокого уровня креативности и интуиции» (с. 18). Но если креативность стоит рассматривать как уникальность в решении

каких-то ситуаций, то как определить место и роль интуиции в этих вопросах? Автор не дает ответа, да и мы не рискнем.

Анализируя военную науку в Австрии как реальность, Алекса выдвигает достаточно простой, но убедительный тезис – это действительность. Завершая свои рассуждения, он заключает, что «военная наука прибыла в Австрию». Перспективы ее развития автор видит в проработке предметных областей и имплементации ее в гражданское научное сообщество, тем самым ставя еще один вопрос о дифференциации военной науки и науки вообще.

Рассуждая о понятии «современная война», профессор И. С. Даниленко отметил, что «война не ушла с исторической сцены и даже не была серьезно потеснена» (с. 20). Действительно, рассматривая феномен современной войны через призму поражения СССР в холодной войне, он отмечает, что война обогатилась опытом холодной войны. Автор, признавая оценку Клаузевицем войны как хамелеона, говорит об изменчивости современных войн по сравнению с предшествующими, а именно о смещении средств ведения войны в сторону от убийно-разрушительных и резюмирует, что они могут быть решающими. Как показала история, война может быть выиграна без применения традиционных средств вооружения. Такой стала холодная война, история которой не исследована в полной мере. Рассмотрение войны в «традиционном формате», без учета опыта холодной войны, может привести к проигрышу в новых развивающихся реалиях.

Автор считает, что одним из направлений изучения войны является ее топология. Даниленко приводит достаточно исчерпывающую классификацию войн, вводя, к примеру, такие критериальные показатели, как вероятность и суицидальность войн.

Современные войны, делает вывод И. С. Даниленко, есть результат действия двух факторов: исторической социальной инерции и столкновения военных/антивоенных курсов государств. Автор видит некоторое лукавство в переходе от политики подготовки и развязывания войны к политике обеспечения военной безопасности, что, в его понимании, затеняет миро-военный ход истории. Современное миро-военное устройство характеризуется, во-первых, неустойчивым состоянием перехода в системе «мир – военный конфликт/война». Во-вторых, основным генератором миро-военного алгоритма является США. Без их прямого или косвенного влияния в сегодняшнем мире не происходит ни одна война или военный конфликт.

Рассуждая о военной науке, И. С. Даниленко заключает, что «современная военная наука остается, как и прежде, наукой о подготовке и ведении войны» (с. 28). В то же время, резюмирует он, наука о войне так и не обрела системного характера. Автор видит современную науку в решении двух диалектически взаимосвязанных задач: во-первых, ведение войны по достижению поставленных политических целей; во-вторых, предотвращение и исключение войны из национального и мирового исторических процессов. В нашем понимании вторая задача выглядит утопичной, и, в первую очередь, по определению самого же И. С. Даниленко, признающего меняющийся характер войн и его смещение в сторону неубойно-разрушительных средств, т. е. в сторону так называемого неявного применения летального оружия.

Рассуждая о таком элементе военной науки, как стратегия, генерал армии В. Н. Лобов размышляет о ее важности в реализации любой доктрины. Обращаясь к наследию Бюлова, который разделял стратегию на военную и политическую, автор соглашается, что такое разделение крайне важно для современной военной науки, т. е. даже в определении стратегии он разделяет точку зрения относительно примата политического над военным. Проводя анализ мнений различных теоретиков и практиков военного дела, в частности К. Клаузевица, К. Австрийского, Ж. Л. Лавалья, Л. Гарта и других, В. Н. Лобов делает вывод об односторонности стратегии ввиду того, что ее изучали в большинстве своем военные теоретики и практики. Автор говорит о новой трактовке понятия, утверждая, что «стратегия – наука и практика реализации возможностей государства для достижения целей, поставленных политикой» (с. 38).

Размышляя о сущности и содержании стратегии, бригадный генерал В. Пайшель опирается на достаточно провокационный подход к ее определению. Он видит такую провокативность в изначальном разграничении мышления и действия, что является, на его взгляд, одним из принципов эффективного стратегического мышления. Немаловажным представляется определяющее влияние ценностей в достижении стратегического превосходства. Подмена ценностей, чрезмерный уход в индивидуализированное состояние социума ведет к структурной стагнации стратегии (с. 49).

Важным представляется и понимание В. Пайшелем ключевого свойства стратегии в виде нахождения цели и вектора действия. Нет оснований не согласиться с автором, что отсутствие стратегического целеполагания может иметь для социума крайне болезненные по-

следствия. Пайшель обосновывает место и роль военной науки в формировании определенного вклада в развитие общегосударственного стратегического целеполагания (с. 50).

Рассматривая концептуальное понимание стратегии, В. Пайшель обращается к метафоре о Полярной звезде. Иными словами, стратегическое целеполагание, как важнейшая составляющая стратегии, автором осознается в векторе, имеющем направление, но без его важного свойства – протяженности. Аллегория Полярной звезды указывает на недостижимость целеполагания, но задает направленность, т. е. данный конструкт является лучом, имеющим начало, направление, но не имеющим конца.

Размышляя над принципами стратегического мышления, В. Пайшель апеллирует к одной из старейших мудростей военного управления, постулирующей, что задача, которая не может быть сразу решена имеющимися средствами, должна быть разбита на подзадачи, которые решаются сегментарно, дискретно и параллельно. Разделение процесса принятия решения по типам мышления автор видит в виде трех пар антагонизмов. Первой парой является разделение между целенахождением и планированием. В этом случае стратегия становится приоритетом по отношению к планированию, выполняя своеобразную функцию Полярной звезды. Второй противоположностью является разрешение противоречий на стыке операциональной креативности и критического аналитического мышления. Скорее всего, автором подразумевается необходимость затронуть вопрос определения с подходами по повышению эффективности управления. Третий этап пролегал в направлении разграничительной линии между теорией и практикой. Стоит отметить и глубину проработки автором своего подхода. Он апеллирует к глубоким философским работам, в том числе к И. Канту и И. В. Гёте.

Обращаясь к анализу стратегической модели принятия решений и руководства, В. Пайшель делает весьма интересное аллегорическое сравнение такого рода деятельности, полагая, что оно состоит из двух равновеликих половин: эмпирики и теории. «Накрывая» проблемное поле принятия решения различными методами мышления, автор говорит об управленческом процессе. Достаточно оригинальным выглядит понимание места лица, принимающего решение, которое располагается на срединной линии проблемного поля принятия решения. Говоря о дифференциации принятия решения в воинском подразделении, автор переносит это на действительность, разграничивая функционал командира и начальника штаба.

Завершая рассмотрение сущности и содержания стратегии, В. Пайшель делает вывод о необходимости институционального академического признания основных военно-научных дисциплин. Только тогда будет польза от военной науки в сферах политики безопасности, высшего государственного менеджмента.

Российская военная классика – истинная стратегическая культура, убежден российский исследователь А. Е. Савинкин. Обращаясь к работам и мыслям Петра I, Шувалова, Суворова, Ушакова, Леера, Снесарева и других, автор приходит к выводу о важности военного образования и развития кругозора, многосторонности понимания у военного человека.

Автор говорит о важности экономики войны. До упоминания об этом А. Е. Савинкиным, иными соавторами монографии речь не велась о такой атрибутике войны и стратегии. В трактовке А. А. Свечина успешная победа в мировой войне возможна при формировании «экономического генерального штаба» при одновременной реализации принципа крайнего напряжения и проявления воли к победе (с. 69).

Автор обращается и к творчеству представителя русской военной эмиграции Е. Месснера, который предрек наступление эры «явного и тайного «мятежевоевания»», что предполагает возможность ведения войны в виде мятежа, партизан, а в современном прочтении – частных военных компаний, пусть и не являющихся официальными комбатантами, но выполняющих задачи государств, их нанявших. А. Е. Савинкин говорит о разнообразии видов оружия, применяемых в ходе «мятежевойны», и летальными средствами этот список не ограничивается. В ее арсенале оружие, ранее даже не мыслимое: «оружие-порнография», «оружие-наркотики», «оружие-промывание мозгов».

В этом же контексте стоит говорить о силе духа. Автор приводит слова А. Керсновского, отмечавшего, что «сущность русской национальной доктрины – преобладание духа над материей» (с. 71). Речь идет о необходимости духовного укрепления армии и флота. Главным здесь должно быть воспитание души тех, кто стоит за применением оружия. Такая постановка вопроса и сегодня ориентирует на развитие человеческого капитала.

Современная война: прикладные аспекты изучения

Отмечая генезис развития науки о войне в России/СССР, профессор В. К. Белозёров отмечает тернистость ее пути. До настоящего времени в научном сообществе ведутся дискуссии о самостоятельности такой отрасли знаний, как

наука о войне. Еще раньше, в начале XIX в., велись такие дискуссии, в которых участвовали Толстой, Драгомиров, Медем и др. Но в императорской России война не рассматривалась с политологической точки зрения. В сложившихся условиях политической науке не нашлось места в военных вузах и в исследовании войны, заключает В. К. Белозёров. Он делает обширный исторический экскурс социального кризиса страны и тех последствий, которые затронули весь социум и армию, начиная с революции 1917 г., когда на голову армии упал ряд вопросов, требующих глубокого осмысления и принятия решений, и оканчивая закатом СССР, когда политика «нового мышления» исключала военную силу из перечня средств политики.

Рассматривая подходы общественно-политических наук к изучению войны, профессор Белозёров фиксирует ряд позиций, требующих пристального изучения. Проводя анализ состояния военной науки в России, автор приходит к ряду выводов, с которыми трудно не согласиться. Остановимся на наиболее важных, на наш взгляд.

Войны претерпевают постоянные изменения. Инструментарий исследования войны принадлежит широкому спектру наук, начиная от общественных и заканчивая естественнонаучными. Как отмечает автор, в некоторых военно-научных работах проявляется стремление выйти за пределы предмета исследования, включая в ареал изучения вопросы невоенных, несиловых видов борьбы. В связи с этим Белозёров рассуждает о проблеме методологии изучения войны, в частности о том, что является для военной науки объектом и предметом исследования. Автором поднимается вопрос о проблеме комплексных исследований военных проблем, соединении усилий различных наук. Профессор Белозёров говорит о вкладе различных отраслей знаний в развитие теории и практики войны. Более того, представители ряда наук создают труды по философии войны, социологии войны, психологии войны. В то же время, отмечает автор, в настоящее время отсутствует политология войны. Понимание войны с такой точки зрения требует привлечения к ее исследованию политической науки. В постсоветской России нашлось место для развития военной политологии. Ею был очерчен ряд проблем, которые входили в круг исследования, а также определено проблемное поле исследования (с. 96). В. К. Белозёров выделяет ряд направлений исследования войны в рамках действующей в России регламентации политической науки. Фактически в рамках любой политологической специальности может быть

обнаружен военный сегмент. Размышления автора относительно сущности и содержания войны, места и роли политологии в ее изучении в полной мере предопределяют формирование и развитие «полноценной политологии войны».

Размышляя о феномене войны, ее характере и природе, австрийский полковник Ю. Виммер задается вопросом, является ли гибридность чем-то новым или она всегда являлась составляющим войны? И постулирует, что между ними есть различия. В качестве основной проблемы природы войны, по мнению автора, должен быть ответ на вопрос, почему человечество ведет войны? Для ответа Виммер приводит схему тройственности Клаузевица, включающей триаду «правительство – армия – народ». В такой модели существенными взаимосвязями являются именно политические намерения, иными словами, реализация политической воли через войну посредством армии и ожидание народом шансов на изменения. Автор заключает, что «человеческое измерение войны – будь то готовность к борьбе в силу человеческой природы из-за неудовлетворенности, стремления к переменам или культурных норм и ценностных установок – будет гарантировать войну в будущем» (с. 102). Природа войны помогает обрести общее ее понимание.

Ю. Виммер размышляет о способах и формах ведения войны. Сосредоточиваясь на асимметрии, автор утверждает, что она всегда была неотъемлемой частью любой войны. В качестве примера стоит привести использование БПЛА против талибов в Афганистане или действия англичан против буров в Африке. Цель асимметрии – принудить противника сдать путем расширения пространства и времени.

Рассматривая гибридность, Ю. Виммер решителен в своем утверждении, что данный феномен не что иное, как хайп в период крымских событий 2014 г. Скорее всего, отмечает он, любая война подразумевает использование всех инструментов силы государств для достижения поставленных целей. И в таком случае стоит вести речь о комплексности применения таких средств, но ни о какой гибридности точно. Ввиду этого любую войну стоит рассматривать как целостную систему комплексности.

Проводя обоснование военных наук, Ю. Виммер заявляет о необходимости привлечения экспертов из различных сфер науки: «Только комплексный подход к познанию феномена войны в рамках военной науки позволяет ожидать ответственного применения вооруженных сил» (с. 110).

Пытаясь уловить хамелеона войны Клаузевица, А. Дубови соглашается с тем, что война есть акт насилия, ставящий главной целью за-

ставить противника выполнить нашу волю, в то же время политическая цель должна ограничить размах военных действий. Размышляя о развитии так называемых новых войн, А. Дубови обращается к трудам Г. Мюнклера, М. Кревельда и М. Калдор. Именно новые войны в видении А. Дубови характеризуются размытостью и эрозией определения границ полномочий государства. Можем согласиться, что наблюдается своего рода разгосударствление акторов войны. Развивается радикальная асимметрия ведения войны с одновременным привнесением в нее полувоенных/полугражданских группировок.

Для лучшего понимания сути войны автором вносятся понятия: «образ войны», характеризующий внешнее проявление ее форм, и «сущность войны» – внутренняя, всеобщая и неизменная данность, нечто вроде вневременной природы (с. 118). В таком виде война – неизменная сущность, подобно хамелеону, который, меняя цвет, приспосабливается к изменяющимся реалиям. Хамелеона войны можно постичь только посредством обстоятельного междисциплинарного изучения.

Еще дальше идет исследователь из МГУ имени М. В. Ломоносова А. В. Соловьев, развивая идею полемологических исследований – науки о войне. Стоит заметить, что в XX в. исследовательские центры полемологии появились в Испании, Италии, Нидерландах. Не отставала и наша страна. Пусть они и не назывались полемологическими, но имели место быть в структурах Минобороны СССР (Институт военной истории и ВПА им. В. И. Ленина). Опираясь на многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых, автор разделяет точку зрения относительно неисключительно военной операциональной принадлежности, имеющей широкие основания. А. В. Соловьев считает, что в настоящее время весьма дискуссионными вопросами являются обоснования понятийного аппарата современной войны (с. 147).

Завершает монографию глава, написанная подполковником люфтваффе Д. Хайнцманом, посвященная военной науке как учебной дисциплине в Австрии и ФРГ. Автор указывает на важность интероперабельности содержания образования, т.е. функциональной совместимости.

Отбор кандидатов на обучение в Академию национальной обороны в Австрии по своим требованиям достаточно схож с российской практикой за исключением определения уровня знания иностранного языка. Как и в России, численность обучаемых определяется ожидаемой кадровой потребностью.

Образовательная программа подготовки офицеров для службы генерального штаба яв-

ляется высшей ступенью обучения в вооруженных силах Австрии и закреплена в специальном законе. Программа обучения призвана обеспечить пополнение рядов военных руководителей в вооруженных силах и решить проблему подготовки научно-педагогических кадров. В ходе обучения основное внимание уделяется профессиональной и методической компетенциям как готовности на основе знаний, навыков и умений решать задачи и оценивать полученный результат. Одно из направлений программы – персональное развитие каждого офицера и превращение его в многогранную интеллектуальную личность.

Делая выводы о программах подготовки офицерских кадров для службы генерального штаба Австрии и ФРГ, Д. Хайнцман заключает, что в обеих странах достигнут высокий уровень профессионализации подготовки кадров и достаточный уровень интеграции военной науки с академической. По мнению автора, «сохранение необходимого военного компонента в образовании есть неотъемлемая основа военной профессии, и она соответствует требованиям военной науки» (с. 163).

В заключение сделаем некоторые выводы.

1. В условиях обострения геополитического противостояния чрезвычайно важным представляется поддержание контактов между научными сообществами России и немецкоязычных стран, и именно представители МГЛУ уже заявляли о необходимости развития таких контактов [1].

2. Ценность труда определяет и состав его соавторов, среди которых как ученые, имеющие многолетний научный опыт разработки проблем войны и военной науки, так и войсковые практики с серьезным опытом командования.

3. Примечательно использование авторами монографии обширной литературной базы на разных языках, основу которой составили произведения немецко- и русскоязычных авторов. Приведенный перечень литературы более чем убедительный.

4. В большей степени авторам коллективной монографии удалось нащупать методологические и мировоззренческие проблемы исследования войны. При разработке этих глав соавторы показали высокий уровень общенауч-

ной эрудиции, использования научных методов исследования и применения научной и военно-научной литературы.

5. Небезосновательно в данной работе выгладит и проблема определения места и роли военных наук в системе современного научного знания. У авторов монографии во многом получилось определить проблемное поле изучения стратегии, военной стратегии, современных войн.

6. Достойно выглядят разработанные в монографии вопросы прикладных аспектов исследования современных войн. Авторы затрагивают широкий спектр проблем от состояния и перспектив политологического исследования войны, осмысления войн через призму военно-стратегического и оперативного мышления до идеи развития полемологии.

7. Понятия «война» и «военные науки» требуют дальнейшего изучения и осмысления. К таким исследованиям необходимо привлечь широкий круг специалистов различных областей знаний. В этом следует выразить солидарность с авторами монографии.

В завершение следует отметить, что именно в МГЛУ прилагаются целенаправленные усилия для того, чтобы в непростых политических условиях обеспечить понимание логики поведения немецкоязычных стран на мировой арене [2, 3].

Список литературы

1. Белозёров В. К. Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления. Размышления после Венской конференции по стратегии // Власть. 2020. Т. 28, № 1. С. 19–26. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7036>
2. Белозёров В. К. Стратегическая культура в общественно-политическом и научном дискурсе немецкоязычных стран // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1 (846). С. 10–18. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2022_1_846_10
3. Лапинс В. Стратегическая культура: детерминанты, стандарты действий, модели поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1 (846). С. 29–39. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2022_1_846_29.

Поступила в редакцию 29.07.2022; одобрена после рецензирования 27.08.2022; принята к публикации 05.09.2022
The article was submitted 29.07.2022; approved after reviewing 27.08.2022; accepted for publication 05.09.2022